

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)

А. Г. Байбородин (Иркутск)

П. В. Басинский (Москва)

А. В. Болдырев (Курск)

А. В. Кирилин (Барнаул)

В. М. Костин (Томск)

А. К. Лаптев (Иркутск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Р. В. Сенчин (Екатеринбург)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов

ответственный секретарь

Максим Долгов

начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова

редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова

редактор отдела художественной литературы

Михаил Косарев

начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов

редактор отдела общественно-политической жизни

Кристина Кармалита

редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Ю. С. Лаврова

Верстка: О. Н. Вялкова

11/2018

Содержание

ПРОЗА

Александр ВЕГНЕР. Трудармия. Повесть. Окончание.	3
<i>Второе региональное совещание сибирских авторов</i>	
Игорь КОРНИЕНКО. Шнурок. Рассказ.	75
Игорь НАЗАРОВ. Полет муниципальной птицы. Рассказ.	84
Наталья КОРОТКОВА. По долинам и по взгорьям. Повествование в рассказах.	92
Сергей ВЛАДИМИРОВ. Дама с чемоданом. Рассказ.	109

ПОЭЗИЯ

Анна ПАВЛОВСКАЯ. В двух мирах. Стихи.	66
Ольга ДОМРАЧЕВА. Красный яр. Стихи.	71
Андрей АНТОНОВ. Ода региональному поэту. Стихи.	114
Дмитрий ЛЕГЕЗА. Последний белый носорог. Стихи.	120

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ФОМИЧЕВ, Роман ЯКОВЛЕВ. Путешествие сибирских зоологов в Ирак.	123
Михаил КОСАРЕВ. Поэзия «вх.» и «исх.». <i>Фельетон в документах.</i>	151
Анатолий ГЛАЗОВ. Чайки над свалкой. <i>Чешские записки украинского батрака. Окончание.</i>	156
Валерий КОПНИНОВ. Ностальгия по настоящему.	177
<i>Коротко о книгах</i>	185
<i>Картинная галерея «Сибирских огней»</i>	
Тамара БУСАРГИНА. Вселенная Льва Серикова.	188
<i>Авторы номера</i>	191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Александр ВЕГНЕР

ТРУДАРМИЯ

Повесть*

Живы и жить будете!

Долго ли плыли вверх по Волге, Мария не помнит. Но однажды утром увидели вокруг море с островами, покрытыми лесом, и поняли, что плывут по Рыбинскому водохранилищу. В полдень причалили к пристани.

— Товарищи трудармейцы! — сказал Володя. — Пошехонье-Володарск. Сходим.

Мария, измученная морской болезнью, с бледно-зеленым лицом, выбралась на пристань. За всю дорогу она не съела ни крошки. Кружилась голова, ничего не хотелось — только спать. Другие трудармейки, даже тетя Эмма, чувствовали себя гораздо лучше.

— Далеко ли до Камчатки? — поинтересовалась Ольга Цицер.

— Недалече, километров семнадцать, — ответил Володя. — К вечеру дойдем.

— Ой, я не дойду! — сказала тетя Эмма.

— Я тоже... — прошелестела Мария.

— Все дойдут, — успокоил Володя. — Кто не сегодня, тот завтра дойдет. Спешить некуда. Лето, волки пока не бродят...

— Так у вас и волки водятся?!

— А как же! Кругом непроходимый лес, есть где спрятаться. Волков у нас много.

— И на людей нападают?

— Бывает. Но если идти группой, как мы сейчас, то они боятся. Главное, одинокому человеку со стаей не встретиться.

— А медведи есть? — спросила Эмилия, лучисто улыбаясь и накручивая на палец змейку золотых волос.

— Медведи в наших краях редкость. Но года три назад один забредал. Представляете, хозяйка утром выходит, а посреди двора медведь сидит!

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2018, № 10.

— Ух ты! Я бы умерла от страха!

— Так и она ужас как испугалась. Он ведь не просто так сидел, а ее корову жрал.

— А потом что?

— Муж еще был дома: не успели призвать. Выскочил с ружьем и застрелил... Да вы не бойтесь! Медведь — случай исключительный. Я думаю, его война выгнала из каких-нибудь далеких лесов.

— Разве здесь были бои?

— Здесь — нет. Но рядом Калинин и Москва, а там сами знаете, какие сражения разворачивались. Наша Рыбинская электростанция уже в сорок первом году подавала электричество в Кремль, самому товарищу Сталину, поэтому ее часто бомбили. Но там была очень мощная противовоздушная оборона, много немецких самолетов посбивали.

Дорога была широкая, с щебневым покрытием. В ямках блестели лужицы. Слева километрах в полутора тянулось море, справа то отступал, то подступал лес. Иногда в обгон и навстречу проезжали машины, взбрыкивая кузовами, как игривые кобылицы. Вдруг Володя резко шагнул вправо, обернулся и поднял руку. Попутная полуторка затормозила, из окна высунулся паренек.

— Куда едешь, друг? — обратился к нему Володя.

— В Ермаково.

— Ой, повезло! До самого Ермакова? Подбрось, дорогой!

— Чевоёй?! С бабами, что ли? Вылетят из кузова, а я отвечай!

Дорога-то тряска.

— Не вылетят, они закаленные в трудах и походах. Их не на таких ямках кидало и не выкинуло.

— Ну полезай с имя в кузов, дядя. Ежели что, будешь за них отвечать.

Расселись. Шоферок смотрел недоверчиво.

— Крепше держись, бабье! — сказал напоследок, ныряя в кабину.

— Нахал! — возмутилась ему вслед Ольга Цицер.

— Мужика в себе пробует, — усмехнулся Володя.

— Володя, а вы женаты? — спросила Эмилия.

— Конечно. Лизой мою жену зовут. Лиза, Лиза, Лизавета...

Очень хорошая женщина. Стойкая: что бы ни было, никогда не захнычет, не пожалуется. Два пацана уже есть. Один довоенный — Васька, а второй — Ванька — с сорок третьего, аккурат во время Курской битвы родился.

— А откуда такое название у вашего села — Камчатка? — спросила Эмилия.

— Точно сказать не могу. Слышал, что когда-то с Дальнего Востока, с полуострова Камчатка, возвратились переселенцы, которые там не прижились. Вот и назвали так село.

Через час доехали до Ермакова. Перекусили. Еще оставался хлеб, что получили в Жигулях. А у Марии, благодаря болезни, больше всех. Сейчас аппетит у нее разыгрался, и она съела почти булку.

— Повезло нам, товарищи трудармейцы: полпути проехали. Но сейчас будет труднее. Попутные машины не возьмут, потому что здесь ходят одни лесовозы, а дорога после дождей вязкая, что болото. Будем идти навстречу Конгоре. Это речка наша. Течет от Камчатки до самого Рыбинского моря.

Спустились с шоссе. Дорога шла между дикими зарослями осоки и каких-то кустарников. В их разрывах иногда появлялись коричневые воды Конгоры. От берегов до самой середины — светло-зеленый налет ряски. Над ним качаются кувшинки, со дна прут жирные стебли камыша.

Видно, после дождей здесь уже проходили машины — нарезали колеи. Идти тяжело, надо держаться ближе к травяной стене. Ноги путаются в траве, в одежду впиваются репы и колючки. А соскользнешь в колею — наберешь полные сапоги воды. В низинах целые озера, трава перед ними примята: машины, объезжая их справа и слева, проложили новые колеи.

— Дня три поездят — опять раздолбают, — прокомментировал Володя.

Там, где с обеих сторон близко подступает лес, через топкие места уложены бревна.

— Колесоотбойная дорога, — поясняет Володя.

— Почему «колесоотбойная»?

— Потому что машины скачут по бревнам и отбивают себе колеса.

— Длинная, — говорит Ольга и ступает на настил.

Володя беспокоится:

— По бревнам без сноровки не надо бы! Лучше обойти через лес!

Но Ольга не слушает:

— Ничего, я осторожно... — поскальзывается и падает в воду.

Слышится сочный всплеск — и по луже бегут волны.

Ольга вскакивает, взбаламучивая зеленоватую воду. Стоит ошеломленная, с открытым ртом. С каждой нитки ее одежды течет. Волосы растрепались, в них застряли травинки.

Ольге — горе, а Марии вспомнилось родное, далекое...

Ей двенадцать лет. Они с Милькой и Йешкой пошли за огороды. Там после теплого грозового дождя образовалась огромная лужа. Йешка форсит перед девочками: подыскивает самые большие камни и бросает в нее. Они падают с тем же звуком, с каким обрушилась сейчас в воду Ольга, и так же разбегаются волны. А над лужей кружатся необычайной красоты рыжие, синие и зеленые стрекозы, и то ли из-за них, то ли от смеха Мильки и Йешки в мире такое счастье, такое счастье! И верится, что ему не будет конца...

А сейчас Йешка лежит в землянке больной-пребольной и чахнет от туберкулеза. Даже в тюрьму его не берут.

Володя подходит к Ольге. Вода сразу набирается ему в сапоги. Он успевает поставить Ольгу на сухое место, а сам застревает, делает неловкий рывок — и садится в воду.

— Теперь нас двое мокрых! — пробует шутить Ольга.

— Ничего, вода теплая. Высохнем, как собаки, на солнце, — успокаивает Володя, выливая воду из сапог. Галифе и гимнастерка до самых плеч черны от влаги.

Впереди слышится гул. Сверкнули на солнце стекла кабины. С той стороны к колесоотбойной дороге подъехал лесовоз. Приостановился, зарурчал, выпустил струю дыма и въехал на настил. Осторожно поднялся и опустил, поднялся и опустил, как корабль на волнах. Вслед за ним и другой лесовоз, и третий... Первый поравнялся с трудармейками, обдал их синим бензиновым дымом. Бревна под ним заиграли, вода выплеснулась из берегов. Съехал с бревен, напрягся и выбрался на сушу.

Женщины стояли и смотрели, пока не прошла вся колонна. Потом двинулись дальше.

Перешли ручей, небольшой с виду. Он пересекал дорогу и, юркнув в заросли, сливался с Конгорой.

— Это, товарищи трудармейцы, Бобров ручей. Обратите внимание, как он течет. Протока не больше метра шириной, а вон там выше, видите — будто озера? Они называются бочаги. Тут мелко, перешли и не заметили, а попробуй в бочаг прыгнуть — с головой под воду уйдешь!

— Володя, а что вон там у бочага? Будто кто деревья нарубил...

— А это, товарищи трудармейцы, хатка бобров. Они там живут.

— Бобры? Настоящие бобры?! — восторженно закричала Эмилия.

— А какие же еще? Не игрушечные же. И деревья они сами валят. Зубами перегрызают ствол, да так точно рассчитывают, что дерево падает аккуратно туда, куда им надо. Настоящие лесорубы. Человеку до них далеко!

Миновали несколько деревенок.

— Там, за Конгорой, было Никольское, — объяснял Володя. — А вон Обновленское... Теперь уже близко.

Какое там близко! Третий час идут по непролазной грязи. Каждый шаг дается с трудом. А тут еще широкий ручей, и его надо переходить вброд.

— Это речка Талица, — говорит Володя.

Дно топкое-топкое, и вода по пояс. Да кончатся ли сегодня их мучения?! Тетя Эмма совсем выбилась из сил. Мария с Эмилией держат ее под руки, пока она вытаскивает из речного ила то одну ногу, то другую. Вылезли на ту сторону речки мокрые, полуживые.

— Мне надо отдохнуть, — говорит тетя Эмма. — Не могу больше...

— Осталось немного. Этот лес пройдем, а за ним и Камчатка, — успокаивает Володя.

— Идите, — говорит Мария. — А мы потихоньку за вами.

Все пошли вперед, а Мария с тетей поплелись следом. Набежали тучи, солнце скрылось, от холода застучали зубы. Но вот лес поредел и кончился, за ним — поле и не более чем в километре крыши домов. Вот она — Камчатка! Добрались!

Когда шли по селу, встретили Эмилию с Ольгой.

— Мы уже забеспокоились, что вас долго нет, — сказала Эмилия. — Думали, вы заблудились в лесу. А знаете, где мы будем жить? В церкви!

— Was?! In's Gotteshaus! Ach! Das ist doch eine Sünde!¹

— Нам, тетя Эмма, выбирать не приходится...

Засеял дождь, сначала мелкий, потом припустил всерьез. Впереди них над Камчаткой в небе стояла свинцово-черная стена, а позади светило солнце — и на стене расцвела яркая радуга.

— Gott sagte: «Solange ihr den Regenbogen sieht, habe ich euch noch nicht verlassen»², — говорит тетя Эмма уже спокойнее. Может быть, потому что дошли.

Церковь стоит на пустыре, на восточной окраине села. По бокам ее обступили суровые старинные тополя с темными кронами. Южнее в буйных травах пригорюнились православные кресты и пирамидки с красными звездами.

Володя рассказал, что церковь срубил еще до революции какой-то лесопромышленник. Потом ее пытались приспособить под избу-читальню, клуб, а затем и вовсе забросили. Вряд ли лесопромышленник пользовался услугами архитекторов, скорее всего, строил от души и по своему вкусу. Притвор с шатром, увенчанным небольшим куполом, уже без креста, стоял отдельно и соединялся переходом с основным зданием — высоким, срубленным из толстых бревен. Замечательными в этом здании были окна, по три с двух сторон. Начинаясь едва ли не от пола, они устремлялись ввысь настолько, что внутри человек чувствовал себя совершенно как среди природы, под куполом небес. На окнах сохранились решетки с витыми узорами: мастера кузнечных дел знали свое дело несколько лучше плотников.

Если бы не купол, ничто не подсказало бы, что это церковь. Внутри не было ни алтаря, ни царских врат, ни икон. В притворе в углу стояла железная печка, на которой, по всей видимости, готовили еду. На месте алтаря и в простенках между окнами с торцевой стороны в два этажа располагались нары. В углу нефа имелась и настоящая каменная печь, которую топили зимой.

Трудармейки, осматривая свое новое пристанище, не могли не признать, что оно было лучшим из всех, где им приходилось жить.

Внутри оказалась одна пожилая женщина — тетя Лида, или Лидия Андреевна Цаберт. Она кашеварила на двадцать человек, которые должны были вот-вот прийти с работы. Пахло довольно вкусно, но на десять новых голодных ртов стряпуха, конечно, не рассчитывала, да и паек на них никто не выдавал.

Тетя Эмма первым делом спросила, откуда Лидия Андреевна «von d'r Heim», то есть где она жила на Волге. Оказалось, в Бальцере. В Си-

¹ Что?! В Божьем доме?! Это же грех! (Здесь и далее — диалект немцев Поволжья. — Прим. ред.)

² Господь сказал: «Если вы видите радугу, значит, я вас еще не оставил».

бирь, в село Решеты, их с мужем выслали еще в 1932 году как кулаков. Муж умер, она осталась с шестью детьми, трое из которых, правда, уже были взрослыми. К началу войны выросли и младшие. Все работало в колхозе. В январе 1942 года в трудармию забрали троих сыновей, а в октябре и двух дочерей. В Решетах осталась только старшая, которая вышла замуж за местного учителя и родила сына.

Год назад старший сын Лидии Андреевны погиб в шахте где-то в Кемеровской области. Остальные, наверное, живы, она не знает. На все Божья воля.

Еще тетя Лида рассказала, что в первый год здесь было очень голодно. Сейчас с едой получше. Их бригадир Володя — хороший человек и старается им помогать. В общем, все не так уж плохо. Одно ей очень сильно не нравится: то, что они живут в церкви. Как человек верующий, она понимает, что когда-нибудь Бог ее накажет за этот грех.

Тетя Эмма с ней немедленно согласилась.

Дождь кончился, и небо совершенно очистилось от туч. Через пустырь, заросший тысячелистником, пижмой, лопухами и прочим травяным дрязгом, возвращались с работы здешние трудармейки.

— Мария! — вскрикнула Эмилия. — Посмотри, ведь это Эрна Дорн!

Да, это была Эрна Дорн, с которой они еще весной сорок первого года ходили пешком на учебу в Марксштадт.

Эмилия не вытерпела, выскочила встречать. В огромные окна Мария видела, как они с Эрной обнялись. Мария, конечно, тоже была рада, но бурное выражение чувств было ей чуждо, впрочем, как и Эрне.

— Мария! — сказала та, входя. — Вот неожиданность! Все говорили: пополнение, пополнение... Совсем не думала, что среди этого пополнения будете вы!

Она сдержанно подала Марии руку.

— Эрна, ну как ты? Где вы были? О Сашке Муле знаешь что-нибудь? Вы ведь вместе уехали! — тараторила между тем Эмилия.

— Сашку посадили, — ответила Эрна, понизив голос. — Ну, я вам потом расскажу.

— Моего брата Йешку тоже посадили, но выпустили. Он туберкулезом заболел.

Пришедшие трудармейки собирались ужинать, а у новеньких кроме последней Марииной булки хлеба ничего не было.

— Мы только завтра получим аттестаты, — сказала Ольга Цицер. — Нам их должны переслать по почте.

— Ну садитесь, — сказала Лидия Андреевна. — Потом как-нибудь сочтемся.

После ужина вышли на улицу. Летнее солнце еще стояло высоко. Пахло дождевой свежестью, щебетали птицы, неподвижно висели на деревьях листья.

— «Über allen Gipfeln ist Ruh, in allen Wipfeln spürest du kaum einen Nauch»³, — задумчиво сказала Эрна. — Проклятые фашисты! Не было бы войны, я читала бы детям эти стихи...

— Сейчас каникулы, ты была бы с детьми в пионерском лагере, — поправила Эмилия.

— Ладно, Эрна, рассказывай, как так случилось с Сашкой, что его посадили?

— Он убежал из трудармии. Его забрали в сорок втором, сразу после Нового года. А в апреле он уже объявился дома. Рассказывал, что попал в Молотовскую область на лесоповал. Работали целыми днями по пояс в снегу, и еды никакой. Все думал: «Дожить бы до весны, до тепла, а там убегу, и будь что будет...» Как нам сказала его мать, постучался он к ним поздно вечером. На печи стоял котелок картошки в мундире. Сашка лег в кухне на лавку и все протягивал руку к котелку, протягивал, пока ничего не осталось. И вдруг как закричит: «Ой, вяжите меня, вяжите, сейчас я лопну!» С голоду ведь нельзя сразу много есть. Ну, ничего, не лопнул... Но они жили на квартире, и наутро хозяйка сказала: «Простите, но я должна сообщить, что к вам пришел сын. Иначе меня посадят, а у меня двое детей». Вот и забрали Сашку... Судили и дали ему десять лет за дезертирство. Больше я ничего о нем не знаю.

— Ну а с вами-то что было? — спросила Мария.

— Ой, мы попали в такую глушь! От района всего сорок километров, а власти никакой. Всем заправляет местный милиционер с дружкой, делают что хотят. Отец мой, сама знаешь, трусоват. Вызывают его: «Ты что же, Яков Христианович, военный налог не заплатил?» — «Как не заплатил? Я все заплатил, что требовали». — «А вот бумага пришла, слушай, зачитаю ее тебе: “Сим предписывается органам милиции взыскать с гражданина Дорна Якова Христиановича задолженность по военному налогу в сумме семнадцать тысяч восемьсот рублей”. Или ты, негодяй, будешь спорить с официальной бумагой?!» — «Нет, — говорит отец, — я не спорю, но где же взять такие деньги?» — «Ну, ты ведь корову от нашей Советской власти получил? Получил. Вот и продай ее, а деньги принеси нам». Пришел отец домой: «Меня посадят. Эрна, Амалия, продавайте корову!» Я ему говорю: «Нет у нас никакого долга! Они деньги себе возьмут и пропьют». А он прямо трясется от страха: «А что делать? У них вся власть. Они меня могут, как тут говорят, за Магай загнать, и ничего им не будет. Вы хотите, чтобы я сгнил в тюрьме?» Короче говоря, стал всему селу предлагать корову. Только никто у него за такую цену не брал. Снова его вызывают: «Ты долго будешь тянуть с долгом по военному налогу, саботажник?» — «Так и так, никто не покупает корову за эту цену». — «Ладно, посоветуюсь с прокурором. После обеда зайди». И приносят «постановление прокурора» на мятой бумажке, что

³ Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой... (нем., перевод М. Ю. Лермонтова, стихотворение И. В. Гете).

гражданин Дорн может заплатить военный налог не полностью, а в размере восьми тысяч девятисот рублей, учитывая его бедность... Тут как раз меня в трудармию призвали. Знаю, что корову они все же продали: в письме упомянули, мол, коровы у нас больше нет. Думаю, что эти негодяи не успокоились, пока не обобрали их до нитки!

— Эрна, ну не все же такие, — сказала Эмилия. — У нас в колхозе председатель неплохой человек, нас не обижал.

Эрна только рукой махнула:

— Нет мне дела до того, кто плохой, а кто хороший. Буду свою жизнь устроить так, чтобы мне было удобно. А на остальное наплевать.

На другой день Володя радостно сообщил:

— Товарищи трудармейцы! Наши войска проводят большое успешное наступление в Белоруссии. В нескольких местах немцев окружили, захвачено много пленных. Не сегодня завтра возьмем Минск!

— Слава богу! Скорей бы!

Отпросились у Володи и пошли в контору камчатского участка мехлеспункта узнать, пришли ли аттестаты.

— Ваших аттестатов нету, — ответили в бухгалтерии. — Первый раз слышим, чтобы аттестаты присылали по почте. Идите к начальнику, Иосифу Францевичу Дробикову.

Пошли к Иосифу Францевичу.

— Мы вчера прибыли — пополнение для вашего участка. Нам в «Востокнефтьстрое» сказали, что наши продовольственные аттестаты перешлют сюда почтой.

— Кто сказал?

— Начальница колонны Ольга Ивановна Зоммер.

— В конторе спрашивали?

— Спрашивали. Там нету.

— Ну, значит, и нигде нету.

— А как же нам быть?

— Очень просто. Напишу запрос. Ответ придет — вас сразу поставят на довольствие, получите карточки.

— А когда получим?

— Как ответят. Дня через три. Может, через неделю.

— Через неделю мы с голоду умрем!

— Не умрете. С голоду у нас еще никто не умирал: лес кругом. А лес-то, наш батюшка, он и напоит, и накормит! — Дробиков с утра был в хорошем настроении. — Да вы не горюйте. Может, и правда, завтра ваши аттестаты перешлют.

— Это Ольга Ивановна, сволочь, наши карточки присвоила! — злилась Ольга. — Продаст, а деньги себе в карман...

— Вот так дали себя провести! — сказала Ирма. — Карточек-то было на пять дней! Пятьдесят карточек! И что мы будем есть целую неделю?

По спине побежали неприятные мурашки. Даже не от самого голода, а только от его предчувствия, от мысли, что он неотвратимо наступает.

Сказали Володе. Он отвел глаза:

— Товарищи трудармейцы... У нас с женой прошлогодняя картошка кончилась, а новой, сами понимаете, еще нет... Ежели хотите, могу каждый день приносить три литра молока.

Потом сказал:

— Порядок работы такой. Двое пилят, один — сучкоруб — обруба-ет ветки и сучья. Костровой сжигает их на костре. И самое важное: когда дерево начнет падать — пильщикам обязательно кричать: «Берегись!» Все прекращают работать и смотрят, пока дерево не упадет. Поняли? Это техника безопасности, чтобы никого не убило. Норма выработки на звено — двенадцать кубометров древесины.

Володя указал, какие деревья пилить, и ушел. Мария пилила с Ольгой. Та полдня возмущалась, что план выработки уже есть, а еда еще не запланирована.

Пошли на обед. Дневальной была украинская немка Гермина Шмидт, тридцатилетняя женщина, черноволосая и черноглазая — одним словом, жгучая брюнетка.

— Не знаю, девушки, что с вами делать, — сказала она. — Кормить вас своими пайками нам не интересно. Но и самим есть под голодными взглядами — кусок в горле застрянет.

— Через неделю нам точно карточки дадут. Мы тогда долг вернем, — заверила Ольга Цицер.

— Ну ладно, — сказала Гермина. — Супу я налью. А хлеб у каждого свой. Кто хочет, пусть с вами делится, а мне мой хлеб самой нужен.

Новоприбывшие трудармейки заметили, что супу она им налила, зачерпывая с поверхности котла, чтобы было пожиже.

Так они перебивались не неделю, а целых десять дней. Ох и наголодались за это время! А какое унижение пережили, чувствуя себя нахлебниками среди «старых» камчатских трудармейцев...

Наконец седьмого июля пришли аттестаты.

— Подождите, — возмутилась Ольга, — а почему только с сегодняшнего дня? Мы ведь не получали продовольствия с двадцать седьмого июня! Подруг своих объедали... Мы им обещали вернуть долг.

— Долг? — рассмеялся Иосиф Францевич. — Бросьте вы! Живы? И жить будете!

Камчатка

Советская армия взяла Минск и быстро продвигалась к западной границе.

Трудармейцам стало полегче. Немножко увеличили нормы питания. Лето было благодатное, в начале июля собирали землянику. Вся Камчатка вечером была на лугах. Звюкали ведра, перекликались голоса. Женщины шли на работу и примечали ягодные полянки. Вечером домой не торопились: собирали ягоды. В Камчатке говорили: «Ягода нынче засыпная. Сядешь на корточки, оберешь вокруг себя — полкотелка есть». Ужинали

хлебом с молоком и земляничкой. Это было очень вкусно! В церкви стоял земляничный аромат, на остывающей плите сушили на зиму ягоды и чашелистики для чая.

Молоко брали у Володи Полякова и соседки Ани Черкасовой. Соседство было условное, церковь стояла особняком. Аня — или Анька, как ее все звали по-деревенски, — жила в первом доме на улице, по которой трудармейки ходили на работу. Аньке было лет двадцать пять — двадцать восемь. Она работала дояркой в местном колхозе имени Чапаева. Жила со свекровью Матреной Фадеевной и пятилетней дочкой Олькой, пока муж воевал. У Черкасовых была корова, которую бодрая еще старушка Фадеевна по утрам выгоняла за Камчатку на попечение четырнадцатилетнего пастуха Мишки Бухарова.

Когда трудармейки спросили Аньку, не продаст ли она им молока, та сказала, что летом — пожалуйста, хоть пять литров, потому что корова дает много. Когда же уточнили про цену, ответила, что молоко — такой продукт, которым надо делиться, а не торговать.

— Так меня мамка учила, так и Фадеевна велит.

То же самое сказал Володя, когда у него в первый раз брали три литра, но по-своему, по-солдатски:

— Что вы, товарищи трудармейцы! Вы же армия, а армию надо кормить. Кто не кормит свою армию, будет кормить чужую. Слышали такую истину? Без трех литров мы с Лизаветой не пообедем.

После работы кто-то один отправлялся за молоком. Настала очередь Марии идти к Аньке.

Дом у Черкасовых был довольно большой. Сзади к нему примыкал пригон с двумя подклетями для кур, которые, впрочем, были открыты и пусты. За пригоном виднелся огород.

Мария вошла в боковые сени и постучалась. Аня открыла ей дверь и пропустила на кухню. В доме было чисто. На кухне торцом к окну стоял стол, и Мария отметила, что ножки у него точеные. За столом у окна сидела Фадеевна. На стене у нее над головой тикали ходики. На табуретке стоял подойник с молоком.

В дверной проем была видна большая горница, а в ней что-то вроде дивана, тоже с точеными ножками. На диване сидела маленькая Оля и играла с куклой. Но особенно Марии понравились половицы: широкие, добротные, плотно пригнанные — лес ведь кругом.

Наливая молоко, Аня спросила:

— А вы, немцы, откуда?

— Из Автономной Республики Немцев Поволжья. Была такая до войны.

— Да, я знаю, в школе хорошо училась. А в Германии-то вы где жили?

— Мы уже двести лет в России живем. Нас сюда Екатерина Вторая переселила.

— А если бы те немцы пришли, вы бы нас предали или остались верны Советскому Союзу?

— Я бы осталась. У меня и брат в Красной армии служит... или служил. Он был ординарцем у командира батареи. Благодарности получал за службу. Их часть перед войной в Туле стояла.

— Письма пишет?

— Нет. Последнее письмо — от двадцать седьмого июня сорок первого года. Не письмо даже, а почтовая карточка. Написал: «Мы уезжаем из Тулы, а куда, я вам сказать не могу. Над нами уже летают вражеские самолеты». И все. Но это, наверное, потому что мы в Сибирь уехали, а он не знает. Может, по старому адресу пишет. Я чувствую, что он живой.

— Правильно, Мария! Мой Андрюша больше года не пишет, а я знаю, что он жив! И Фадеевна знает, и Олька.

— Моего брата тоже Андреем звать.

— Вот видишь! Будем теперь вместе ждать и верить. И они обязательно вернуться!

После земляники пошла малина. На участке, где работали трудармейки, малинника было видимо-невидимо, и весь увешан красными ягодами. Даже собирать не приходилось, наедались прямо с куста. Несколько дней домой на обед не ходили, брали с собой хлеб и ели с малиной.

Лето было в зените. После дождей в конце июня наступило ведро. Уже с утра начинало припекать, а к полудню наступала жара и клонило в сон. Даже птицам в лесу было лень щебетать, и только пчелы неутомимо жужжали вокруг цветов, натужно гудели шмели, радостно звенели бойкие мухи, зелеными и синими спинками отражая солнце. Непрерывно стрекотали и колыхали траву кузнечики, перепрыгивая с места на место.

В обед трудармейки наелись малины с хлебом. Разлеглись на траве в тени деревьев.

— Мария! Ты покарауль, если мы задремлем, — сонно сказала Эрна, — чтобы начальство не застукало.

Мария прислонилась к стволу березы. Кора была теплая-теплая. Подул ласковый ветерок. Стрекот кузнечиков поплыл, поплыл куда-то... Какое блаженство! Как все чудесно в мире! А где это она? Ах да! Она отдыхает на траве за своим огородом, где срослись два тополя. Между ними так удобно сидеть, прижавшись спиной к теплому стволу. Журчит речка Караман. К Марии идет отец, машет издалека руками и говорит на чистом русском языке:

— Товарищи трудармейцы! Подъем!

Мария вскакивает. Из травы поднимаются ее подруги, смотрят на нее удивленно, вопрошающе.

Перед ними на поляне стоит Володя.

— Заснул ваш часовой, — объясняет он, смеясь. — Ну, давайте за работу! — и поднимает с земли пилу.

Эмилия вскакивает, но Ольга властно говорит ей:

— Рапунцель! Ты пилишь со мной!

И в паре с Володей остается Мария.

Володе тяжело пилить одной рукой, но он упорный, не показывает, что устал. А Мария, хоть на вид маленькая и слабосильная, а выносливее

многих. Как поймает свой ритм, может пилить не отдыхая, пока дерево не упадет, и даже разговаривать при этом.

— Мария, — спрашивает Володя, — а почему вы Эмилию так странно зовете — Рапунцель? Что это значит?

— Это имя девушки из сказки братьев Гримм... В общем, жили-были муж и жена, у них долго не было детей. Наконец жена забеременела. А рядом с ними жила ведьма. У нее в саду за стеной росла сочная трава рапунцель...

— Что за растение такое? Никогда не слышал.

— Я тоже не слышала. Наверно, это какая-то сказочная трава. В общем, жена смотрела через стену, и ей страшно хотелось этого рапунцеля. В конце концов она заболела и сказала мужу, что умрет, если не поест его. Муж залез в ведьмин сад, нарвал рапунцеля и принес жене. Она сделала салат и с наслаждением съела. А на другой день захотела рапунцеля пуще прежнего. Муж опять полез через ограду, но на этот раз ведьма его поймала и стала допытываться, что ему надо. Он испугался и рассказал, что его жена беременна и умирает без рапунцеля. Ведьма разрешила ему брать этой травы сколько захочет, но с условием: когда родится ребенок, она заберет дитя себе. Муж был так напуган, что согласился. И вот родилась девочка. Ведьма забрала ее и дала ей имя Рапунцель. Рапунцель росла очень красивой, у нее были чудесные золотые волосы необыкновенной длины. Когда ей исполнилось двенадцать лет, ведьма спрятала ее от людских глаз в высокой башне, где было только одно окошко на самом верху. Ведьма приходила каждый вечер и говорила: «Рапунцель, Рапунцель, спусти свою косоньку!» Рапунцель спускала из башни косу, и ведьма взбиралась по ней в окно, как по канату.

С тоски Рапунцель пела песни. Однажды королевич, который охотился в этом лесу, случайно услышал ее голос и тут же влюбился. Он стал каждый день приходиться к башне и слушать ее пение. И вот он подсмотрел, как к башне подошла старая ведьма, как девушка сбросила свою косу и ведьма влезла по ней в башню. Королевич дождался, когда старуха уйдет, и пропел: «Рапунцель, Рапунцель, спусти свою косоньку!» Девушка подумала, что ведьма что-то забыла, спустила косу, и королевич в одно мгновение поднялся к ней. Сначала она испугалась незнакомого мужчины, а потом полюбила его. Они встречались каждый вечер, пока однажды Рапунцель не проговорила об этом ведьме. Та страшно разгневалась и перенесла Рапунцель в лесную глушь, в пещеру. Сама дождалась королевича, спустила ему веревку, которую Рапунцель плела, чтобы убежать с ним, а когда он поднялся вверх, вытолкнула его из окна. Королевич упал на колючий куст и выколол себе глаза. Он три года ходил по лесу и наконец набрел на пещеру, в которой жила Рапунцель с двойняшками — мальчиком и девочкой, которых родила от него. Она узнала королевича, обняла его и заплакала. Две горячие слезы попали ему в глазницы, и он прозрел. Он перевез Рапунцель и детей в свой дворец, и жили они долго и счастливо.

— Занятная сказка, — сказал Володя. — А Мильку, значит, вы так зовете за золотые косы?

— Да. Ее еще в Жигулях так назвала Ольга Ивановна, начальница колонны. А мы подхватили.

Вечером Мария и Эмилия первый раз получили письма из дому на новый адрес. Мать писала Марии по-русски: «Мария, кушать мизо!» Какое тут «мизо»! Хлеб есть, и на том спасибо. «Писал на розыск Андрей. Получал ответ: розыскаемый не известно». Понятно.

А Эмилия цветет от радости:

— Йешке лучше! Сам выходит на солнышко. Даже на огороде пытается помогать. Мария, может, он выкарабкается? Как думаешь? — и смотрит так, будто от Марииного ответа что-то зависит.

— Дай-то бог!

Зима и волки

Прошло лето, а за ним и осень. Советские бронированные армии выметали фашистов из Европы. В двигателях танков и самолетов была и их трудармейская капля солярки и бензина. А может, уже по рельсам, проложенным на их шпалах, бегут составы к Висле, к Будапешту, в Чехословакию... Ну еще немного! Уже чувствуется, что война идет к концу.

А трудармейкам становилось все хуже. Стояли самые короткие дни в году. Солнце вставало в десятом часу, и на работу шли почти ночью, когда яркая Венера куталась в дымы топящихся печей.

Как и говорил Володя, из лесу вышли волки. Едва на Камчатку спустилась тьма, они выли сначала где-то далеко за Конгорой, потом все ближе и ближе. В ответ им неистово заливались, трусливо повизгивая, собаки. Володя для спокойствия брал с собой ружье. Снег вокруг дороги, по которой ходили на работу, за ночь бывал густо истоптан волчьими лапами. Днем звери работниц не беспокоили: их отпугивали, держали на расстоянии человеческие голоса — рядом валили деревья леспромхозы.

Зато у камчатцев волчья тема вышла на первое место. У одного волк зарезал поросенка, у другого собаку во дворе загрыз... Едва темнело, из дому старались не выходить.

Однажды, когда трудармейцы возвращались с работы и проходили мимо Анькиного дома, из ворот выбежала радостная хозяйка:

— Ой, девочки, я письмо получила от мужа! Жив он, жив! Мария, зайди на минутку!

Мария пошла за ней.

— Меня сегодня серые разбойнички посетили. Видишь? — Аня указала на волчьи следы возле пригона. — Коровку мою учуяли.

Она привела Марию в горницу и усадила на диван, где в прошлый раз играла с куклой Олька. Достала из комода письмо.

— Слушай! «Здравствуйте, дорогие матушка Матрена Фадеевна, жена Анечка и дочка Олечка! Не писал вам почти полтора года. Сколько за это время всего случилось, каких только важных заданий я ни выполнял — того словами не сказать и пером не описать. И пока это военная тайна. Вот когда вернусь домой, хватит у меня для вас рассказов до самой

смерти, лет на пятьдесят. А может, даже книгу напишу про мои приключения. Куда до них Робинзону Крузо! Помнишь, Анята, как мы любили эту книгу? Сейчас немного отдохну, и будем воевать дальше. Теперь уже немного осталось. Скоро, скоро я к вам вернусь! Ваш Андрей».

Аня взглянула на гостью счастливыми сияющими глазами.

— Вот видишь, Мария! Полтора года не писал, все думали, что погиб, а я верила! Мы верили. И он жив! Вот и твой Андрей вернется. Тебе это счастье еще предстоит, понимаешь? А я его уже дождалась. Теперь никто его у меня не отнимет!

— Спасибо тебе! Ну, мне надо идти, а то скоро стемнеет. Волков боюсь.

— Да ладно! Я тебя провожу.

— А вдруг на тебя нападут?

— Что ты! У меня муж на такой войне живой остался, а я стану волков бояться? Мне на роду написано быть счастливой. Мы с Андрюшкой проживем долго-долго и умрем в один день, обнявшись!

В сенях забухало, открылась дверь, на кухню, пропуская вперед себя морозные клубы, вошел паренек.

— А-а-ань! — сказал он ломающимся басом. — Я есть хочу. Дай чего-нибудь.

— Хочешь картошки с луком?

— Хочу. Только сперва чаю горячего. Задубел я сегодня, как Маугли.

— Какой ты у нас, Мишка, ученый! — ласково сказала Аня.

— Ань, а почему ты меня Мишкой зовешь? Я мужик — и никакой тебе не Мишка, а Михаил Иванович.

— Хорошо, Михаил Иванович! Тебе какого чая: с жопками⁴ или с душичкой?

— Хоть какого, только погорячей.

— И где же ты так задубел, Михаил Иванович? — спросила Аня, наливая ему чаю в стакан, от которого сразу пошел летний солнечный аромат.

— Утром молоко возил в Ермаково. Ночь, темень, мороз, а дорога — десять километров. А к вечеру за сеном послали на Никольские луга. Вот нагрузил я полный воз. Потрусил. Кругом ни души, поле открытое, а из лесу волки выходят. Тринадцать штук, целая стая! Один за другим идут за вожаком. Ну, думаю, увидят меня — конец. Еду ни жив ни мертв, боюсь вздохнуть...

— И что?

— Не смерть мне была. Не заметили.

Мишка обнял ладонями горячий стакан, согревая руки. Сделал первый глоток. На щеках и носу, неоднократно обмороженных, белела облупившаяся кожа.

Марии вдруг стало жаль этого не видавшего детства паренька.

— Сахару хочешь? — спросила она неожиданно для себя.

— Давай, коли не шутишь, — ответил Мишка. — А откуда у тебя?

⁴ Жопки — чашелистики земляники. Их сушили и заваривали чай. — Прим. авт.

— Нам сегодня зарплату дали. В сельпо купила.
 — Ты немка, что ли? Не-е-е! От немки не возьму.
 — Что ты, Михаил Иванович! — поспешно сказала Аня. — Она какая надо немка. Она наша, русская немка.
 — Да? А разве такие бывают?
 — Бывают, бывают, Михаил Иванович.
 — Ну, тогда давай. Половину сам сгрызу, другую мамке отдам.
 — Ты давай ешь, Михаил Иванович, а то нам с тобой еще надо проводить тетю Машу до церкви.
 — Проводить — это мы с удовольствием. Раз она наша, проводим со всем почтением.

Аня засмеялась на эти серьезно сказанные слова.
 — Ты чего смеешься?
 — Забавный ты, Михаил Иванович!
 — Забавный? Ну, это пусть, Ань. Вот если бы ты сказала, что я смешной, я бы обиделся.

Наевшись картошки с луком и выпив еще стакан чаю с жопками, Мишка с Аней пошли провожать гостью.

— А как же ты потом будешь один возвращаться? — спросила Мария паренька.

— Что я — трус, что ли? Это одному в поле страшно, когда темно, мороз и стая волков. По деревням волки стаями не ходят, а уж с одним-то я справлюсь!

А дома, в церкви, Эмилия плачет. Йешке стало хуже, кровью кашляет. Соломон Кондратьевич прислал паническое письмо: помирает, мол, твой братик.

«По ваго-о-онам!»

Солнечное майское утро. Трудармейки идут на работу. Пахнет молодой травой и нагретой солнцем влажной землей. В теплом ветре плещется восторженный птичий щебет. Ах, как Мария раньше любила эти дни — лучшие в году, когда нежно зеленела степь и лилась с небесной вышины песня жаворонка! А потом степь зацветала тюльпанами... Здесь, конечно, тоже красота. Лес нежно зеленеет на фоне ярко-синего неба, и в каждом вылупившемся из почки листике блестит солнце.

Открывается окно домика, мимо которого они идут, и слышится радостный голос Нинки Юриной:

— Девчонки, война кончилась! Победа!

Победа?! Правда, что ли? Да нет, не может быть... Сколько раз они уже это слышали. Неделю назад тоже кричали: «Победа! Победа! Берлин взяли!» А оказалось, ничего еще не кончилось: война как шла, так и дальше идет. Теперь где-то в Чехословакии, вот уже больше недели после Берлина. Неужели она вообще когда-нибудь закончится?

Идут дальше к своей конторе в конце села получать инвентарь — пилы, топоры — и снова в лес.

Но сегодня, действительно, что-то не так, как всегда. Нет, не что-то, а все не так! Народ выходит из домов празднично одетый, текут по улицам людские ручьи, шумные, как весенние воды Конгоры. Неужто правда? Боязно поверить: а вдруг спугнешь, взглядишь...

Не дошли до конторы — навстречу бежит Володя. Он тоже не такой, как всегда: на нем костюм. Ни разу его таким не видели! Может, Володя берег костюм для этого необыкновенного дня?

— Девчонки! Поздравляю вас! Кончилась война!

Тут уж и они поверили. И ничего больше не осталось на свете, кроме радости — чистой-чистой, без всяких примесей, настоящего счастья. Какая стеснительность, какой стыд, какие приличия? Вопили, плакали, целовались, прыгали и визжали! Боже мой! Ведь ради этого дня они голодали, мерзли, надрывались, плакали от боли, кричали от страха, терпели несправедливость — и вот он пришел!

Кинулись целовать и качать Володю. Он растрогался:

— Родные мои! Спасибо... Что выдержали... — не находил нужных слов.

А им и не надо. Сегодня не словами говорят. Сегодня всё на виду, всё правда.

— Идемте к сельсовету! Сейчас будет митинг, — сказал Володя, когда трудармейки чуть пришли в себя.

Перед сельсоветом уже большая толпа. Почти все женщины и дети. И тоже плачут, целуются. Не могут поверить. Мужиков немного, да и те — кто на костылях, кто на деревянной ноге, кто без руки.

— Бабы! Качать их! — проносится в толпе.

И люди обступают фронтовиков, целуют, подбрасывают вверх. Трудармейцы в радостном порыве смешиваются с толпой.

— А Володю Полякова что не качаем? — кричит Анька Черкасова. — Он офицер! Он Москву защищал!

— Ура Володе! — женщины и ребятишки мгновенно окружают его, и он взлетает над толпой в ярко-синее праздничное небо.

Трудармейки, хоть и качали уже сегодня Володю, с удовольствием качают еще раз вместе со всеми. Едва он становится на землю, Анька Черкасова обнимает его и крепко целует прямо в пшеничные усы. А! Значит, можно! И Эмилия, подбежав к нему, целует его еще жарче и крепче, чем Анька, а уж после нее отбою нет от желающих.

— Бабоньки, милые, хватит! Хватит, зацелуете! — отбивается Володя. — Не я один Москву защищал!

Не заметили, как из сельсовета вышли председатель и секретарь Пошехонье-Володарского райкома. Еле уgomонились. Подтянулись поближе к крыльцу.

— Товарищи! — обратился к ним секретарь райкома Голованов. — Сегодня ночью в Берлине представителями германского верховного главнокомандования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война нами победоносно завершена! Германия полностью разгромлена! Вечная слава

всем нашим солдатам, офицерам, генералам и маршалам. Тем, кто выжил, и тем, кто погиб за свободу и независимость нашей Родины. И вам, наши дорогие труженики и труженицы, вечная слава! Вы все отдали для победы. И самое дорогое — своих детей, мужей, братьев! Огромный фронт оперся на ваши плечи — на женские и детские плечи, — да так, что кости трещали, так что вы потом и кровью умывались. Но выдержали, не сломались! Это наша общая огромная победа!.. Ну что еще сказать? Давайте радоваться! Сегодня можно! Правление колхоза и руководство мехлесхоза приняло решение каждому колхознику и каждому работнику выдать по два килограмма муки в счет трудодней и заработной платы. Получайте и скорее сюда — праздновать!

И началась радостная суета. Привезли лесу, досок. Плотники быстро сколачивали на зеленой лужайке перед сельсоветом столы и лавки.

Женщины побежали по домам. И вот уже тащат и расставляют на пахнувших свежей древесиной столешницах вареную картошку, хлеб, сало, яйца, квашеную капусту, соленые огурцы из бочонков. И пенистый квас из свежего березового сока появился, и даже бражка: сегодня все можно!

Трудармейки тоже направились к себе — переодеться в честь праздника. Их парадная одежда ненамного отличалась от рабочей, но все же.

Сделали крюк, зашли в сельпо получить свою муку. У входа, обнявшись, безутешно рыдают две женщины. И у продавщицы Таси лицо мокрое от слез. Все знают, и трудармейки в том числе, что она еще в начале войны получила похоронки на мужа и двух братьев, а ее пятилетнего сына убило бомбой в поезде, когда он возвращался с бабушкой из-под Минска — гостили там у Тасиной сестры. Бабушка осталась жива, добралась до дома, и не было с тех пор дня, чтобы старушка не упрекала себя за то, что погиб маленький Петечка, а не она.

— Тетя Оля, — говорила Тася пожилой женщине в ту минуту, когда в сельпо появились трудармейки, — какой он был беленький, а глазки синие-синие, и ресницы пушистые... И запах от него такой чистый! И в этом тельце кусок железа...

Увидев вошедших, Тася замолчала и стала быстро отвешивать муку.

— Не у всех сегодня радость, — сказала в наступившей тишине тетя Оля. — Радует тот, кто не получил похоронки. А к кому больше никогда не вернуться родные...

Тетя Эмма уже все знает.

— Я сейчас настряпаю лепешек, — говорит она. — Анька Черкасова дала кружку простокваши. У нас будут настоящие креппели!

— А на чем жарить? — спрашивает Мария. — Жиров-то никаких нет.

— Есть и жир, — сообщает довольная тетя Эмма. — Анька дала две ложки Schweinefett⁵.

— Вот хорошо! Будет и нам что на общий стол поставить, — говорит все еще радостно возбужденная Эмилия.

⁵ Свиной жир.

— Может, лучше не ходить? — сомневается Мария. — Вы заметили, как все замолчали, когда мы вошли в сельпо? А потом, я слышала, нам вслед кто-то сказал: «А немки-то чего радуются?»

— Ой, Мария, ты чересчур мнительная! Все тебе кажется, что тот не так замолчал, этот не так посмотрел... Хорошо ведь было сегодня утром! Для меня все были как родные.

От Мильки сегодня глаз не оторвать. Надела платье с цветами, по спине спускаются две косы, а прядки, что выются вдоль лица, горят на солнце, как золотые нити. Туфли — хоть и поношенные, но у кого сейчас лучше, — и белые носочки.

И Ольга Цицер умудрилась-таки сохранить кое-что из хороших вещей. На ней синее платье с пояском, а к нему, кроме ее пышных волос, никаких украшений и не требуется. Если Милька — принцесса, то уж она — точно царица!

Элочка в белой кофточке и черной юбке. На ногах белые носочки и вполне приличные туфельки.

Мария надела черное платье. Другого нет. В трудармии несколько раз его штопала — видно, только если приглядываться, а так ничего.

Тетя Эмма жарит лепешки. Уже целая стопка на тарелке: пышные, светло-золотистые — совсем как дома. Она торопится. Ей тоже хочется пойти.

— Этот день мы будем праздновать всю оставшуюся жизнь! — восклицает она.

— Тетя Эмма, одевайтесь, — говорит Мария, — я закончу.

Тетя Эмма быстро сбрасывает фартук и идет копаться в своем мешке: что бы такое надеть поприличней?

Мария опускает лепешку в кипящий жир. Тесто вздувается, пузырится. Она ждет несколько минут, поддевает вилкой и ловко переворачивает. Ей ли не уметь стряпать крепели!

Но на душе кошки скребут. Слишком хорошо она помнит горе несчастной Анастасии Шашковой в тот страшный день, когда сторела сушила, да и сегодняшние взгляды в сельпо...

Ну, все готово! Пошли! Впереди тетя Эмма с тарелкой горячих лепешек, накрытых полотенцем. Кофта на ней рваная и пожженная, передник закрывает самые большие дыры, а праздничного — один слепящий белозною платок на голове. Вот дом, из окна которого сегодня утром Нинка Юрина крикнула им: «Девчонки! Победа!» Двери открыты настежь, никого не видно, только скворцы суетятся у летка скворечника, вознесшегося над домом на длинной жерди.

А вот и площадь перед сельсоветом. Народу! Все село здесь. Тетя Эмма подошла к столу, поставила лепешки. Люди по-прежнему счастливы, но в этом счастье уже сильно чувствуется терпкая горечь. Вскрылись едва поджившие раны.

Последние приготовления. Сейчас все будут садиться за стол. Что-то Володи не видно...

Спросили у Аньки.

— Он поехал на секретарской лошади за Васей-гармонистом. До войны Вася на каждом празднике играл на гармошке. В прошлом году вернулся с фронта без обеих ног. Теперь стесняется людей, никуда не ходит. Но сегодня-то наверняка уговорят...

Как-то неуютно трудармейкам без Володи.

Вдруг видят: бежит мальчик лет девяти, в вытянутой руке бумажный листок. Кричит:

— Мамка, мамка!

В нескольких шагах перед ними повернулась на крик женщина. Прижала руки к груди, будто моля о защите. Лицо сморщилось в предчувствии самого страшного.

— Мамка! Папку убили...

Женщина взяла бумажку, посмотрела на нее невидящими глазами.

— Что там? — спросила мертвым голосом.

— Наталья, Наталья... Ты не того...

— Что? Что? — повторяла Наталья. — Не верю. Что?

Одна из женщин взяла листок и прочитала:

— Извещаем... красноармеец Жемчугов... в бою за социалистическую Родину, верный присяге и проявив геройство и мужество, погиб двадцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года. Похоронен с отдаванием воинских почестей... Город Белиц, Германия...

— А-а-а! — закричала Наталья и упала на траву.

— Мама, мамка! Ты что?! — испугался мальчик. — Мамка! Не умирай!

Принесли воды, брызгали на лицо. Пытались дать попить — не смогли разжать зубы.

Сбежалась вся площадь.

— За стол, может? Выпьет — легче станет? — предложил какой-то уже не совсем трезвый мужичок.

— Какое там! Надо ее домой отвести.

Марию била нервная дрожь.

Женщины подняли Наталью, повели. Одна оглянулась, посмотрела через плечо. И такая ненависть во взгляде — прожгла до самого сердца, до остановки дыхания.

— Девчонки, пойдем отсюда, — Мария тронула за руку Ольгу Цицер.

— Подожди, — отмахнулась та.

Вышли председатель и секретарь райкома. Они не видели того, что произошло.

— Прошу к столам, товарищи! — крикнул председатель.

Народ стал успокаиваться и рассаживаться.

Трудармейки потоптались в нерешительности, тоже подошли.

Напротив них продавщица Тася. Встала:

— Я с немками за одним столом сидеть не буду! Они всю мою семью погубили.

— Тасенька, ты что? Зачем это? — робко возразил кто-то.

— Или я, или они, — решительно сказала Тася. — Я хочу, чтобы они ушли.

— Да-да, мы уйдем, — торопливо сказала Мария.

— Мы уйдем! — поднялась уже успевшая сесть на скамью Ольга. — Но вы не правы!

Повернулась и пошла, высоко и гордо неся голову. Трудармейки последовали за ней. Останавливать их никто не стал.

На душе было горько, гадко. Слезы рвались наружу. И Мария не выдержала, разрыдалась. За ней и Эмилия:

— Если бы... если бы здесь был Володя... он бы не позволи-и-ил!

— Ладно тебе. Не позволил бы он... — с усмешкой отозвалась Ольга.

Шли старой дорогой. Все так же настезь был открыт Нинкин дом со скворечником над крышей, так же прилетел скворец и совал в леток червячка. Но солнце потускнело, небо выцвело, мир померк. За что?

Сидеть в церкви не хотелось.

— Пойдемте, что ли, в лес. Картошки напечем в костре. Есть картошка?

— Есть немного.

— Ну пошли.

— Идите, — сказала тетя Эмма, подавая им наволочку с картошкой, — а я останусь, помолюсь.

Развели в лесу костер. Лес светлый, березовый, одетый едва прозрачной зеленью.

— Хватит горевать, — сказала Ольга. — Плевать нам на них. На днях приказ — и прощай, паршивая Камчатка! Разводи костер!

— И правда, девчонки, — сказала Ирма. — Сегодня такой праздник! Может, завтра нас уже отпустят домой... Давайте веселиться!

Затрещали дрова, потянулся дым. Воздух легкий, дышится вольно. Хорошо-то как, несмотря ни на что!

Из села донеслись звуки гармонии. Там пели «Катюшу».

— Наверное, Володя гармониста привез, — сказала Эмилия.

— Давайте уж и мы, что ли, «Катюшу» споем! — предложила Ольга.

— Нет настроения, — ответила Мария.

— А мы наперекор настроению! Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой...

«Какой голос у Ольги — чисто серебро звенит!» — удивилась Мария.

— Выходила на берег Катюша... — подхватила Ирма.

— На высокий берег на крутой... — высоко и звонко выводила Эллочка.

И вот уже поют кто знает слова. Молодежь-то точно знает: в кино перед войной все ходили.

И вся обида, вся тяжесть стала выливаться, освобождать душу.

Закончили. Прислушались. А что там поют?

— Вставай, страна огромная...

— Давайте и мы!

Спели и это.

— Эрна, ты была на митинге в Паульском после речи Сталина? — спросила Мария. — Я тогда в первый раз услышала эту песню.

— Да, помню. И четырех лет не прошло, а кажется, целая жизнь, — задумчиво произнесла Эмилия.

— И правда. Столько, сколько мы пережили за эти четыре года, может, за всю остальную жизнь не переживем, — сказала тетя Лида Цаберт.

Костер стал затухать, осел пылающими углями. Закопали в него картошку. Спели про трех танкистов. Потом вдалеке, на площади, зазвучали частушки, послышался смех.

— Частушки у нас, наверное, не получатся, — сказала Ольга, протыкая палочкой картофелины. — Минут десять, и будет готово, — заключила она. — Проголодались? С утра ведь не ели...

— Смотрите, смотрите! — прервала ее Эрна Дорн.

Между белых березовых стволов к ним шли пять молодых женщин: они узнали двух своих соседок — Нинку Юрину и Аньку Черкасову, остальные были незнакомыми. Некоторые из трудармеек в тревоге поднялись, не зная, чего ждать от незваных гостей.

— Мы чего пришли-то... — сказала Нинка. — Нехорошо получилось, вы уж простите Таську. Сами поймите, у нее вся семья погибла...

— Но мы ведь в этом не виноваты, — возразила Мария.

— Мы двести лет как не живем в Германии, — подхватила Эрна Дорн. — К Гитлеру никакого отношения не имеем.

— Вы же знаете, у нас, баб, от горя слова не по воздуху летят, а по слезам плывут. Таська одна на белом свете осталась...

— А разве нам сладко? У Марии брат в Красной армии, и о нем ни слуху ни духу. У меня дядя на фронте — четыре года писем нет. А скольких наших родных призвали в трудармию, и они тоже будто без вести пропали! — сказала Эрна.

— Да мы понимаем. Мы-то хоть среди своих, а каково вам... Слушайте, пойдёмте к нам! Там сейчас плясать будут.

— Нет уж! Туда, где нас ненавидят, мы больше не пойдём, — решительно отказалась Ольга.

— Мы вот жалеем, что так получилось. Простите уж, — вздохнула Нинка.

— Ладно, хватит обижаться! — сказала Анька. — Давайте выпьем за победу. Вот, мы и самогоночки принесли... Только учтите: в открытую мы самогон не гоним. Считайте, что это березовый сок, — и она взяла бидончик из рук незнакомой девушки, пришедшей с ними.

— За победу мы, конечно, выпьем, — согласилась Ольга. — И за скорое наше возвращение домой. Только стаканов нет.

— А мы, как на фронте, пустим бидончик по кругу.

— Откуда ты знаешь, как на фронте? — удивилась Цицер.

— Так я небось солдатка. Моего мужа Андреем звать, как Марусино брата. Недавно письмо прислал, пишет: «Получил медаль, сложили в котелок со спиртом и пустили по кругу».

— У нас закуска есть: хлеб, огурцы, сальца кусочек... — сказала незнакомая девушка.

— А у нас картошка печеная, — радостно ответила Эмилия.

— Вот и чудненько! Где наш бидончик? Давайте я первая, — сказала Нинка. — Ну, за победу! Чтобы никогда больше не было войны!

Сели. Темно-коричневый самогон пах ржаным хлебом и был таким крепким, что обжигал горло.

— За победу, — сказала Мария, когда ей передали бидончик. — Чтобы все вернулись... кто жив. — Задержала дыхание и сделала пару глотков.

— Аня, Нина, скажите, это Володя вас послал? — спросила раскрасневшаяся Эмилия.

— Ну не то чтобы послал... — сказала Нинка. — Но он тоже переживает. Нехорошо, говорит, получилось. В такой день грех людей обижать.

— А давайте споем вместе! — предложила Анька. — Вы русские народные знаете?

— Давайте, начинайте, — сказала Лидия Андреевна.

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына... —

запели русские девушки. И вдруг неожиданно вступила Лидия Андреевна:

А через дорогу,
За рекой широкой
Так же одиноко
Дуб стоит высокий.

Голос ее звучал так мощно и вместе с тем так печально, будто сама жила горестью этой рябины. И трудармейки, почти не зная слов, угадывая, тихо, чтобы в случае ошибки не нарушить песню, стали подтягивать:

Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться.
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться...

«Так вот в чем секрет двужилности русских женщин, — думала Мария. — Споят такую песню — и освобождаются от всего тяжкого,

что лежит на душе, и снова готовы ко всему. Вон они какие молодые, а руки твердые, как чугуны, в мелких черных трещинках, пальцы сплюснуты, ногти сломаны... Да ведь и у меня такие!» — изумилась она, будто впервые увидев свои ладони.

Когда песня закончилась, девушки набросились на Лидию Андреевну:

— Тетя Лида! Ты когда так петь научилась?

— Тетя Лида, да ты наша, русская! — изумилась Анька Черкасова.

— А я, и правда, до войны десять лет жила в Сибири. Всякого повидала, много разных работ переделала. На стольких вечеринках побывала, столько песен перепела!

Потом пели что-то еще, рассказывали друг другу о довоенной жизни. Костер давно потух, а расходиться не хотелось.

Но вот новоиспеченные подружки спохватились: на площади начались пляски.

— Пойдемте с нами! Ей-богу, никто вас больше не обидит.

— Нет. Мы лучше домой. Как-нибудь в другой раз...

Трудармейки вернулись к себе довольные, с легкой душой. Много сегодня было и счастливого, и страшного. И нарадовались, и наплакались, и напелись. Но хотелось еще чего-то. Какая-то буйная энергия просилась наружу, не давала покоя.

— Господи боже мой! Неужели мы дожили! Неужели на днях домой! Домо-о-ой! — закричала Ирма Шульдайс. — Вы представляете, как это будет?

— Представля-а-аю! — завопила, пританцовывая, Эрна Дорн. — Приедем на станцию. Подойдет поезд: «Ту-ту-ту! У-у-у! Ш-ш-ш!» И нам крикнут: «По ваго-о-онам!»

— По ваго-о-онам! — подхватила Эмилия Бахман. И, схватив чью-то подушку и перекинув ее через плечо, как вещь-мешок, полезла на самый верх по нарам, будто по ступеням вагона.

— А-а-а! По ваго-а-а-ам! Домо-о-ой! — женщины со слезами на глазах стали хватать все, что под руки попадалось, и карабкаться вверх по нарам.

В одну минуту церковь наполнилась сплошным гвалтом. Даже тетя Эмма поддалась общему воодушевлению и с откуда-то взявшимся мешком за спиной полезла вверх:

— Домой! Домо-о-ой!

— Бабушка! — вопила Эрна Дорн, хватая снизу за юбку Доротею Шварц. — Это не ваш поезд!

— Это моя поезд! — кричала та, как обезумевшая. — Я еду Новосибирска област, Каргат!

— Я тоже еду Новосибирска област, Искитим!

— А я еду Саратовска област, Энгельс!

— А я Марксшта-а-адт!

Ирма, схватив Элочку за руку, побежала вдоль нар, как вдоль состава. Всмотрела свободное место и потащила туда сестру:

— Элочка! Не отставай! Поезд уже идет! Давай руку, дава-а-ай!

Элла соскользнула с нижнего яруса нар и выпустила Ирмину руку.

— Элла! Беги-и-и! Не отставай! Давай руку, давай!

Ирма схватила наконец Эллу за руку и втянула к себе на нары. А втянув, плача от счастья, стала обнимать и целовать ее.

— Элочка! Элочка! Мы едем домой! К маме!

— Хорошо, хорошо, Ирмочка! К маме... Мы скоро приедем... — Элла целовала сестру в ответ. — Смотри, как быстро идет поезд! Скоро, скоро мы приедем...

И только Мария не принимала участия во всеобщем веселье. Она стояла у входа и, улыбаясь, смотрела на всех, оглушенная криками.

— Домой, домой! — слышалось кругом.

— Домой, на Волгу!

— В Москву! — кричала Ольга Цицер. Волосы у нее растрепались и прилипли к потному лицу, глаза лихорадочно блестели. — Домой! Хочу в Москву-у-у!

Скрипнула дверь. В церковь хлынул красный свет заката. Мария вздрогнула и оглянулась. Рядом с ней стоял Володя Поляков, в одних кальсонах. Выражение ужаса, с которым он влетел в дверь, постепенно сменилось удивлением:

— Мария! Объясни, что случилось? Вы уезжаете? Что, был приказ? Вам уже зачитали? Кто приходил?

— Да нет, Володя! Это мы себе представляем, будто мы на станции, садимся в поезд и едем домой.

— Тыфу ты! Я только начал переодеваться — жена мне: «Володя, беги скорее к девчонкам! У них случилось что-то ужасное. Кричат, будто горят заживо! Наверно, пожар!» Я и прибежал...

Стране нужен лес

На следующее утро проснулись от грома: тах-тара-тах, тра-та-тах! И покатился, грохоча, за дальние леса, за речку Конгору. Будто поезд промчался.

Тусклый рассвет. В самые окна серо-коричневыми лохмами свешиваются тучи. Вдруг зашумело в деревьях, застучало по крыше — первый грозовой дождь... Рано, можно еще чуть-чуть полежать.

Сверкнуло — и резкий удар! Шум усилился. За дождевыми струями исчезли дома и лес вдали.

— Работаем сегодня или нет?

— Приказа, что можно не идти, не было.

— Тогда встаем...

Когда шли на работу, солнце уже стояло высоко, а тучи, толпясь, спешили убраться за край неба. С крыш, с деревьев срывались дрожащие в дождевых каплях солнечные искры, и не счесть, сколько запахов смешивалось, переливалось, струилось в чистом утреннем воздухе.

Господи! Дай бог, чтобы этот день оказался последним в трудармии!

Но Володя в конторе один. Все как всегда, будто вчера ничего и не было.

— Володя, не слышно, отпускают нас?

— Пока не слышно. Но, думаю, скоро будет распоряжение.

Когда оно будет? Устали. Невмоготу. Ушли разочарованные.

...Миновало три недели. Уже тридцатое мая, а трудармейки всё так же ходят на работу, и ничего не меняется.

Валят живые деревья. Из-под зубьев вылетают сырые опилки, пеньки на спиле мокрые.

Володя помогал им весь день, но они этому не рады: лучше бы съездил в район и все разузнал. Неимоверно хочется домой. «Домой» — это сначала в Сибирь, а там видно будет.

Вечером пришла почта. Ура! У Мильки засверкали глаза. Маленькое трудармейское счастье — получить письмо из дома. Они с Марией скинули верхнюю одежду, прыгнули на нары друг против друга, разорвали конверты.

У Марии камень с души. Слава богу, родители живы и здоровы! Ничего особенного, правда, не пишут: в колхозе начался сев (письмо шло три недели), от Андрея известий нет... Ничего хорошего, но и ничего плохого не прибавилось — и на том спасибо судьбе.

Рядом крик. Что случилось? Боже мой, да это Милька бьется на нарах!

— Миля, Милечка, ты что?

А та вся в слезах и сказать ничего не может, трясется от рыданий.

— Рапунцель! Что с тобой? — удивляется Ольга Цицер.

— Мария! Мария! — наконец выдавливает Эмилия, обнимает Марию и бессильно повисает на ней. — Йешка умер!

Мария вынимает из ее руки два сложенных, мелко исписанных тетрадных листка. Милька опять падает на нары, утыкается в подушку:

— Йешка! Йешенька, братик мой!

«Здравствуй, наша дорогая внучка Эмилия, — читает Мария. Почерк Соломона Кондратьевича (Катрине-вейс по-русски писать не умеет). И ошибок почти нет. — Сообщаем тебе печальную весть: твой брат Йешка умер. Последний месяц он ничего не кушал. От него остались одни косточки. Три дня назад он стал чувствовать свою смерть. Метался в землянке на своей постели и плакал. Потом захотел, чтобы его отвезли в больницу. Мы пошли к дедушке Платону и попросили лошадь. Но всех лошадей взяли на посевную, он смог дать нам только свою садовую тележку, на которой весной возят навоз, а осенью картошку. Мы с бабушкой вынесли Йешку и положили в эту маленькую тележку. Ноги его свернулись под ним, как веревочки, он весь в нее поместился. Везти было тяжело, потому что колеса попадали в ямки и приходилось сильно толкать. Мы добрались до старой ляги⁶ и остановились отдохнуть. Йешка лежал тихо-тихо, и я сказал твоей бабушке: “Посмотри, ведь он умер!”

⁶ Ляга — непересыхающий водоем, наполненное водой углубление в земле, пруд.

Но он услышал и пробормотал: “Везите, везите, мое время еще не кончилось”. Мы приехали в больницу и попросили разрешения остаться с ним ночью. Но нам сказали, что нельзя. Рано утром мы пошли туда опять, и нам сообщили, что ночью твой брат умер. Мы забрали его домой. Он еще одну ночь лежал в нашей землянке, а сегодня мы отвезли его на кладбище. Эмилия, мы ждем тебя, потому что кроме тебя нас некому похоронить, а мы не знаем, сколько еще сможем выдержать такую жизнь».

Тридцать первого мая трудармейки так же пошли на работу, и все было по-прежнему, и казалось, что в их жизни никогда ничего не изменится.

Только день был по-летнему жаркий да Эмилия-Рапунцель необычно тиха. На ее лице ни разу не зажглась улыбка, не засветились синие глаза. Когда первый раз сели передохнуть, она сказала дрожащим голосом:

— Завтра ему бы исполнилось двадцать пять... — и закрыла лицо руками.

Перед самым обедом на делянку прибежал Володя:

— Товарищи трудармейцы! Все в контору! Приехал уполномоченный из района.

— Что, Володя? Что он говорит? Нас отпустят домой? Володя, ну скажи!

— Не знаю, не знаю. Ничего не говорил, — Володя отводил глаза. — Велел вас позвать. Сам все скажет.

В конторе после уличной жары приятная прохлада. За столом незнакомец в гимнастерке. Рядом с ним начальник камчатского участка Пошехонье-Володарского мехлеспункта Дробиков.

Незнакомец поднялся:

— Товарищи трудармейцы! Многие из вас не совсем верно понимают особенности текущего момента. Думают, раз война закончилась, можно расслабиться, разнежиться и, так сказать, внутренне демобилизоваться. Я знаю, вы настроились на то, что уже завтра поедете домой. Сразу вам скажу: эти надежды не имеют под собой никаких оснований и являются политически вредными. Да, война закончилась! Мы победили. Но какой ценой? С лица земли стерты тысячи деревень. Сталинград, Киев, Минск и другие города лежат в руинах. Нет больше крупнейших промышленных предприятий, взорван Днепрогэс, тысячи других электростанций, железных дорог. Там, где побывали фашисты, уничтожены все колхозы. Гитлеровцы вывезли хлеб, семена, скот, сожгли машинно-тракторные станции, мастерские, животноводческие фермы... Все это надо восстанавливать, а в первую очередь — железные дороги. Без шпал их не построишь. Стране нужен лес! Много леса, товарищи! Поэтому настраивайтесь на ударный труд. Мечты о скором возвращении домой придется оставить.

Рухнули все надежды. В глубине души, конечно, многие сомневались, что их мучения вот-вот закончатся. Но так хотелось верить! У трудармеек на глазах слезы.

— А сколько ждать? Когда все же отпустят?

— Этого, товарищи, я не знаю. Рабочие отряды и колонны останутся до особого распоряжения правительства.

— А потом? — угрюмо спросила Ольга Цицер.

— Что «потом»?

— Опять в Сибирь? Домой, на Волгу, уже не вернемся?

— Этого я не знаю и не уполномочен говорить на эту тему. Могу предположить, что вы, может быть, со временем и вернетесь в свои дома на Волге. Но точно знаю, что крымским татарам и чеченцам своей родины не видать никогда, потому что они открыто предали советский народ, с оружием в руках встали на сторону врага и воевали против наших солдат.

Значит, до особого распоряжения... А когда оно будет, это особое распоряжение...

— А я ведь знала, что не отпустят, — сказала Эрна Дорн. — Было у меня предчувствие.

— Мы все знали, — поправила ее Ольга Цицер. — Мы пришли в контору, но ни у одной в глазах не было ни радости, ни надежды. Стояли как на собственных похоронах. Ладно, не плачь, Рапунцель. Три года ждали и еще подождем.

— Да я не из-за этого плачу, — ответила Эмилия.

Вечером Ольга сказала:

— Слушай, Рапунцель, напиши-ка ты родным, чтобы вызвали тебя домой. Да и в здешнюю районную милицию отправь заявление: мол, в связи с тем, что в Сибири остались беспомощные дедушка и бабушка, прошу демобилизовать меня и отправить по месту призыва для ухода за ними.

Через месяц Мильке пришел ответ: «Для удовлетворения вашей просьбы не имеется оснований».

Дезертиры

Закончилось первое послевоенное лето. Трудармейцы встают уже раньше солнца. Зябко поеживаясь, умываются. В селе наперебой кричат петухи, звякают дужки подойников. А вот и корова замычала, зовет кого-то. Может, хозяйка проспала.

Тетя Эмма затапливает печь. Цепляет ведра на коромысла и идет к колодцу за свежей водой.

Вот уже и краешек солнца заблестел над лесом, вызолотив начинающие желтеть деревья. Открылись ворота во дворах, хозяйки выгнали коров. Пастух — Мишка Бухаров — ждет за селом, ходит взад-вперед, волоча за собой длинный кнут. Коров у камчатцев не много, больше одной никто не держит: негде их пасти, негде косить для них сено.

Тетя Эмма вернулась от колодца. Ее теперь каждый день оставляют кашеварить. В лесу от нее толку немного: стала задыхаться. Пока дойдет до делянки, несколько раз останавливается передохнуть. А дерево спилить ей теперь и вовсе не под силу. Володя Поляков уже написал представление о ее демобилизации, а пока не пришел ответ, пусть она остается в селе и кухарит.

Тетя Эмма поставила ведра на скамейку и сообщила:

— Анька Черкасова сейчас у колодца сказала: в округе появились дезертиры. Она сегодня утром вышла подоить корову, а подойника нет! Все обыскала — нет как не было. *Als wenn ihn der Kuckuck geholt hätte*⁷. Стала доить в чашку, а молока ни капли. Кто-то ночью выдоил. Анька говорит: «Вы поосторожней в лесу-то. Кто знает, что у голодного мужика на уме».

— То же, что и у голодной бабы: как бы пожрать, — сказала Эрна Дорн.

— У них, у мужиков, еще много чего на уме, — усмехнулась Эмилия. Сели завтракать. Накануне Володя и Аня принесли трудармейкам молока. Вот и весь завтрак — кружка молока да кусок хлеба. Но и это неплохо. Можно еще кипятка попить с душицей.

— Ну идемте, товарищи трудармейцы, сосны пилить, — говорит Ольга Цицер. — Помните, что уполномоченный сказал? Стране нужен лес! Нужны шпалы для железных дорог.

— И помните: пока шпал не напилим, домой не поедете! — подхватывает Эрна.

— Сначала напилим, потом дорогу построим, и только тогда поедем.

— Тогда и ехать не надо. Строить-то придется до самого дома!

— Тетя Эмма, что у нас будет на обед?

— Суп с грибами. Но без картошки. Кончилась, — отвечает тетя Эмма. — Немножко пшена положу да луку... Здесь научишься и грибы есть. У нас на Волге их никогда не ели, даже не собирал никто.

— Ну идемте, идемте! — заторопилась Эрна. — А то опоздаем.

Володя Поляков уже был в конторе. Вынул карманные часы — единственную свою ценность: нет, не опоздали. Еще пятнадцать минут. Взяли пилы и топоры и отправились в лес. Идти недалеко — не больше километра.

— Володя, ты слышал: говорят, дезертиры объявились? — спросила Эмилия, шагая рядом с начальником.

— Кто говорит?

— Анька Черкасова.

— Вранье, нет никаких дезертиров. Говорят, говорят, а видеть-то никто не видел! Если бы были, обязательно бы кому-нибудь на глаза попались.

— А много в селе пропавших без вести? — спросила Ольга.

— Много. Только кто пропал, уже не объявится. Много времени прошло. Были бы живы, давно бы пришли. Вот Колька, брат моей жены, еще из Берлина писал: всё, мол, отпускают, ждите! А до сих пор нет, и письма больше не приходят. Ну, тут пока остается надежда. А если человек еще в сорок первом или сорок втором пропал, то все — хана.

— Ну а вдруг он сбежал и боится показаться? Разве такого не бывает? — возразила Мария.

— Вряд ли. Давно бы поймали. И в лесу одному зимой не выжить.

⁷ Словно кукушка унесла.

— А если он не один? — настаивала Эмилия.

— Если не один, а банда, то обязательно наследят. Жрать-то хочется — значит, придут в село. Их бы уже всех выловили.

— Ой, смотрите, сколько шиповника! Запомните место. Назад пойдём — надо нарвать.

— Картошки бы. Шиповник что — только дразнить желудок...

— В прошлом году в Жигулях было сытнее. Картошки и овощей по норме полагалось почти полкилограмма в день, а сейчас вообще картошку не дают...

— Страна после войны в руинах. В колхозах, считай, одни бабы остались. Понимать надо, — сказал, словно оправдываясь, Володя.

— Да мы понимаем, Володя, дорогой ты наш, — сказала Эрна. — Понимаем, понимаем, а есть все равно хочется. Вот сегодня на повестке дня у нас знаешь какой вопрос? Будем обсуждать, сколько дадут хлеба. Поставим на голосование: кто за шестьсот граммов, а кто за четыреста...

— Потерпите ещё немножко. Говорят, трудармию скоро распустят.

Они идут навстречу ослепительному восходящему солнцу. Небо чистое, без единого облачка.

Пришли, положили инструмент на траву. Надевают рукавицы, кому-то захотелось попить из принесенной за пазухой бутылки. Ах, последние минуты перед работой, самые сладкие, хоть бы никогда не кончались! Но тяни не тяни... Ну, начали!

«Жиг-жиг», — запели пилы.

Володя всегда задерживается, чтобы свалить первое дерево. Сегодня он пилит с Эмилией. Она рада-радехонька! Пришла в себя после Йешкиной смерти. Опять влюбленно смотрит на Володю и вся сияет, сдувает с ресниц капельки пота:

— Володя, ты не старайся шибко, мне-то двумя руками способней.

Пилят долго: деревья-то вековые, стволы толстые. Но вот наконец крик:

— Береги-и-ись!

«Тр-р-р-р», — затрещало первое дерево. «А-а-ах!» — упало.

— Береги-и-ись! — Второе.

И вот уже потрескивают на костре обрубленные ветки, вьется неяркий в солнечном свете огонь, высвобождая синий и серый дым. Картошечку бы в этот костерок, да потом с солью ее, обжигая пальцы!

Упавший ствол размечают мерной линейкой по длине на шпалы и распиливают. Верхний, тонкий конец пойдет на дрова.

Володя уходит: у него дела в Камчатке.

Все выше солнце, все жарче. Но это не душная летняя жара, а приятное тепло начавшейся осени — бабье лето.

Мария пилит с Ольгой Цицер. Ольга сильнее Марии, но, когда пилят дерево, не так важна сила, как выносливость. Очередное дерево наклонилось, затрещало. Сначала медленно, потом все быстрее пошло вниз... Ударилось, сотрясая землю! Можно отдохнуть, пока сучкоруб об-

рубает ветки. У Марии с Ольгой в сучкорубах Эрна, а костровая — Алиса Франк. Она такая же маленькая, как Мария, только чуть полнее, и волосы у нее русые, а глаза светло-серые, большие.

Ольга садится в траву, прислонившись спиной к сосне, тянется за своей сумкой, в которой вода и хлеб. И вдруг решительно вытряхивает все на траву, встает и властным жестом зовет Марию за собой. Та, недоумевая, идет следом. Вскоре за участком, который они пият, начинается спуск в небольшую ложбину, заросшую кустами смородины, малины, шиповника и молоденькими листовыми деревьями. Девушки продираются сквозь эти заросли, перелезают через упавший полусгнивший ствол с черными сучьями и выбирают на противоположный склон. Там оказывается светлый березовый лес, за которым внезапно открывается довольно большое поле почти круглой формы. И Мария сразу понимает, что оно засажено картошкой. Одни кусты еще зеленые, другие начинают увядать.

Ольга, присев на корточки, длинными тонкими пальцами начинает выкапывать картофелины и бросать их в сумку. Мария смотрит на нее как завороченная.

— Что стоишь? — говорит Ольга. — Помогай!

— Ты что, Ольга! Я не могу... Нет-нет, я не буду! Это же воровство!

— Ишь ты: «воровство», «не буду»! А жрать будешь? Или донесешь на меня? Ну беги, доноси!

— Что ты такое говоришь!

— Тогда давай рой и не зли меня! Ну!

Мария никогда не видела Ольгу такой. Та, и правда, готова ее избить.

— Ладно, давай возьмем, только немножко...

Опасливо оглядываясь, Мария запустила пальцы в землю, подкопалась под куст, выдернула его, стряхнула с корней клубни, разрыла образовавшуюся ямку, вынула оставшуюся картошку. Потом другой куст и третий.

— Ольга, ну все, хватит! Пойдем скорее!

Но Ольга продолжала свое дело, будто не слышала.

Мария выкопала еще куст.

— Оля!

— Не скули! — откликнулась Ольга.

Через четверть часа Ольгина сумка была полна, и они двинулись в обратный путь. Когда вернулись на лесосеку, Ольга протянула сумку Марии:

— Неси тете Эмме.

— Я не пойду, — отчужденно сказала Мария.

— Ну и черт с тобой, я пойду! — и бросила Алисе: — Алька, пили с Марией вместо меня!

— А ты куда?

— Жопой резать провода!

— Что это с ней? — удивленно спросила Алиса, когда Ольга удалилась.

Мария угрюмо пожала плечами и не ответила.

— А в сумке что?

— Не знаю.

Вскоре Ольга вернулась, взялась за пилу: «Жиг-жиг, жиг-жиг... Тр-р-р!»

— Береги-и-ись! — кричит Ольга высоким голосом.

«А-ах-х!» — рухнуло дерево.

— Береги-и-ись! — слева голос Эмилии.

«А-ах-х!»

И затюкали топоры. А пыльчики идут к следующим деревьям, которым сегодня пришел срок умереть.

Но вот и час обеда. Трудармейки прячут топоры и пилы в траве, наваливают сверху веток: не тащить же эту тяжесть с собой в село. А день-то какой хороший! Небо сияюще-синее от горизонта до горизонта.

— Легла я сегодня в траву под сосной, — сказала Эмилия, — гляжу сквозь крону вверх... Как хорошо! Вернусь из трудармии, выйду замуж, заведу сад с высокими деревьями и все выходные буду лежать под ними и смотреть сквозь ветви на небо.

— Милая Рапунцель, — говорит Эрна, — не лежи на траве. Земля уже холодная, а ты вспотевшая. Не хорошо это.

— Выйдешь замуж — у тебя еще меньше времени будет лежать, чем сейчас, — замечает Ирма.

— А ты откуда знаешь? Была, что ли, замужем?

— А твоя мать много лежала? — отвечает Ирма и в ужасе осекается.

Как она такое ляпнула! Ведь у Эмилии с трех лет нет матери.

— Эмилия, прости меня! Я не знаю, как это вырвалось...

— Не надо, Ирма! Мне так хорошо, так хорошо! Меня сейчас ничто не может обидеть!

Подошли к дому. Как вкусно пахнет! Умны были поволжские немцы, а в грибах толку не знали. Да еще чванились: мол, грибы — это не еда! А в этом году в Сибири все лето собирали их и сушили.

Довольная тетя Эмма хлопочет вокруг печи.

— Давайте, давайте, подходите со своими мисочками!

Что это она такая праздничная, будто невеста какой сюрприз им приготовила?

А ведь и правда! Наливает по полной миске из их двухведерного котла, а суп настоящий, густой, с грибами, пшеном и картошкой!

— А картошка-то откуда? Ведь не было! — изумилась Гермина Шмидт.

Тетя Эмма сразу замолчала. Не знает, можно ли говорить.

— Мы с Марией накопили, — спокойно сказала Ольга. — В лесу, где мы пилим, картофельное поле — прямо за нами. Можно и вечером накопать. Только надо взять лопату, а то я все ногти сорвала.

— Анька приходила, — сказала тетя Эмма. — Говорит, дезертиры подойник обратно подбросили. В огороде нашла.

— Сюда заходила? — забеспокоилась Ольга. — Картошку не видела?

— Да нет, я успела спрятать ведро под нары.

— Аня, если бы и увидела, никому бы не сказала, — заметила Мария.

Вернулись в лес — опять сюрприз: у Эрны пропал топор.

— Ты, может, забыла, куда положила? — возмущалась Алиса, разбрасывая ногами кучу веток.

— Да нет, я как сейчас помню: клала вместе с пилой. Пила на месте, а топора нет.

— Чудеса!

— Слушайте, а может, правда дезертиры?

— А черт знает, может, и правда, — сказала Эрна, и все как по команде испуганно повернулись к лесу.

Пришел Володя. Почувствовал, наверное, их тревогу и спросил:

— Что случилось?

— Топор, Володечка, пропал, — сказала Эмилия. Ей после обеда стало так жарко, что она сняла платок, и ее тяжелая коса, свернутая на затылке, искрилась на солнце, а вдоль щек золотыми колечками вились локоны. — На дезертиров грешим.

— Да ну! Нет никаких дезертиров. Плохо искали. Ищите.

— Уже всё обшарили, — сказала Эрна. — Я хорошо помню, что клала топор рядом с пилой. Он еще звякнул об ее полотно. Пила — вот она, а топора нет... Что ж я, совсем, что ли, дура, не помню, куда топор клала?

— Не дело инструмент без присмотра бросать. Надо или с собой забирать, или кого-то оставлять караулить. Сегодня как-нибудь обойдись, а завтра будем думать.

— Я куплю с зарплаты, — неуверенно пообещала Эрна.

К концу рабочего дня полагалось заштабелевать напиленные бревна. Это самая трудная работа. Толстые заготовки длиной в полтора метра были необыкновенно тяжелы. Трудармейки катили их к месту штабелевки и накатывали на уложенные жерди — слег. Укладывали первый ряд — штук пять или шесть. Потом поверх него стелили прокладки из таких же жердей, и начинался подъем бревен для второго ряда. Ставили слег, поддевали бревно ломом. Несколько женщин подсовывали под него толстые жерди-рычаги:

— Раз-два, взяли! Еще взяли!

Более чем стопятидесятикилограммовая заготовка неохотно начинала перекатываться вверх по слегам.

— Еще взяли! — подбадривали себя трудармейки.

Пока одни удерживали бревно, другие глубже просовывали под него рычаги.

— Дружней взяли!

Бревно скатывалось со слег и ложилось сверху на нижний ряд штабеля.

Раз в два-три дня приходили лесовозы и отвозили напиленный лес по колесоотбойной дороге на пристань в Пошехонье-Володарск.

Володя, как бригадир, мог бы не участвовать в штабелевке, тем более с одной рукой. Но он обязательно становился среди женщин, брал в здоровую руку лом и вместе со всеми орудовал им изо всех сил, вплетая свой голос в общий хор:

— Раз-два, взяли!

Ему говорили:

— Володя, упаси бог, упадет бревно — одной рукой не удержишь. Мы сами справимся.

Но он возражал:

— Ну конечно! Вы, женщины, будете надрываться, а я, мужик, стоять и смотреть?

В тот день к семи часам работы уже заканчивались. Солнце коснулось верхушки леса за Конгорой, стало прохладно. Поднимали последнее бревно, такие всегда кладут на верхний ряд штабеля. Тут уже и рычаг не поможет: бревно наравне с головой. Его толкают руками, упираясь что есть мочи. Еще чуть-чуть, последний толчок, чтобы оно перевалилось на штабель... Но сил уже нет. Вот сейчас люди дрогнут — и бревно понесется назад к земле! Уже и Володя бросил свой лом, подставил плечо, чтобы трудармейки успели переменить ногу.

Мария обеими руками уперлась в жесткую кору. И вдруг ее обдал крепкий табачный запах, а над самым ухом раздался незнакомый мужской голос:

— А ну, бабоньки, держи! Держи-держи! Эхма! Взяли! — обжаренные солнцем мужские руки легли рядом с ее руками. — Оба-на!

Бревно подумало-подумало и свалилось со слег на штабель.

— Колька! — закричал Володя. — Ты?! Живой! Вернулся!

— Володька! Да дай же я тебя, чертяку, обниму! А худой-то! Одни кости!

— А ты? Цел! А что ж не писал так долго? Мы с Лизаветой уже покойником тебя считали!

— Нельзя было писать. Военная тайна!

— С японцами, что ли, воевал?

— С ними, чертями.

— Женщины! Трудармейцы мои дорогие! Радость-то у меня сегодня какая! Николай вернулся, Лизаветин брат!

Трудармейки смотрели, скупно улыбаясь чужому счастью. Может быть, скоро оно постучится и к ним...

— Вы уж тут, товарищи трудармейцы, приберитесь без меня, — говорил счастливый Володя. — Пилы с топорами к себе возьмите. А я пойду...

— Иди, Володя, иди. Все сделаем как надо, — успокоила его Ольга Цицер.

Женщины смотрели вслед двум мужчинам в гимнастерках, пока те не исчезли вдали.

— А теперь пойдёмте картошки накопаем! — командирским тоном сказала Ольга.

Марии ужасно не хотелось идти с подружками. Она боялась попасться на месте преступления, но сильнее страха саднило в душе другое чувство: ну не могла она. От одной мысли, что они возьмут чужое, делалось противно до тошноты. Но и не участвовать было нельзя: она немедленно стала бы изгоем среди своих. Все разошлись бы на нее, как сегодня днем Ольга. А идти против всех у нее просто не было сил.

И Мария пошла воровать.

Ольга прихватила с собой две наволочки, и трудармейки быстро наполнили их картошкой. Солнце между тем совсем село, но горизонт еще алел, медленно угасая.

— Девчонки, — предложила Ольга, — давайте напечем картошки в золе! Последний раз я ела печеную картошку десять лет назад, когда приезжала из Саратова к родителям. Была такая же осень, они только что убрали урожай на огороде. Вечером развели костер, накидали в него картошек, а потом прямо из золы выкатывали палочками. Так вкусно!

— Ольга! Да мы же в день Победы пекли! — подсказала Эмилия.

— Точно... Странно, я заметила, что хорошо помню все, что было до войны, и не помню ничего, что было в трудармии. Даже Ольгу Ивановну почти забыла. У вас такого нет?

Тут же натаскали из лесу сухих веток, развели костер, сели вокруг него и, пока пеклась картошка, рассказывали про разные вкусности, которые ели дома.

Марии почему-то было тревожно. Она отошла от костра в лес, дошла до ложбины, через которую они недавно продирались на пути к картошке, и вдруг ей показалось, что кто-то быстрыми шагами идет по их участку.

— Лиза, Лиза, Лизавета, что ж не шлешь ты мне привета... — донеслось до нее.

Это был Володя. Внезапно он остановился и стал вглядываться вглубь леса.

В наступившей темноте по деревьям весело плясали отблески костра. Не заметить их было невозможно.

Мария бросилась назад и зашипела:

— Там Володя!

Женщины схватили наволочки с картошкой и кинулись от костра в лес: одни в одну сторону, другие в другую.

— Стой! — закричал Володя с той стороны ложбины. — Стой! Стрелять буду!

«Стреляй-стреляй, Володя! Будто мы не знаем, что у тебя пистолета нет!» — думали трудармейки, убегая.

На другое утро, когда женщины пришли в контору, Володя сказал:

— Ну, товарищи трудармейцы, не верил я в дезертиров, а вчера сам их видел! Я, когда от вас уходил, папиросы на пне оставил. Вечером после ужина захотелось покурить, а ни у меня, ни у Николая курева нет! Думаю, что же до утра мучиться, сбегая. Иду себе, напеваю — глядь, костер за деревьями горит! Подбираюсь ближе. Смотрю, вокруг костра сидят люди и что-то жарят на огне. Много, целая шайка! Я крикнул:

«Стой, стрелять буду!» Они испугались и врассыпную в лес... И что-то за собой тащили.

— Володя, может, барана? — спросила Ирма, невинно глядя ему в глаза.

— А что? Очень было похоже на барана! Надо поспрашивать, не пропали ли у кого баран или овечка.

— Дай срок, Володя! Соберемся домой — расскажем тебе, какие это были дезертиры! — шепнула Марии Эрна Дорн.

— А с топором-то как? Не нашли?

— Топор, Володя, сам нашелся. Посчитали вчера — числом сходится. Как-то обсчитались в обед.

— Ну и ладно. Слава богу, не покупать.

Битва на картофельном поле

По-прежнему стояло бабье лето, и солнце светило особенно ярко, как будто отражаясь в золоте берез, пурпуре осин, рябин и кленов.

Но настроение у женщин было неважным. Нормы продовольствия для трудармейцев теперь устанавливали на местах, а там продуктов не хватало даже местным жителям. По карточкам, независимо от выполнения нормы, давали только четыреста граммов хлеба.

Однажды пришла тетя Эмма, которая у трудармеек была, как Савельич у Петруши Гринева, рачительницей продовольственных карточек, котлового довольствия и всего прочего, и показала им требование: «Кладовщику тов. Канаевой А. А. Требование №... от 15 сентября 1945 года. Отпустить на котловое довольствие бригаде лесорубов в селе Камчатка через Кригер Э. Я. с подотчета на 39 человек на 16, 17, 18 сентября: картофеля — 7,8 килограмма, крупы — 7,8 килограмма. Начальник мехлесопункта Дробиков И. Ф.».

— По шестьдесят граммов картошки на человека в день, — подытожила она. — А когда почишь ее — и того меньше. Я уж стараюсь не чистить, а скоблить...

Хозяева начали убирать урожай на картофельном поле, где недавно попаслись трудармейки. Днем там был народ, а вечером, как раз когда женщины уходили со своей лесосеки, приезжали подводы за картошкой и копальщиками. В селе опять пронесся слух о дезертирах: мол, выкопали на лесной делянке изрядную латку.

Странно, что никто, включая Володю Полякова, не обратился в милицию.

В тот день, когда тетя Эмма получила по требованию Иосифа Францевича Дробикова причитающееся трудармейкам питание, работа вовсе не шла на ум. Утром они съели по кусочку хлеба с чаем, в обед — по тарелке супа с небольшим количеством капустных листьев, которые дала тете Эмме Анька Черкасова. Картошки в этом супе было еще меньше, чем в супах сорок второго — сорок третьего годов, когда сильнее всего голодали. Володя после обеда уехал в Пошехонье-Володарск на какое-

то собрание. Как-то особенно часто застревают пилы в древесине, а когда ствол падал и сучкорубы обрубали ветки, пильщики не принимались за следующее дерево, а бессильно валились с ног и спрашивали друг у друга:

— Как думаешь, сколько хлеба сегодня дадут: четыреста граммов или все же шестьсот?

— Шестьсот не дадут, нечего и мечтать.

— А может, все же...

— Да с чего бы?

Когда штабелевали бревна, два сорвались со слег и чуть не прибили одно Марию, другое Рапунцель.

Вечером, похлебав пустого супа, женщины не выдержали. Ольга и Ирма предложили дожидаться полуночи и набрать картошки, пока все их поле не выкопали. Да! Они так и сказали: «Сходим еще раз на наше поле, пока его не выкопали». Они же — Ольга и Ирма — определили, кто пойдет с ними. Решено было, что это будут самые молодые: Мария, Эрн Дорн и Эмилия.

— Я не пойду, — заявила Мария.

— Нет, пойдешь! — твердо сказала Ольга.

— Не пойду!

Кто знает, может быть, Ольга и на этот раз переломила бы ее волю, если бы не вмешалась Эллочка:

— Не спорьте, я пойду.

— Элла, что ты, зачем? — попробовала возразить Ирма.

— Пойду! — упрямо надула губки Эллочка.

Взяли с собой пять наволочек. Мария тоже сняла свою и подала Ольге.

— Не нуждаемся, — процедила та высокомерно.

Это было так обидно, что у Марии навернулись на глаза слезы, как она с ними ни боролась.

Пришли воровки часа через полтора. Все прошло благополучно, им никто не встретился. Наволочки были полны.

— На два дня хватит, — с облегчением сказала тетя Эмма.

Утром, встав пораньше, она сварила картошку в мундире. Запах стоял необыкновенный, так что во рту скапливалась слюна.

Сели за стол, тетя Эмма раздавала картошку. Когда подошла к Марии, та поспешно сказала:

— Мне не надо!

— Ах, Мария, оставь это! Возьми.

— Не возьму. Я не ходила за ней, я и есть ее не буду.

— Это справедливо, — заметила Ольга.

— Ольга, зачем ты так? — покачала головой тетя Эмма.

Когда пришли на работу, Володя Поляков сказал:

— К тете Нюре Коршиковой вчера сын приехал. Глаза потерял на фронте — в танке сильно обгорел. Жена, курва, отказалась его из госпиталя забирать. Сопровождающий привез. А тетя Нюра еле ходит...

— И как он будет жить, если останется один? — вздохнула Эрна Дорн.

— Наше государство его не бросит, конечно.

— Государство не жена: не бросит, но и не приласкает. Сиди где посадят, ешь что дадут. Я бы не хотела так жить, — сказала Ольга.

— А мужик-то грамотный, — продолжал Володя, нервно моргая. — До войны работал учителем в Ярославле. Математику преподавал.

— И у нас в бригаде две учительницы: Эрна и Мария. А Эллочка после трудармии пойдет в педучилище.

— И к чему ты, Рапунцель, это сказала? — спросила Ирма.

— Просто так, к слову пришлось. А ты, Володя, учился на кого-нибудь? — спросила Эмилия.

— Я перед войной поступил в артиллерийское училище. Выпустили нас лейтенантами летом сорок первого — и сразу в бой.

— Военные — самые красивые мужчины, особенно офицеры, — сказала Эмилия, зарумянившись.

Володя посмотрел на нее и улыбнулся.

— Рапунцель, — попросила Доротей Шварц, — поддержи-ка моя пила, мне в сапог кусочка камень попадал.

Эмилия приняла просьбу за чистую монету, подошла и взяла пилу.

— Sei vernünftig, Kind!⁸ — прошипела Доротей.

— Не понимаю, о чем вы, — ответила Эмилия по-русски.

Дом Коршиковых, мимо которого они много раз проходили, давно не знал мужских рук. Вокруг двора щетинился много лет не кошенный бурьян. На выходящем на улицу окне была оторвана ставня. Калитка покосилась, доски скребли по земле, открывалась и закрывалась она с усилием и, вероятно, поэтому всегда была отворена.

На этот раз трудармейки, замедлив шаг, увидели сидящих на крыльце старушку и молодого мужчину в офицерском кителе и фуражке. Он обнимал ее за плечи, она прильнула к нему головой.

— Тетя Нюра сажала картошку? — спросила Эрна.

— Что-то сажала у себя в огороде, — ответил Володя, — да этого вряд ли хватит на двоих. А корову она давным-давно не держит. Но ничего, с голоду не пропадут. Он будет пенсию получать, карточки на продукты... Если понадобится, советская власть им поможет.

Лес уже выпилили до самой ложбины, и картофельное поле хорошо просматривалось сквозь деревья. Там сегодня опять работали женщины и ребяташки, звякали ведра, звучали голоса. Копали уже на противоположном краю поля, у самой кромки леса, который трудармейкам скоро предстояло валить. Но даже оттуда долетал звонкий детский голос:

— Мамка! Дай хлеба, я кушать хочу!

Что отвечала мамка, не было слышно.

Мария сегодня уставала гораздо быстрее, чем обычно, ведь за завтраком она не съела ничего, кроме ста граммов хлеба.

⁸ Будь разумной, детка!

На обед тетя Эмма опять сварила грибной суп. Но в нем была вчерашняя картошка. И Мария снова ничего, кроме хлеба, не ела.

— Ты однако упрямая, Мария! — сказала Ольга Цицер, когда они после обеда пилили огромную сосну.

— Ты в тюрьме сидела? — спросила Мария в ответ. — Нет? А я сидела.

— Ты?! В тюрьме?! И сколько же ты сидела? — удивилась Ольга.

— Три дня.

— Три дня не считается.

— А мне и одного на всю жизнь хватит, — ответила Мария.

Во время штабелевки у нее закружилась голова и зазвенело в ушах.

«Ерунда, — подумала она, — совпадение».

Вечером, дождавшись темноты, трудармейки опять собрались на картофельное поле.

— Может, выкопали, а может, и не выкопали, — говорила Ольга, их вечный вожак. — Пойдем проверим! Если выкопали, по копаному будем собирать. Это уже не воровство. Я заметила, русские не чисто копают, много картошки остается.

— Мы приехали в Искитим в конце сентября, — подхватила Эрна. — Не знали, как переживем зиму, что будем есть. Отец копал у соседок по копаному и набрал пять мешков картошки! Нам хватило до следующей зимы. Соседки сами не верили, что так много оставляют.

— Мария, ты сегодня обязательно пойдешь! — заявила Ольга.

— Да, Мария! Что ты — лучше нас, что ли? Мы воровки, а ты святая? — поддержала ее Ирма.

— Иди, Мария, иди, — сказала тетя Эмма. — Я не могу смотреть, как все едят, а ты нет.

И Мария решила пойти.

На улице было темно. На небе ни звездочки. Пролетел холодный вихрь, срывая листья и шурша ими по земле. На улице, по которой они шли, царил тишина: видно, все уже легли спать.

Прошли мимо двора Поляковых, мимо Коршиковых.

— Знаете, — сказала Эрна, — мне сегодня так жалко стало этого офицера, когда он сидел обнявшись с матерью...

— Тихо! — сказала Ольга. — Воровать, кажется, идем.

Вышли за село. А вот и ложбина. Тропинка там уже натоптанная. Но под ногами шуршат листья, и сучья трещат, кажется, на всю округу.

— Ничего, вряд ли тут кто-то есть, — успокоила подруг Ирма.

— Пойдем напрямик, через поле, или обойдем лесом?

— Пойдем прямо. — Ольга наклонилась, пошарила под ногами и положила в свою наволочку картофелину.

— Повезло, они не успели докопать, — приглушенно сообщила Ирма. — Немного нам оставили.

Мария нагнулась, но не успела выдернуть и первый куст, как чей-то громкий крик перекрыл шум деревьев под северным ветром:

— Ура-а-а! Вперед! Бей немцев!

Из леса высыпали с десятков темных силуэтов и бросились на них. Атака была внезапной и сокрушительной. На Марию налетел подросток меньше ее ростом, толкнул в грудь. Она упала спиной на сухую холодную ботву, но тут же вскочила и едва успела закрыть глаза — мальчишка метнул ей в лицо горсть земли. Мария выставила вперед руки, и у нее из горла вырвался вопль, который ей самой показался нестерпимо противным. Нападавший с яростью отбил ее руки в сторону. Холодные грязные пальцы полезли ей в рот, раздирая губы, щеку изнутри, царапая десны. Мария снова закричала, но на этот раз крик был больше похож на плач. Она оттолкнула мальчишку и увидела, как рядом с ней две женщины валтузят Ольгу.

— Я их узнала! — радостно кричала одна. — Это немки из трудармии! Змеюки! Они давно нашу картошку воруют. А мы думали, дезертиры! Бей их, бабы!

Мария рванулась вперед, сшибла ее с ног. Ольга пыталась освободиться от вцепившейся в нее второй женщины. Краем глаза Мария заметила, как еще кого-то повалили и бьют по голове. Но в этот миг Ольга вырвалась, и они со всех ног побежали через поле.

Сердце булькало и стучало под самым горлом, во рту чувствовался неприятный соленый вкус да земля хрустела на зубах.

Мария оглянулась и увидела, что следом бегут два подростка. Пересекли поле, погоня не отставала. А вот и знакомая ложбина. Вниз по склону! Мальчишки за ними. Но Мария с Ольгой знали тропинку, а преследователи продирались сквозь заросли. Трудармейки уже перебрались на свою сторону, когда услышали позади вопль:

— А-а-а! Петька! Я на сук ногой напоролся!

В церковь, что служила им домом, Ольга с Марией прибежали первыми.

— Что случилось? Что случилось? — навстречу им тетя Эмма, Лидия Андреевна и Доротея Шварц со свечкой — свет уже отключили — и с такими испуганными лицами! Какие же тогда лица у них самих?

— Поймали нас, били... — сказала Мария, еле переводя дыхание.

— Сейчас сюда прибегут! — Ольга, оказываясь, тоже иногда впадает в панику.

— Allmächtiger, großer Gott!⁹

Прибежала Рапунцель. Без платка, под глазом синяк. Коса криво свесилась на ухо, из носа течет кровь.

— А где Эрн с Ирмой?

— Поймали. К Володе повели.

Тут уже зарыдала Эллочка.

Мария сплюнула в ладонь: в колеблющемся свете было видно, что слюна красная.

— Тетя Эмма, дайте платочек.

— У тебя кровь изо рта идет!

⁹ Боже великий, всемогущий!

— Ничего... — сказала Мария, дрожа всем телом. — Просто один мальчишка мне ногтями десны разодрал.

— Прополощи с солью. А ты, Доротея, намочи мой платок в холодной воде и приложи Эмили к носу, чтобы остановить кровь. Ничего-ничего, уже не сильно идет. Не бойтесь! Бог поможет.

А вскоре пришли Ирма с Эрной.

— Ну что? Вас отпустили? Не били больше? Что сказал Володя? — засыпали их вопросами.

— Сказал: «Идите спать, завтра будем разбираться».

— Да, поели картошки...

— Завтра еще накормят... Досыта.

Прокуроры и защитники

Утром дул холодный ветер, мочил лицо мелкий дождь — бусенец, как говорили местные.

— Володя, нас посадят? — спросила Мария.

— Спокойно, товарищи трудармейцы! Никто вас не посадит: и так рабочих рук не хватает. После работы будет собрание в сельсовете. Поговорим. Думаю, договоримся. А вообще, товарищи трудармейцы...

— Что, Володя?

— Негоже вы сделали. Я все понимаю: голодно. Но воровать-то зачем? Воровать — это последнее дело...

— А мы уже до него дошли, до последнего дела. Дальше только помирать, — ответила Ольга.

— Ну надо было мне сказать, что-нибудь придумали бы, — неуверенно ответил Володя.

«А то ты сам не видел!» — невольно возмутилась Мария.

— Небось за костром тогда не дезертиры сидели? — спросил Володя.

— Не дезертиры.

— Ну вот...

Что «вот», женщины так и не поняли.

За день намерзлись на ветру, промокли под дождем. Володя пришел с обеда и работал с ними до самого вечера.

— Слышали новость?

— Не слышали, — тускло ответила Эрна. — Нам не до новостей.

— Андрюшка Черкасов домой вернулся!

— Да что ты! — встрепенулась Мария.

— Последнее письмо от него пришло еще в марте. Война кончилась, все давным-давно вернулись, а о нем ни слуху ни духу. Но Анька все твердила: он живой, он живой... И была права! Оказывается, он с японцами воевал, как наш Николай.

— Аня-то, наверное, как рада!

— Что вы! Сияет от счастья. Вы бы на него посмотрели! Два ордена, несколько медалей — красавец!

— А у тебя, Володя, есть ордена? — спросила Эмилия.

— Да вроде есть один... — смутился Володя. — За Москву.

— А что же не носишь? — удивилась Ольга.

— Зачем? Я не за орден воевал. Получится, вроде как хвастаюсь.

— Ничего не получится! — ответила Эмилия и добавила, сияя побитым глазом: — Я бы, Володечка, так хотела посмотреть на тебя с орденом!

— Рапунцель, Рапунцель, — сказала Ольга, — не спускай свою косоньку!

А Володя усмехнулся — то ли смущенно, то ли досадливо, Мария не поняла.

После работы пошли к сельсовету. Дождь сеял по-прежнему. Журчали струйки, стучали капли. Крыльцо покрывала скользкая грязь. Народ уже сходился. Мужики стояли группками, оживленно разговаривали, курили самокрутки.

Высокий худой мужчина в офицерской шинели и с тросточкой в правой руке подошел к ступенькам в сопровождении сторбленной старушки, которая держала его за левую руку.

— Осторожно, Валюша, — сказала, задыхаясь, женщина, — здесь может быть скользко. Подожди немножко, я отдышусь.

Они узнали тетю Нюру Коршикову и ее сына.

— Бабушка, позвольте мы вам поможем. — Эрна Дорн подошла и, взяв руку офицера, обвила ею свои плечи.

— И за меня держись, Валентин Иванович, — сказал Володя, подходя с другой стороны.

Мария взяла под руку тетю Нюру, и они все вместе поднялись на крыльцо, которое, действительно, было скользкое. Открыв дверь, очутились в большом фойе, где в несколько рядов тянулись скамейки. Налево от входа в углу стоял стол, а направо на табуретке — бачок с водой. К кранику была прикреплена цепочкой жестяная кружка. От фойе в обе стороны уходили темные коридоры. Там, наверное, располагались кабинеты работников сельсовета. Мария слышала, что в этом доме до революции жил тот самый лесопромышленник, который построил церковь, где теперь размещались трудармейки.

В фойе уже были люди. Одни стояли или ходили по свободному пространству, другие сидели на скамьях. Пахло мокрой одеждой и скверной махоркой.

Подруги тесно сбились в углу, подальше от стола. Собравшиеся, особенно женщины, смотрели на них искоса, недружелюбно. Мария по фигуре узнала тетку, которую вчера толкнула и повалила, а по хромоте — подруга, который разодрал ей десны и потом гнался за ней и Ольгой. Мальчишка сдвинул брови и показал ей кулак.

Наконец вышел председатель, щелкнул выключателем, прибавляя света.

— Ну, товарищи, начнем, — сказал он, подойдя к столу. — Чего тянуть-то? Сами знаете, что рассматриваем. Трудармейки, — он кивнул

в сторону девушек, — тайком выкапывали картошку у местных жителей. Что будем делать?

— Ясно что! В милицию заявить и судить их! Они воровки.

— Правильно! — заверещала женщина, которую Мария накануне сбила с ног. — Особенно вон ту маленькую, чернявую! И ту длинную тоже! — Это она об Ольге.

— Ну что? Если нет других предложений, то на этом и порешим? Закроем, так сказать, вопрос?

— Нет, не будем закрывать, — сказал Володя.

Он вышел и встал за стол рядом с председателем.

— Товарищи, есть воровство и... воровство. Одно воровство — от жадности. Это когда у тебя все имеется, а тебе мало. Или когда можешь обойтись тем, что есть, но берешь про запас. Это плохое воровство, за которое надо наказывать. А есть воровство от голода. Когда человеку нечего есть и он от голода украл еду, я не могу его осуждать. Потому что знаю, товарищи камчатцы, что это такое — быть голодным.

— А мы что — не знаем? — возмутилась Наталья Жемчугова. — Разве мы не голодаем? Они у нас не лишнее воровали. Для нас картошка с огорода — тоже жизнь! У меня двое детей, и кроме картошки мне им дать нечего.

— Правильно. Я это тоже понимаю. Но у вас есть картошка, а у них нет. Вы в своих домах живете, при своих огородах. Худо-бедно коровенка есть, теленок в крайнем случае...

— Ага, коровенка, теленок! Ты попробуй-ка их прокорми! И у кого они есть — корова и теленок? Бог дает богатому телят, а бедному ребят. У меня ничего, кроме ребят, нет. И эти немки не у меня еду украли, а у моих детей!

— Твоя правда, Натаха! — закричала какая-то старушка. — Я на карачках эту картошку сажала. А они, кобылы здоровые, не могли себе возле церкви огород вскопать? Вона сколько земли!

— Верно, тетя Франия! — поднялся вокруг нее одобрительный шум. — Готовое-то легче взять, чем самим вырастить!

— Я тебя тоже понимаю, тетя Франия, — постарался перекричать шум Володя. — Но огород они не сажали, потому что были уверены: после победы их демобилизуют и они вернутся домой. Они не могли знать, что останутся до зимы и сложится такая ситуация с питанием. Ну, раз так получилось, что же — мы будем спокойно смотреть, как рядом с нами умирают наши советские люди?

— Они не советские, они немки!

— Врешь, тетя Натаха! Аня Черкасова сказала, что они наши, русские! Аня добрая, умная, она лучше тебя знает! — крикнул Мишка Бухаров.

— А ты молчи! Нашелся немецкий защитничек!

— Позвольте тогда уж и мне слово молвить, — вдруг поднялся слепой танкист.

— Валентин Иванович, сидите, сидите! Можно с места говорить.

— Нет, я выйду. Я всем в лицо хочу сказать. — Валентин Коршиков пошел к столу.

Несколько человек бросились его проводить. Первым успел Володя и поставил слепого туда, где только что стоял сам.

— Земляки! Скажу вам откровенно: мне стыдно за вас. Вы хотите отправить в тюрьму таких же голодных людей, как вы? Да еще женщин! За мешок картошки?

Все замолчали. И несколько минут было очень тихо, только слышался плеск воды, льющейся с крыши.

— Где же наш советский коллективизм, взаимовыручка? Наши предки всегда жили по закону: «Сам погибай, а товарища выручай». Не о том надо думать, как наказать голодного, а о том, как вместе пережить зиму, дожить до зеленой травы, до будущего урожая!

— Правда твоя, Валентин Иванович, — сказал старичок с совершенно белыми волосами, сидевший рядом с тетей Франей. — А еще в старину говорили: «Голодный, и поп хлеба украдет». Сажать девок никак не годится! Тяжко будет помирать, взявши на душу такой грех. Да только как им помочь-то? Скудость припасов такая, что ой-ей-ей! Самим бы ноги не протянуть.

— Ну что ж, — сказал Коршиков, — и на том спасибо, — и пошел в сопровождении Володи на свое место рядом с матерью.

— Ну тогда, товарищи, так и запишем в решении общего собрания жителей деревни Камчатка: «Учитывая, что поступок работниц Камчатского участка Пошехонье-Володарского мехлесхоза Марии Гейне, Ольги Цицер, Эмилии Бахман, Ирмы Шульдайс и Эрны Дорн не представляет общественной опасности, вынести им порицание и предупредить, что если такое повторится еще раз, то мы примем по отношению к ним более строгие меры». Так, что ли?

— Нехай будет так! — раздался мужской голос.

— Тогда ставлю на голосование. Кто за, товарищи?

За проголосовали почти все.

После собрания Эрна Дорн подошла к Валентину Ивановичу:

— Спасибо вам. Если бы не вы...

— Товарищи трудармейцы! Вам по пути. Проводите Валентина Ивановича, — сказал Володя.

— Конечно-конечно, Володечка! Как ты сегодня хорошо говорил! Спасибо тебе, дорогой ты наш! — сказала счастливая Милька.

— Э-ми-ли-я! Platz!¹⁰ — ласково промурлыкала Ольга.

Все действительно были счастливы. Будто гора с плеч свалилась.

Ольга подошла к Марии и тихо сказала:

— Прости, я была неправа.

На улице уже совсем стемнело. Дождь почти перестал, и было непонятно, с неба капает или с мокрых деревьев. Пахло прелыми листьями и почему-то свежими грибами. Эрна вела Валентина Ивановича, обняв его за талию. За ними шли Мария с тетей Нюрой.

¹⁰ Место!

— Вы учитель? — услышала Мария голос Эрны.

— До войны был учителем, — отвечал Коршиков.

— И мы с Марией окончили педучилище. Вы какой предмет преподавали?

— Математику. А вы?

— Мы еще не работали. А вообще, мы учителя начальных классов.

— Разве там, куда вас переселили, не было возможности работать по специальности?

— Нет, нас почти всех определили в колхозы.

— А после трудармии, после демобилизации...

— Не знаю. Я бы очень хотела. А вы?

— Что — я?

— Не думаете вернуться в школу?

— Как же я вернусь?

— Вам ведь не обязательно вести именно математику. Вы умный человек, много знаете, наверняка много читали. Вы могли бы преподавать историю. Я представляю, как вы рассказываете ребятишкам, например, про Трои, а они слушают вас, боясь вздохнуть... Вы бы смогли!

— Знаете... Простите, я даже не спросил вашего имени...

— Меня зовут Эрна.

— Знаете, Эрна, я как-то еще не думал об этом. Все же учитель, даже истории, должен проверять тетради, показывать что-то на карте...

— Это все решается. И тетради для вас кто-нибудь проверит, и письменные работы прочитает, и с картами можно что-нибудь придумать. Знаете, мы сегодня в сельсовет шли как на казнь. Вы бы видели, как нас вчера били! Мы думали, сегодня добьют, растерзают... А оказалось, что люди-то у нас хорошие! Они бывают темные, глупые, жестокие, но их можно правильно направить — на добро, вот как вы сегодня сделали. Вы и сказали-то всего несколько слов — а люди стали другими, замолчали и задумались. Нет, правда! Для учителя главное — уметь направлять. На этом и строится воспитание. А воспитывать, по-моему, так же важно, как учить. Может, даже важнее, согласитесь!

— Вы рассуждаете необычно... Ну, допустим, я с вами соглашусь.

— Тогда почему бы вам не отдать свои способности людям? У вас огромный педагогический талант, я сегодня это видела. Такому дару можно только позавидовать. Вы могли бы такую пользу приносить, такую пользу!

— Какие вещи вы говорите, Эрна...

— Глупые?

— Нет...

— Валентин Иванович...

— Да, Эрна?

— Можно, я зайду к вам на днях?

— Заходите, буду рад.

Но Эрна не вытерпела и зашла к Коршиковым уже на следующий день. Вернулась поздно.

— Как они бедно живут! У них ничего нет. Тетя Ньюра после работы просто падает от усталости, чуть ли не год уже в доме не прибиралась. Я им полы помыла. Завтра надо печку замазать: она вся потрескалась.

А на другой день случилось неожиданное. Когда трудармейки до-едали свой скудный обед, приготовленный тетей Эммой, вошел Володя:

— Эмма Яковлевна, Дробиков вызывает вас в контору.

— Меня? Что я сделала? — испугалась тетя Эмма.

— Зачем же сразу так? Вам пришел вызов из Довольного, из комендатуры. Отпускают вас домой.

Ну вот и первая ласточка! И день сегодня — как на картине Левитана «Золотая осень». Горят под солнцем желтые березы, и опавшие листья еще яркие и свежи. Солнце пока греет, но воздух уже холоден и резок, как в предзимье. А среди ветвей стеклышками звенят синички.

После такого известия настроение у женщин поднялось. Значит, и до них скоро дойдет очередь!

Но Володя разочаровал:

— Вы не радуйтесь, товарищи трудармейцы. Я видел этот вызов. Ничего хорошего в нем нет. Как я понял, Эмму Яковлевну вызывает сноха. Написано примерно так: «В связи с тем, что муж заявительницы умер во время прохождения службы в трудовом отряде, а она сама по состоянию здоровья часто находится в больнице и ей не на кого оставить ребенка в возрасте до пяти лет, просим демобилизовать гражданку Кригер Эмму Яковлевну и направить ее по месту проживания в деревню Баклуши Доволенского района Новосибирской области».

«Дядя Давид умер!» — ужаснулась Мария.

Тетя Эмма об этом не знала. За последние три года она не получила ни одного письма из дому. Скорее всего, и дедушки давно нет... Действительно, бестолковая жена у дяди Давида!

Вечером собирали тетю Эмму в дорогу. Радости не было.

— Лучше бы я всю жизнь оставалась здесь! Лучше бы я умерла, а не мой сын...

Ну что ей сказать, чем утешить?

Утром попрощались. Мария поцеловала тетю Эмму в мокрые соленые щеки:

— Может, к нашим попадете. Привет передайте...

(Господи, какая глупость! Какой привет...)

— Передам, Мария.

— Счастливо вам доехать.

— Тебе счастливо... И поскорей домой вернуться.

Мария пошла на работу, а тетя Эмма осталась. Ей велено было подойти в десять часов к правлению колхоза имени Чапаева, откуда уходят бензовозы в Пошехонье-Володарск. Там она сядет на пароход до Ярославля, а дальше поездом... Как тетя Эмма выдержит такую дорогу? Ведь она уже немолода, и здоровье у нее ненадежное.

Тоска сжала сердце Марии. Один был родной человек рядом, и тот уехал...

Снова зима

Вечером еще шумел дождь, а утром вышли — снегу по щиколотку. Марии вспомнилось, как наступила зима сорок второго и как она увидела первый снег из окна тюрьмы. Невероятно: прошло всего три года! А кажется, целая жизнь...

Пока шли полем к лесу, взрывая пимами пушистый снег, встало тусклое красное солнце. Поле стало розовым и заискрилось. И лес впереди засверкал, зарделся навстречу солнечным лучам. Осинка, которую они не стали пилить из-за ее малости, стояла посреди поля, похожая на нахотлившегося снегиря. А на их лесосеке уже кто-то наследил... Нет, слава богу, не те, о ком они подумали. Зайчишка напетлял.

Расчистили снег — и за работу. Запели пилы, вгрызаясь в бока девяти сосен. Повалятся эти сосны в ближайшие полчаса мертвыми, осыпав лесорубов снегом. Снимут с них хвойные наряды, разрежут стволы на части, и отправятся они неизвестными путями под колеса поездов, на срубы колодцев, на доски сараев.

— Володя, — говорит Эрна, — ты не знаешь, где я могу купить немного известки — побелить печку Валентину Ивановичу?

— Попробую у Дробикова раздобыть. Не обещаю, но постараюсь.

С того дня, когда Эрна первый раз помыла у Коршиковых пол, она стала ходить к ним все чаще и чаще, а однажды подруги не дождались ее вечером.

— У тети Нюры был сердечный приступ, — объяснила она на следующий день. — Валентин Иванович попросил остаться: лекарство подать, воды... Он бы один не справился.

И вот она уже несколько дней живет у Коршиковых и больше ничего не объясняет, да никто этого и не требует. Если люди так хотят, зачем лезть?

— Володя, ты не против, если я задержусь на часок с обеда? — опять спрашивает Эрна, после того как они с Володей повалили вторую сосну. — Мне надо забежать в школу, поговорить с директором насчет работы для Валентина Ивановича.

— Ты хочешь устроить его на работу? А он как к этому относится?

— Не я его хочу устроить, а он сам хочет работать. Говорит, как Андрей Болконский: «Нет, не кончена жизнь в тридцать лет!»

— А справится?

— Я буду ему помогать. Утром отведу, после уроков встречу. Вместе проверим тетради. Он будет жить как нормальный человек.

— Эрна, ты молодец! В этом я тебе всем, чем смогу, подсоблю. Хороший он человек — Валентин Иванович.

— Спасибо, Володя! Да и я неплохой. Может, вместе и проживем свои жизни счастливо.

Володя добыл у Дробикова разрешение на килограмм известки и отдал Эрне требование. После работы Эрна попросила Марию помочь, и девушки отправились на склад. Кладовщик только-только навесил

на дверь огромный амбарный замок и не собирался его снимать. Но Эрна так на него прикрикнула (откуда только взялся командирский голос!), что он изумленно уставился на нее.

— Чего глазами хлопаешь? Открывай!

Кладовщик еще больше удивился, сказал:

— Хорошо, хорошо, ты только не ругайся! — Снял замок, засветил «летучую мышь» и пошел по проходу, бормоча под нос: — Где это, бишь, у меня известка стоит?

Наконец нашел и насыпал в принесенную девушками жестяную банку.

— Тут нет килограмма, — сказала Эрна.

Кладовщик опять поморгал глазами, пошуровал совком и насыпал еще:

— Теперь есть?

— Теперь, пожалуй, есть, — согласилась Эрна. — Да не трясись ты над каждым граммом! Это наша известка. Мы такую в Жигулях тоннами добывали, вот с ней, — она кивнула на Марию.

Едва переступили порог коршиковского дома, раздался голос Валентина Ивановича:

— Эрна? Ты не одна?

— Я с Марией. Сейчас мы печь побелим и затопим. Как тетя Нюра?

— Вроде лучше. Спит. А что насчет работы?

— Договорилась. После каникул можно выходить.

— Прекрасно! Знаешь, что я подумал? Может, и тебе устроиться в школу?

— А как же трудармия? Меня ведь не отпустят.

— А вот это предоставь мне.

Эрна подошла к нему и поцеловала в губы. Он улыбнулся:

— Ну вот и хорошо.

С новой четверти Валентин Иванович стал работать в школе. Эрна окончательно переселилась к нему.

Жизнь у них пошла такая, как и планировала Эрна. Утром она отправлялась с ним в школу, а вернувшись, успевала присоединиться к трудармейцам. Во втором часу, после пятого урока, приводила Валентина Ивановича домой и опять убегала на работу.

В начале декабря они расписались в сельсовете.

Под Новый год опять расшалились волки. В этом году они вели себя даже наглее, чем в прошлом. Может, оттого что их, как и людей, сильнее мучил голод.

Однажды трудармейки выскочили на улицу на крик Элочки. Было воскресенье, выходной, и время самое светлое — над лесом еще висело низкое солнце. Элочка вышла погулять вокруг церкви. Ирма, услышав ее крик, соскочила с нар, еще не придя в себя после дневного сна, выбежала за дверь в одном платье и схватила сестру в охапку, закрывая от неведомой опасности.

— Элла, Элочка, что случилось?

А та с круглыми от ужаса глазами указывала пальцем на снег. Пригляделись — в трех шагах от входа волчьи следы. Непонятно только, свежие или незамеченные ночные.

На работу Володя провожал трудармеек с заряженным ружьем и оставался с ними, пока не рассветет.

А после Нового года умерла тетя Нюра. Трудармейки чувствовали себя немного родственницами Коршиковым, поэтому помогали, как могли, проводить ее в последний путь.

Мороз в тот день был жуткий. Впрочем, может, это им так казалось от недоедания и тяжелой работы. В лес не пошли: копали могилу. Земля под ударами ломов крошилась нехотя. Еле закончили к середине дня. Лидия Андреевна и Гермина Шмидт помогали Эрне готовить поминальный ужин.

Гроб на кладбище везли на санях. Валентин Иванович сидел, положив на него руку, словно обнимал его. Рядом примостилась Эрна. Мишка Бухаров вел лошадь под уздцы. За санями следовала толпа камчатцев. Тетю Нюру все знали и любили. А Валентина Ивановича, хотя он уехал из Камчатки еще до войны, уважали как ее сына и как учителя.

На кладбище выступили директор школы и председатель сельсовета. Сказали много добрых слов о покойнице и обещали Валентину Ивановичу помощь и поддержку.

Поминать заходили в дом по очереди, тремя партиями. Валенки с намерзшим снегом скрипели на половицах. Первыми вошли Мария, Ольга, Эмилия, сестры Шульдайс и Алиса Франк: они копали могилу. С ними Аня Черкасова с мужем, Нинка Юрина, тоже с мужем, и Мишка Бухаров. Эрна и Лидия Андреевна налили им по полстакана водки, накрыли угощение.

— Хороший человек была тетя Нюра. Земля ей пухом, — сказал Андрей, Анин муж.

Мария не хотела пить, но отказаться было неудобно, и она выпила все, что налили. Вскоре в голове зашумело, внутри разлилось приятное тепло. Закусывали тем, что принесли камчатцы да купили учителя на собранные деньги.

Подошла Аня:

— Мария, познакомься, это мой Андрей.

— Анечка, я так рада за вас!

— А о твоём брате что-нибудь слышно?

— Пока нет...

— Правильно: именно «пока». Он придет! Когда это случится, вспомни меня. Михаил Иванович, а ты что не пьешь?

— Ань, я ещё несовершеннолетний, — засопел в ответ Мишка Бухаров. — Мамка заругается.

— Сегодня можно, Михаил Иванович. Намерзся небось?

— Ага. Целый день на морозе.

— Ну и выпей, согрейся. На вот, закуси хлебом с огурчиком. Ах ты, мой хороший!

Ни Аня, ни Мария не могли даже подумать, что они видят Мишку в последний раз.

На следующий день Володя, как обычно, пришел к вечеру помочь штабелевать лес и проводить своих подопечных домой.

— Вы слышали? Мишка Бухаров погиб.

— Как?! — закричала Мария, не в силах сдержать ужас, рвущийся из самого сердца.

— Сегодня утром вез молоко с фермы на приемный пункт. Волки его догнали между Камчаткой и Обновленским. Разорвали вместе с лошастью. Остались только обглоданные кости да кровавые лохмотья.

Эх, Мишка, Мишка! Так ты и не стал Михаилом Ивановичем.

Милый, добрый мальчишка... Какой ужас он должен был испытать в свои последние мгновения!

— Маша-а-а! — встретила Марию Аня у ворот своего дома. — Мишка-то на-а-аш!..

Они обнялись и по-бабьи оплакали бедного Мишку.

Берегись!

Морозное зимнее утро. Луны нет, а до рассвета еще больше часа. Трудармейцы идут на работу. Под валенками скрипит снег. А что рядом с протоптанной дорогой — не видать, да и не хочется видеть. Страшная там картина: весь снежный холст разрисован отпечатками волчьих лап.

Кажется, и звезд на небе сегодня меньше обычного...

— Слышите? — тревожно спрашивает Эллочка.

Останавливаются как по команде и прислушиваются.

— Тебе показалось, — тихо говорит Ирма.

— Нет-нет, вот сейчас... Слышите?

«У-у-у!» — то ли снится, то ли мнится: где-то далеко-далеко воеет волк.

— Товарищи трудармейцы! — говорит Володя. — Нас много. Волки на большие группы людей не нападают. Только на одиночек, и то не всегда. Я раз мальчишкой ходил в Ермаково. Тоже стояла зима и нечего было кушать. Приходилось побираться. Иду, смотрю: на дороге сидит волк. А я один! Струсил еще сильнее, чем вы сейчас. Что делать? Назад бежать бесполезно. Он, серый гад, лошадей догоняет, не то что людей. Плюнул: будь что будет! Пошел прямо на волка. Он сидит и не уходит. Иду, делаю вид, что не замечаю. Прошел прямо у него перед носом — он и не шевельнулся... Всякое бывает. Главное — не показывать, что боишься.

А как не бояться, когда только что Мишку Бухарова похоронили?

И вдруг рядом, чуть сзади, громко: «У-у-у!»

Шарахнулись, сбились в кучу, попятнулись.

— Володя-а-а! — закричали, будто из одной груди вырвалось.

Ну а кто еще защитит?

Володя сорвал с плеча ружье — и ба-бах в темноту на вой! Гул полетел к звездам.

— Товарищи трудармейцы! Не бойтесь! Мы на фронте танков не боялись, а тут всего лишь волки!

Ох, Володя, плохое это утешение! Где танки, а волки — вот они! Кажется, за дорогой горят их глаза, вспыхивают жестокими желтыми огоньками, чертят темноту.

— Сейчас придем на делянку, разведем костер — не сунутся, — уверяет Володя.

— *Lieber Gott, lieber Gott, behüt mich und bewahr!*¹¹ — молится Доротея Шварц.

Пошли дальше. Трясет не столько от холода, сколько от страха. Но воя больше не слышно. И небо чуть-чуть посветлело там, где горит Венера. Скорей бы рассвет!

Пришли на делянку. Быстро стаскали в кучу ветки, оставшиеся со вчерашнего дня. Эллочка чиркает спичкой — не зажглась. Вторая... Тоже потухла.

— Эх ты, костровая! — засмеялся Володя. — Дай-ка я.

Чиркнул спичкой. Засветилась, подошла кусок бересты. Наконец по веткам побежал огонь, затрепал, разогнал темноту.

— Всё! Теперь не подойдут, — говорит Володя.

— Ой, опять воют! — пугается Эллочка.

— Пусть воют. Уже не страшно. Зверь никогда на огонь не пойдет — это у него природный страх. Расчищайте снег. Начнем пилить — сразу забудем про волков.

Эмилия, Мария и Ольга хватают лопаты. Снег отлетает от стволов могучих деревьев.

— Володя, а это правда? — спрашивает Мария.

— Что правда?

— Что волки боятся огня? Может, они раньше боялись, а сейчас уже не боятся...

— Хочешь сказать, образованными стали? Волчи университеты прошли? Успокойтесь, товарищи трудармейцы! Волки, как и прежде, боятся огня, я готов подписаться!

Володя спилил с Эмилией первое дерево и ушел, забрав ружье. У него свои бригадирские заботы: заявки, отчеты... Работа пошла дальше. Усыпляюще поют пилы. Треск, шум падающего дерева. Столб инея.

Костровые тащат пушистые ветки к кострам.

Опять заныли пилы.

— Берегись! — кричат пыльщики, но никто уже не смотрит на падающее дерево, каждый занят своей работой и своими думами.

Крики пыльщиков становятся все тише, все ленивей, потом деревья падают просто так — без всякого крика.

Нет, Ольга с Марией валят очередную сосну, и дисциплинированная Мария кричит:

— Береги-и-ись!

¹¹ Господи, господа, защиты и сохрани!

Изо рта летит морозный пар.

— У нас дома была собачка Муффи, — начинает Ольга, отдышавшись. — Хорошая собачка. Отец ее очень любил. Подойдет она к нему, в глаза смотрит и ворчит или повизгивает, будто хочет что-то сказать. Отец ее спрашивает: «Muffi, was knurrst du?»¹² И она ему что-то отвечает. Долго могли так беседовать. Смешно было на них смотреть... Вот однажды зимой — было так же холодно, как сейчас, — ранним вечером, можно сказать среди бела дня, заскочили во двор два волка, вытащили бедного Муффи из-под крыльца, взяли с двух сторон за уши и увели...

Слева от них затрещало дерево — там работают Ирма с Эмилией. Они не кричат «Берегись!», да и зачем зря тратить силы на крик: их и так нет. Сосна пошла вниз, заискрилась на солнце розовая снежная пыль, все быстрее несется дерево к земле... На костер. А там Эллочка!

— А-а-а! — раздается отчаянный крик Ирмы. — А-а-а! Элла-а-а!

Все разом бросают работу и в бессильном ужасе смотрят на то, что сейчас неизбежно случится. И на всем белом свете одна только Эллочка ничего не видит и не чувствует. Нагнулась, подбирая ветки вокруг костра, повернулась к лесу спиной. Распрямляется, удивленно оборачивается на крики. И в тот же миг дерево обрушивается ей на голову и накрывает темной хвоей...

Да нет же! Не может быть... Ну неправда же это!

Бросились к упавшему дереву еще с надеждой. Может, случилось чудо — раздвинутся ветки, зашевелится под ними Эллочка, встанет испуганная, но живая...

Подбежали. Схватили сосну за ветки, как за волосы. Ужас придал силы — приподняли, оттащили. И сразу увидели, что чуда не случилось.

Лицо Элочки залито темной кровью. И шаль вся мокрая от крови. А под ней такое, что не в силах воспринять человеческий разум, не может вынести женская психика.

Что тут началось, невозможно описать. Рев, вой, стон, визг, крики, рыдания...

Ирма упала рядом с сестрой на колени:

— Элла! Эллочка... Элла... — все тише по мере того, как она осознавала непоправимость того, что только что произошло. — Элла-а-а! — закричала вдруг дико, страшно, переходя на визг, трясясь всем телом, выкатив на мертвую сестру глаза, полные невыносимого отчаяния. Потом вскочила и зачем-то стала срывать с себя одежду. Бросила на снег шаль, пальто. — Господи-и-и! Да как же ты допустил такое! Да как же я такое допустила-а-а!

Первой опомнилась Ольга:

— Мария, Аля, Эмилия, держите ее...

— Пустите меня, пустите! Я хочу умереть! Не могу, не могу с этим жить... Убейте меня кто-нибудь! Дайте мне себя убить...

Ольга обхватила ее руками, стиснула в объятиях:

¹² Муффи, что ты ворчишь?

— Ирма, Ирма! У тебя дома мама. Надо все это перетерпеть... Ты должна жить ради мамы! А потом у тебя будут свои дети. Жизнь не кончена! Тебе и тридцати нет. Все впереди, все впереди...

Ирма обмякла, ушла в себя, перестала воспринимать окружающее. Глаза ее были открыты, но ничего не видели. Мария с Алей надели на нее пальто, повязали шаль. Ольга и другие трудармейки соорудили из жердей носилки, настелили на них нарубленные ветки. Эллочку уложили и понесли. Мария, Эрна и Аля вели под руки бесчувственную Ирму. Никто уже не обращал внимания на волчьи следы, которых, действительно, было много по обе стороны дороги. И безучастно смотрело на эту скорбную процессию ослепительное зимнее солнце.

Володя, узнав о несчастье от камчатцев, которые видели, как нес-ли Эллочку, выхлопотал у Иосифа Францевича разрешение сделать гроб и сам привез его в церковь на розвальнях.

Эллочку обмыли, надели на нее праздничную белую кофточку и черную юбку, в которых она встретила день Победы. Гроб никак не вязался с ее наивным детским личиком.

Ирма не отходила от сестры. Она смотрела на нее не отрываясь и то мерно раскачивалась, то замирала. Так и просидела рядом с покойницей всю ночь.

Подходила Лидия Андреевна:

— Поплачь, Ирма, легче будет...

Доротей Шварц:

— Молись, молись, девочка!

Ирма смотрела на них и ничего не отвечала. Казалось, даже не узнавала.

Утром пришел Володя:

— Иосиф Францевич приказал выходить на работу. А на похороны, говорит, пусть останутся человек пять...

Пришлось подчиниться. Кроме Ирмы хоронить Эллочку остались Ольга, Эмилия, Мария, Лидия Андреевна и Доротей Шварц. Когда гроб опустили в вырытую могилу, Ирма упала без чувств на горку мерзлой земли, которой потом навсегда укрыли Эллочку...

Вечером, когда трудармейки вернулись с работы, пришли Эрна, Валентин Иванович, Аня с Андреем и помянули Эллочку несколькими глотками водки.

Ирма этого не видела. Она очнулась только через сутки — и ее никто не узнал. Вместо прекрасных каштановых волос лохматились совершенно седые пряди, лицо осунулось, а глаза страшно ввалились и казались совершенно черными. Трудармейки еще долго привыкали к тому, что на свете никогда уже не будет не только Элочки, но и прежней молодой, красивой, доброй Ирмы.

Смотреть на нее было настолько тяжело, что однажды Володя принес собственноручно написанную бумагу:

«Заместителю начальника Пошехонье-Володарского РО НКВД, старшему лейтенанту милиции тов. Смирнову от гражданки Шульдайс

Ирмы Федоровны, родившейся в 1916 году, работающей в Пошехонье-Володарском мехлесопункте и проживающей в селе Камчатка, заявление. Прошу Вас выдать мне пропуск для поездки домой в НСО, Чулымский район, село Базово, колхоз имени Куйбышева в отпуск, т. к. моя мать сильно заболела, находится совсем одна без всякой помощи и нуждается в уходе с моей стороны. Прошу не отказать в моей просьбе. Проситель — Шульдайс И. Ф. 13/III-46 г.».

Ирма безучастно поставила свою подпись, и Володя отправил заявление товарищу Смирнову. Ответ пришел такой же, как летом Эмили: «Для удовлетворения вашей просьбы не имеется никаких оснований».

Впрочем, может, и к лучшему. Мария сильно сомневалась, что в таком состоянии Ирма не сгинула бы где-нибудь по дороге.

Прощай, Рапунцель!

В конце марта наконец-то пришел приказ о демобилизации Эрны. На работу в лесу она больше не выходила. Теперь ничто не держало Коршиковых в Камчатке. Валентин Иванович доработал до конца учебного года, и они уехали в Сибирь.

Провожать их вышло все село. Был теплый июньский вечер, во дворе дома Коршиковых сладко пахло яблоневым цветом и скошенной травой.

Валентин Иванович — высокий, прямой — шел под руку с уже заметно беременной Эрной, постукивая перед собой тросточкой. Любопытная голопупая малышня сопровождала процессию, забегала вперед и заглядывала в покрытое рубцами лицо слепого. По сторонам и чуть сзади следовала толпа провожающих. Это были учителя, соседи, ученики Валентина Ивановича, которые успели его искренне полюбить, и просто камчатцы, знавшие его еще до войны. Трудармейки как-то незаметно оказались в самых последних рядах.

У правления колхоза стояло два трехосных лесовоза-«студебеккера», груженных корабельными соснами. Стали прощаться. Эрна расцеловалась со всеми подругами. Наконец поцеловала и Володю.

— Спасибо тебе, Эрна Яковлевна, за Валентина Ивановича!

— И тебе спасибо, Володя! Ты так много для нас сделал! Ты был нашим ангелом-хранителем. Береги девчонок! Недолго уже осталось...

Эрна усадила Валентина Ивановича в головной лесовоз и проверила, удобно ли ему. Когда она сама забиралась во второй «студебеккер» и с подножки в последний раз помахала подругам рукой, ее лицо сияло неподдельным счастьем. Так выздоровевший ребенок, которого после долгой разлуки забирают из больницы родители, машет остающимся товарищам, а те столпились у окна палаты и с горькой завистью смотрят на него. Разные чувства были написаны на лицах трудармеек. И страшно выделялось среди всех мертвое лицо Ирмы, обрамленное растрепанными седыми космами.

Зарычали моторы, и «студебеккеры», качая длинные стволы на роспусках, двинулись вслед вечернему солнцу, унося еще одного близкого человека...

Через три дня Володя Поляков с Иосифом Францевичем Дробиковым и еще несколькими бригадирами уехал на совещание в Пошехонье-Володарск.

— Ну, вы тут, товарищи трудармейцы, без меня не скучайте! После завтра приеду. Что делать, вы знаете. Колхозу напилите заготовки на колодезный сруб. Ну, пока!

— Володя! — окликнула его Эмилия.

— Что?

— Володя... Купи мне что-нибудь в Пошехонье-Володарске.

— А что тебе купить?

— Ну, что-нибудь. Хоть платок какой...

— Одноцветный или пестренький?

— Какой тебе понравится. Возьми вот тридцать рублей.

— Хорошо. Постараюсь.

— Володечка... А можно тебя поцеловать?

— А вот это лишнее. Ну, давайте, счастливо вам оставаться!

— Счастливого пути, Володечка! — сказала уже вслед ему Эмилия.

Стоял жаркий летний день. Непроходимый лес, как назвал его Володя еще при их первой встрече в Жигулях, был уже отброшен далеко от Камчатки, и на работу женщины добирались почти час. Инвентарь везли на подводе: теперь у них была даже лошадь с телегой.

— Kind, hab doch Verstand!¹³ — сказала Мильке Доротея Шварц, когда грузились на подводу у конторки.

— Mütterchen, s' sind nicht ihre Sache!¹⁴, — ответила Эмилия.

На обед не ходили, а брали еду с собой: хлеб, зеленый лук, иногда какую-нибудь круто сваренную холодную кашу. Горячее варили только на ужин. По-прежнему было голодно. Деликатесом казались щи из крапивы, женщины собирали ее где только могли. В сельпо купить нечего, а по карточкам — не много получишь. Шестьсот граммов хлеба давали через день, на другой день — четыреста. Но трудармейки учили свои прошлогодние ошибки и на всякий случай посадили огород: лук, чуть-чуть морковки... Выпросили у селян рассаду капусты. Картошку сажали глазками на крохотных кусочках клубней. Приносили все это и соседи, и достаточно далеко живущие камчатцы. Даже тетя Франя дала полведра картофельных глазков. Слава богу, все вошло. Придя с работы, трудармейки отправлялись поливать свой огород, пока Доротея Шварц и Гермина Шмидт кашеварили.

Ждали ягод и грибов. А пока постоянно хотелось есть.

Наконец добрались до леса. Лидия Андреевна распрягла лошадь: пусть пасется до вечера.

Спилили несколько деревьев для сруба колодца, как просил Володя, — не толстых, но и не слишком тонких. Обрубили ветки, ошкурили стволы. Присели отдохнуть.

— Послушай, Рапунцель, — сказала Ольга, — давно хотела тебе сказать. Возьми же наконец себя в руки! Чего ты добиваешься? У него

¹³ Деточка, ну будь же разумной!

¹⁴ Бабуся, это не ваше дело.

жена, двое детей... Он никогда не бросит их ради тебя. Неужели ты этого не понимаешь?

— А я его люблю!

— Рапунцель, одумайся! Мы не сегодня завтра уедем!

— А я не уеду. Я здесь останусь! Я не могу больше терпеть. Будь что будет. Приедет — я ему все скажу. Пусть делает со мной что хочет!

— Милечка! Ну что же ты такая наивная! Он скажет: «У меня жена, дети...» Или отрежет, как сегодня: «Это лишнее!» — и все.

— А я скажу: «Ну и что, что жена и дети. А ты подари мне всего один день. Даже один час. Один-единственный коротенький часок! И ничего мне от тебя больше не надо».

— Fui, fui, schäm dich Mäd! Das is Schande nicht nur zu sprechen, sogar zu hören!¹⁵ — сказала Доротея.

Эмилия не ответила. Она сидела прижавшись спиной к стволу сосны и смотрела вдаль невидящим взглядом. И столько муки было в нем!

Отдохнули, поднялись. Теперь надо было разметить стволы и нарезать заготовки для сруба.

Эмилия пилила с Ольгой. На ее лице было все то же выражение нестерпимого горя. Бревно лежало на козлах. Уже сделали ровный надрез, пила углубилась в древесину и размеренно запела, как у опытных лесорубов. Эмилия уперлась левой рукой в бревно. И вдруг пила взвизгнула, наткнувшись на сучок, выскочила из пропила и чиркнула ей по руке чуть выше запястья.

Эмилия вскрикнула. Из-под ее пальцев, зажимающих рану, на траву закапала кровь.

Сразу подбежала Ольга, потом другие трудармейки.

— Ничего, не очень глубоко! Только опилки в рану попали. Промыть бы... Но чем?

— Вода же есть в бутылках!

— Давай! Милька, успокойся. Промоем, перевяжем...

Ольга вылила на рану целую бутылку.

— Йоду бы!

Но нет ни йода, ни бинта.

— И перевязать-то нечем... Есть что-нибудь чистое?

Перевязали Милькиным же платком.

— Посиди, сейчас кровь остановится, — успокаивала Ольга.

Эмилия села под дерево. Заплакала. Вокруг роились мухи, сиделись на окровавленный платок, на руки.

Вскоре кровь перестала течь.

— Ничего-ничего, Рапунцель ты наша дорогая! — расчувствовалась Ольга, обнимая Мильку. — Все будет хорошо. Сосуды не задеты, сухожилия тоже. А кровопускания даже полезны.

Эмилия успокоилась, походила по лесу. Пообедала вместе со всеми.

— Посмотрите, что я нашла! — подошла Аля Франк. — Земляника поспела.

¹⁵ Фуй, фуй, стыдись, девочка! Срам не то что говорить, но даже слушать!

- Теперь живем! — обрадовалась Ольга.
- Покушай, Милечка, — сказала Аля, протягивая землянику.
- Почему мне-то?
- Ешь-ешь. Я сейчас еще нарву.

После обеда Эмилия даже распилела с Ольгой несколько бревнышек. Пошли домой. Эмилии предложили сесть на телегу.

- Что вы! Я же не инвалидка, сама дойду.
- Мария зашла к Ане. Попросила бинт и йод.
- Йода нет, вот немного спирта.

Ольга и Аля Франк, учившаяся перед войной в медучилище, развязали платок. Рука вокруг раны опухла, стала багрового цвета.

Вечером Эмилия пожаловалась на сильную боль:

- Будто разрывает руку, стучит внутри... И голова болит...

Посмотрели. Опухоль и багровость разлились дальше и уже вылезли из-под бинта.

Эмилия испугалась:

- Что это? Мне страшно! Ой, никогда со мной такого не было!

Легли спать. А среди ночи Мария проснулась от громкого Милиного шепота:

- Мария! Мария, мне так плохо!

— Ты звала, Эмилия? — Мария подсела к ней на нары: — Да ты вся горишь! У тебя температура!

- А мне, наоборот, холодно.

Действительно, Эмилию сотрясала крупная дрожь.

Проснулась Ольга, включили свет.

Милены глаза лихорадочно блестели.

- Ой, девочки, что-то мне нехорошо... Мне кажется, я умру.

- Ну что ты, Эмилия!

Развязали бинт. Он был пропитан гноем. Аля разбавила водой остатки спирта, промыла рану.

— А Володя только завтра приедет, — сказала Эмилия. — Был бы он здесь, отвез бы меня в больницу.

— Мы тебя и сами отвезем, — сказала Ольга. — Утром Мария сбегает за фельдшером.

Через час на всем Милином теле выступил крупный пот. Она побледнела, обмякла и, обессиленная, уснула.

Еле дождавшись утра, Мария бросилась к местному фельдшеру Сергею Антоновичу.

— Порезалась пилой? В лесу? Антисептиков, понятно, никаких. Обильное потоотделение было?

- Было.

- Гм, плохо, очень плохо... Ну пойдем, посмотрю вашу больную.

Осмотрев и перевязав рану, Сергей Антонович вышел, кивком позвав за собой Ольгу, в которой сразу признал старшую. Следом вышли Мария и Аля Франк.

— Вот что, девушки, у нее заражение крови, и я ничем не могу помочь. Сегодня к вечеру, самое позднее ночью, она умрет.

Это было чудовищно, невероятно. Миля, Милечка, их золотокошая Рапунцель умирает, и нет никакой надежды! Миля, еще вчера так страстно хотевшая жить и мечтавшая о счастье! Да как же такое может быть?

— Нужно отвезти ее в больницу...

— Это бесполезно. От сепсиса еще никого не спасли. Она умрет по дороге. Давайте ей что-нибудь успокоительное — для надежды. Хоть вот эту валерьянку.

— Что он сказал? — спросила Миля, когда они вернулись.

— Сказал, что скоро поправишься, — ответила Ольга. — Вот капелек дал. Говорит, очень помогают.

— Ах, хорошо бы!

Оставили с больной Лидию Андреевну и Алису Франк, а сами пошли на работу. Мария проплакала весь день. Плакали почти все. И никакая работа не могла отвлечь от душераздирающих дум. Даже Ирма, казалось навеки разучившаяся чувствовать, разрыдалась неожиданно для всех.

Когда пришли с работы, Миля была еще жива. Казалось даже, что ей лучше.

— Спит, — шепотом сказала Аля, приложив к губам указательный палец.

— Сильно мучилась, — так же шепотом добавила Лидия Андреевна. — Все мать звала: «Мама, мама!» Так жалостно — все сердце мне изорвала... Только недавно заснула.

Сели ужинать, но съесть ничего не успели. Послышался стон. Кинулись в соседнюю комнату. Эмилия пыталась приподняться на нарах. Взгляд ее был мутным, незнакомым. Ирма бросилась на колени, чтобы поддержать ей голову.

— Как мне плохо! Разве может быть так плохо? Господи, меня сейчас вырвет...

Ирма вскочила, быстро поднесла ей ведро.

— Боже мой, почему такое черное? Разве я ела что-то черное? Это земля, что ли? Откуда во мне столько земли?

— Девочки, — шепотом сказала Ольга, отведя Марию и Алю в сторону, — посмотрите на ее руки.

Не только руки, но и все тело Эмилии было покрыто свинцово-черными пятнами.

За час до смерти она впала в беспамятство и стала бредить. Звала то мать, то бабушку, то Йешку.

— Мамочка, где же ты? Мама... Йешка, Йешка, посмотри, какую бабочку я поймала! Ты таких никогда не видел... Ach, Modr, Modr, warum brent mei Hand sou?.. Vadr, kommt doch her, schunglt mich ein bischen... Ach, alles ist verloren...¹⁶ — это были ее последние слова.

Володю в бреду она не назвала ни разу.

На закате Миля умерла. Тело ее вытянулось, нос заострился. Кожа побелела, свинцовые пятна поблекли и исчезли. Последние лучи июньского солнца заглянули в открытые двери, словно хотели проститься.

¹⁶ Бабушка, бабушка, почему так горит рука?... Дедушка, подойдите же, покачайте меня... Ах, все пропало...

Женщины обмыли тело. Ольга расчесала и заплела в косу чудесные волосы Эмилии. Кто-то громко и безутешно плакал. Это была Ирма.

Наутро пришел Володя. Женщины бродили вокруг церкви, не зная, что делать.

— Товарищи трудармейцы! — бодро сказал Володя. — Вы что, не собираетесь на работу? Мария, ты плачешь? Что случилось?

— Миля умерла, — еле выговорила Мария и зарыдала в голос.

— Ты что! Что ты такое говоришь?!

Володя бросился в церковь.

Перед бывшим амвоном стояли четыре табуретки, а на них лежали две широкие доски, застеленные трудармейскими одеялами. На них покоилась Эмилия со сложенными на груди руками, укрытая ниже пояса простыней. На левой руке чернела совсем небольшая рана, и не укладывалось в голове, что это от нее Миля умерла за какие-нибудь полтора дня.

В изголовье стояла Ирма, вытирая платком заплаканное лицо. Ольга обнимала ее за плечи и что-то шептала ей на ухо.

Увидев Володю, Ольга подошла к нему:

— Володя, ты сможешь нам достать гроб?

— Конечно, помогу... Но как же это случилось?

— Да вот так. Она все тебя ждала, чтобы ты ее в больницу отвез.

— А я ей вот платочек купил... Синенький...

— Она бы обрадовалась. Володя, можно мы сегодня не пойдем на работу? И завтра. Мы в выходные отработаем.

— Да какая уж вам работа... Пойду похлопочу насчет похорон.

После обеда выкопали могилу. Копалось легко: летняя камчатская земля не сопротивлялась.

Утром Володя привез гроб. Женщины устроили в нем Эмилию, расправили рядом с ней ее чудесную косу. Ольга положила и синий платочек, купленный Володей.

На кладбище гроб с Милей несли на руках, ведь было недалеко.

Сняли крышку для последнего прощания. Мария подошла последней, поцеловала покойницу в лоб. Лившиеся из глаз слезы не могли облегчить боли, разрывающей изнутри. Володя, прощавшийся последним, взял Милю за руку и сказал:

— Прощай, милая Рапунцель...

И Эмилия навеки осталась на заросшем буйной травой камчатском кладбище.

Ну вот и всё...

Мучительно медленно тянулся тысяча девятьсот сорок шестой год. Миновало лето, прошли первые осенние дожди, поздняя осень сорвала с деревьев золотые наряды. Выпал и растаял первый снег...

Приказа о демобилизации трудармии не было.

— Что же нас — в пожизненное рабство отдали? — сказала как-то Ольга.

— Хоть бы знать, когда отпустят! Легче было бы ждать, — согласилась Алиса Франк.

— Ну что, Володя, ничего не слышно? — таким вопросом они начинали каждое рабочее утро.

— Нет, товарищи трудармейцы. Но, думаю, скоро...

— Когда же «скоро», Володя?

— Скоро, скоро. Потерпите еще немного. В Рыбинске уже отпустили целый отряд — пятьсот человек. Скоро и до вас очередь дойдет.

Но дни шли за днями, а очередь все не доходила.

Пришла весточка «с воли», как выразилась Ольга, от Эрны Коршиковой: «Здравствуйте, дорогие женщины и девушки! Получила ваше письмо. Горько плакала, узнав о смерти Эмилии. Невозможно в это поверить. Держитесь, осталось недолго. Сюда, в Искитим, уже вернулись несколько трудармейцев. Попробуйте написать своим родным, чтобы вызвали вас через комендатуру. Мы с Валентином Ивановичем работаем в восьмилетке. Я преподаю в первом классе, а Валентин Иванович — историю в средних классах. Десятого августа у нас родилась дочь. Мы очень счастливы. Живем с моими родителями, которые во всем нам помогают».

В тот же день получила письмо и Ирма Шульдайс. Что в нем было, никто, конечно, не знал.

Смерть Эмилии как будто разбудила Ирму. Нет, она не стала более разговорчивой, но ее глаза ожили. Она смотрела на всех с сочувствием и хоть редко, но вставляла слово, всегда осмысленно и к месту. Однажды Ольга даже сказала Марии:

— Кошунственно звучит, но, кажется, Рапунцель спасла Ирму своей смертью. Будто какая-то скорлупа вокруг Ирмы разбилась, и она вернулась в эту жизнь.

— Не знаю, Оля. Все равно ей очень больно.

В последний день октября небо было затянуто плотными темными тучами. Несколько раз принимался падать снег. Вечером горизонт на западе очистился и запыхал желто-красным огнем заката. Но над Камчаткой тучи еще больше сгустились и стали совершенно черными.

— Смотрите, смотрите! — сказала Ольга. — Пылающее небо и погружающаяся во тьму земля. Я такого никогда не видела.

— Правда! Что-то необыкновенное! — согласилась Мария.

— Gottes Zeichen¹⁷, — пробормотала Доротея Шварц.

Зрелище, действительно, было завораживающее. Но длилось оно недолго. Когда вошли в село, тьма была уже не так густа и не так ярко пылало небо. А вскоре оно и вовсе потухло.

Дневальная Гермина Шмидт сварила картошку с их собственного огорода и выставила попробовать квашеную капусту, которую они тоже сами засолили в купленной в сельпо деревянной кадлушке.

Капуста была замечательная — и не упомянут, когда такую ели.

¹⁷ Божий знак.

— А Ирма-то где? — вдруг встревожилась Ольга.

— Ирма? Здесь, наверно, где ей еще быть? — ответила Алиса Франк.

— Да нету!

— И правда, нет... Может, на улице?

Вышли наружу:

— Ирма-а-а!

Из сумерек никто не отозвался.

— Ирма! Ирмочка! Откликнись!

— Ох, что-то плохое случилось, — сказала Ольга, судорожно сглатывая.

В сердце Марии вползала тошнотворная жуть: «Неужели опять?»

— Ирма-а-а! — закричала она чужим, визгливым голосом.

— И-и-ирма-а-а! И-и-ирма-а-а! — звали трудармейки.

Звуки уносились в уже почти черное небо.

— Да что же это такое?! Кто последний раз видел Ирму?

— Мы шли с ней рядом из леса, — сказала Лидия Андреевна.

— Я тоже ее видела, она была с нами, — вспомнила Мария. — А потом я засмотрелась на небо...

— Ирма-а-а!

— Нет, кричать бесполезно. Надо искать.

— Где? Как? Темно, ничего не видно...

— Все равно, девушки, пойдемте! Ну хотя бы по той дороге, по которой шли сюда, — сказала Ольга.

Лихорадочно оделись. Вышли за село, начали звать.

— Хоть бы след какой! О господи!

Пришли к лесу, но уже стемнело. Походили, покричали.

— Надо идти домой, а то еще кто-нибудь потеряется, — сказала осторожная Аля Франк.

Опять бессонная ночь. Уже никто не сомневался в том, что Ирмы нет в живых, но так не хотелось в это верить...

— Herr Jesus und Maria!¹⁸ Я же говорить, горе нам за то, что живем в церковь! — несколько раз повторила Доротей Шварц.

Дождались рассвета и снова отправились на поиски, не заходя в свою конторку с инвентарем.

Снегу выпало чуть-чуть: землю прикрыл клочками, а в сухой траве вообще не видать. Но холодно.

Опять покричали:

— Ирма-а-а!

С опаской вошли в лес. Мария держалась рядом с Алей, Лидией Андреевной и Доротеей Шварц. Смотрели по сторонам, обходили вокруг каждого дерева.

Ольга одна ушла вперед. Вскоре остальные потеряли ее из виду.

И вдруг страшный крик:

— А-а-а!

¹⁸ Господи Иисусе и Мария!

— Allmächtiger Herrgot!¹⁹ — ужаснулась Доротейя. — Это Ольга кричать. Наверно, находить.

Действительно, к ним бежала Ольга:

— Она здесь! Она... Она повесилась!

У всех пресекалось дыхание. Лица перекошил ужас. На подгибающихся ногах двинулись за Ольгой. Как увидеть, как пережить?..

Ольга сорвала с головы платок и шла, шатаясь из стороны в сторону, а вместе с ней качалась копна ее светлых кудрявых волос.

— Вот...

Ирма с непокрытой головой висела на суку березы, вытянутом в сторону, как рука.

Под ним стояли козлы, на которых обычно распиливали мелкие бревнышки. На рожки была наброшена шаль Ирмы. Видно, перед смертью Ирма ее сняла, чтобы не мешала...

— О-о-ох, как же она хотела умереть! В такую даль козлы затащила! Ну почему, почему я ничего не заметила?! — выла Ольга.

Налетавший порывами ветер чуть раскачивал тело Ирмы и медленно поворачивал то в одну, то в другую сторону. Ее опущенные руки немножко отошли в стороны от туловища, словно больше ему не принадлежали и радовались, что им наконец-то ничего не нужно делать.

Седые волосы окружали голову растрепанными прядями, а на шее их стягивала петля.

— Нож у кого-нибудь есть? Господи, не догадались захватить...

— Я взяла нож, взяла, — сказала Лидия Андреевна.

— Мария, полезай на козлы, режь веревку. Мы подержим Ирму.

Мария взяла протянутый ей нож, встала на козлы, стараясь удержать равновесие, и стала пилить веревку над головой Ирмы. От этого тело повернулось, и мертвое лицо оказалось рядом с лицом Марии. Она вскрикнула и продолжала резать зажмурив глаза. Наконец веревка оборвалась, но женщины, державшие тело снизу, успели принять Ирму на руки.

Ее уложили на холодную траву, посеребренную ноябрьской изморозью. Ольга закрыла ей глаза. Когда Мария снова решилась взглянуть на Ирму, та лежала совсем не страшная, ее лицо было спокойно, и только глубокие черные провалы глазниц напоминали о перенесенных ею муках.

— Тридцать лет ей было! Тридцать лет! — горько сказала Ольга.

С делянки, на которой они вчера работали, принесли две жерди и ветки, кое-как соорудили носилки. Уложили на них Ирму и осторожно, стараясь идти в ногу, понесли, как девять месяцев назад несли ее сестру.

В церкви положили тело на клиросе.

— Ну вот и всё. Отмучилась ты, наша дорогая подруга, — сказала Ольга. — Помнишь, Мария, какой она была в Жигулях?

— Помню, — ответила Мария. — Красивая она была...

— Послушайте, — сказала Лидия Андреевна, — ей же на днях письмо принесли! Может, в нем причина?

¹⁹ Боже всемогущий!

Ольга ощупала пальто Ирмы, вынула из внутреннего кармана сложенный конверт и стала читать:

— «Здравствуйте, наши дорогие дочери Ирма и Элла!..» Господи! — она затряслась. — Они еще даже про Эллочку не знают! «Почти год не получаем от вас писем. Мы очень волнуемся! Я утешаю себя тем, что вас двое и не могли же вы погибнуть обе сразу. У нас уже несколько человек вернулись из трудармии. Наш комендант тоже написал прошение, чтобы вас отпустили, ну хотя бы одну. Прошло уже полгода. Не знаю, почему нет ответа. До свидания. Приезжайте скорее или напишите!»

В это время в церковь вошел Володя. Не увидев за их толпой Ирмы, он сказал:

— Почему не на работе, товарищи трудармейцы? Девять часов. Уже час опоздания!

— Почему мы не на работе? — выступила вперед Ольга. Глаза ее сверкали ненавистью, губы дрожали, по лицу пробегали судороги. — Ты спрашиваешь, почему мы не на работе? Да потому что Ирма повесилась! Потому что еще одну из нас вы угробили!

— Оля, Оля, не надо! Что ты говоришь! — залепетала Мария.

Ольга отстранила ее:

— Ненавижу вас! Ненавижу! И тебя тоже! Добренький, да? Заступничек? Но тебя никогда не было, когда мы погибали! Когда Эльку убило, когда Милька умирала, когда Ирму из петли вынимали — тебя никогда с нами не было! Будь ты проклят! Я для вас шпионила! Молодые девки для вас животы и жилы рвали! А вы нам жрать не давали, гнобили и губили уже после войны! После войны! Они все три после войны погибли! Это ты их убил, слышишь? Ты, ты! И еще спрашиваешь, почему мы не на работе?! Почему не продолжаем рвать жилы?!

Володя был ошеломлен.

— Да я, собственно, не против...

— Даже хоронить друг друга нам не даете! Мы и похороны должны отрабатывать по выходным! Зачем мы оплакиваем нашу подругу, а не пилим шпалы?! Эх ты! — с Ольгой сделалась настоящая истерика.

— Я совсем не за этим пришел... Мария, выйдем на минутку.

— Володя, это она от горя, от горя! — запричитала Мария сквозь слезы. — Она не в себе!

— Я зачем пришел-то... Хотел вас обрадовать. Всё! Отпустили вас. Приказ пришел. С завтрашнего дня вы свободны. Передай своим.

— Володя...

Он махнул рукой и пошел прочь.

Ирму похоронили на следующий день. Разыгралась пурга. Когда гроб опускали в могилу, мимо неслись снежные струи, ветер почти сбивал с ног.

Володи на кладбище не было.

Ольга стояла молча, безучастно смотря на происходящее.

Когда пришли с похорон, она вложила Марии в ладонь вчерашний конверт.

— Напиши, чтобы их не ждали. Я не могу.

Уехали они только через три дня, когда стихла буря.

В конторе мехлесхоза получили расчет и характеристики. Марии написали следующее:

«Характеристика. Рабочая Гейне Мария Ивановна работала в Пошехонье-Володарском МЛП (мехлесопункте) с 27 июня 1944 года по 1 ноября 1946 года в качестве лесоруба. К работе относилась добросовестно, выполняла нормы выработки, со стороны администрации никаких замечаний не имеет. Начальник МЛП Дробиков Иосиф Францевич».

Так же, словно под копирку, были написаны характеристики остальных трудармеек.

Провожать их Володя все же пришел:

— Ну что же, товарищи трудармейцы! Прощайте! Вряд ли когда увидимся. Хотел облегчить вашу службу... Очень хотел...

— Володя, — начала Мария, — ты сделал что мог...

— Не надо. Я теперь сам себе судья... Прощайте.

Он повернулся и ушел, хороший человек, который искренне их жалел, помогал им — и в награду получил упреки, вряд ли им заслуженные.

Подожли две машины, крытые тентом. Женщины стали рассаживаться. Дорога дальняя — пока до Пошехонье-Володарска. Вот уже и Ольга подошла к машине, взялась за борт. Марии выпало садиться последней. Ну что ж, прощайте, наши дорогие девочки: Эллочка, Ирма, Миля... Не суждено было вам дожить, чтобы увидеть сегодняшнее солнышко. Как ярко оно светит!

И вдруг:

— Пойдите! Подождите!

Бегут Аня, Нина Юрина и еще кто-то — против солнца не видать.

— Девочки, подождите! — кричит Аня. — Вот... Тася хочет с вами попрощаться...

Тася неловко переминается. Не знает, как начать.

— Вы уж не держите на меня сердца... Понимаю, обидела я вас, не виноваты вы в смерти моего мальчика. И вы, и мы одинаково горе мыкали. Теперь надо жить дальше и счастливыми быть... Отпустил меня мой Петечка. Приходил ко мне во сне: «Не оплакивай, говорит, меня больше. Роди мне лучше братика, чтобы за меня жил». Я и вышла замуж — за Васю-гармониста. Помните, на дне Победы играл? Новая жизнь теперь у меня. И во мне... Пожелаете мне счастья?

— Конечно, Тасенька! — радостно говорит Мария, порывисто обнимает ее и целует.

Ольга подходит и обнимает молча. Прощается с Аней и Ниной:

— Мы тут три могилки оставляем. Присмотрите?

— Пока живы будем, — тихо отвечает Аня.

— Прощайте! Спасибо вам.

— Прощайте.

Моторы рычат, машины трогаются... Ну вот и все!

Вот и все...

Анна ПАВЛОВСКАЯ

В ДВУХ МИРАХ

* * *

я хотела жизнь наладить
я хотела печь оладьи
я хотела птиц с ладони
светом солнечным кормить

как сквозь линзу водяную
жизнь я видела иную
был какой-то образ тайный
в этой птице на руке

как светились эти перья
стала не такой теперь я
стала я чернее ночи
скорбней поминальных дат

и наверно для наладки
не хватает мне ухватки
а углы кирпичной кладки
закрывают солнца свет

* * *

Когда-то мы вместе в подъезде стояли,
читали стихи и портвейн распивали.

Нам было так молодо, весело, плохо,
под нами, как льдина, ломалась эпоха.

И мы расплывались, скользили, юлили,
о, как мы тогда сэсэсэр не любили.

О, как нам хотелось куда-то — на смену,
где гибельный сплин выдувают джазмены,

где ходит в купальнике голом старлетка,
где гангстер с сигарой сидит за рулеткой.

И мы представляли, что с нашей страной
случится все то же, но только иное —

такое, что виделось нам в идеале.
Мы всё промечтали, мы всё проморгали,

и толстый чиновник на бешеном «мерсе»
продал нас за белые яхты Нью-Джерси.

* * *

Поворачиваю время,
сдерживаю вдох в груди,
чтоб побыть немного с теми,
кто не должен был уйти.

Воскрешаю бабу с дедом,
поднимаю дом и клеть.
Обещаю, не уеду
и не дам вам умереть.

Ходит в небе ангел детский,
держит время в кулаке,
чтобы мог живой отец мой
наловить плотвы в реке.

Что с плотвицы этой проку?
Рябь проходит по воде,
и опять я одиноко
просыпаюсь в темноте.

* * *

памяти Валеры

Мы жили вечно тем летейским летом,
Где не хватало жизни и сюжета,
Плели венки, мололи языком,
И вечно б длился сказочный ромком,
Но я сбежала в полночь босиком,
Ведь я была — ты знал это — с приветом.

Ты думал, будто я была с тобой,
Ты гладил мои волосы рукой,
Как будто я лисенок прирученный,
А я была с рожденья обреченной
Бежать по местности пересеченной
И вверх лететь, как шарик голубой.

Я улетела, ты же у костра
Все звал меня: «Любимая, сестра», —
Но я уже не слышала ни звука,
Меня уже не мучила разлука,
Я звуковой пересекла порог
И ноты, как росу, стряхнула с ног.

Прошло сто лет, поскольку жизнь — есть сон,
Тебя на лодке перевез Харон,
А я летаю над водой, как птица,
И не могу проснуться, приземлиться,
Ни умереть, ни заново родиться.
Горит костер, и тьма со всех сторон.

* * *

над кладбищем чиркают небо стрижи
повсюду охапки ромашек
здесь столько уже моих близких лежит
и ваших и ваших и ваших

я камень горячий от пыли протру
поправлю цветы и лампаду
и не потому что я тоже умру
и не потому что так надо

прости мне мое неуменье молчать
что здесь за оградой покоя
забытую ссору пытаюсь начать
чтоб только задеть за живое

* * *

Герману снится дама,
Герман сойдет с ума.
Я почитатель драмы,
книги пишу сама.

Маешься и листаешь —
тройка, семерка, туз.
Ты меня не достанешь.
Я тебя не боюсь.

Водишь меня, плутовка,
жухаешься во мрак.
Дай мне свою шифровку.
Выдай секретный знак.

Ведьма, исчадь ночи,
думаешь, мне кранты?³
Хватит меня морочить,
каркать из темноты.

* * *

с верхней полки неба крадет шаман
стаю птиц запихивает в карман
и уходит сквозь болевой порог
в двух мирах как призрак и поплавок

черный ворон плавает над тайгой
сердце разгоняется до такой
что частицы времени как смола
застывают в перьях его крыла

разрубает небо ночным крылом
и уходит сквозь временной пролом
и в воронку воронова зрачка
затекает призрачная тайга

с этих пор останется он в тайге
навсегда подвешен на волоске
жизнь и смерть обтекают его с боков
потому что видел он мир богов

* * *

бесплезные факты случаи жизни частной
до кости болит спать не дает покоя
никогда еще не была я такой несчастной
одинокой страшной загнанной но живою

здравствуй дивный мир воскресенья тебе не будет
это вакуум это космоса злая тайна
не суди меня и бог тебя не осудит
все неправильно плохо и все это не случайно

я сошла с ума а думала что сдюжу
как же холодно видно не будет лета
дождь идет сто лет будто кому служит
я одна понимаю это конец света

* * *

Десять лет не тосковала
по аллеям и дворам,
десять лет себя ломала
и сломала пополам.

И теперь мне снится Свислочь,
снится черная вода,
я теперь не вижу смысла
возвращаться в никуда.

Я достигла абсолюта,
я другую вижу тьму.
В никуда из ниоткуда
не вернуться ничему.

Ольга ДОМРАЧЕВА

КРАСНЫЙ ЯР

Сонное

антрацитовые воды поглотили меня.
в реке, у самого дна,
луноокий воевода Окунь
проворных рыбок держит на поводке,
караулит, когда полетит мотыль.
тишина.
вот подводный долгоногий ковыль,
волнуясь, меня щекочет.

щелчок. песочные часы перевернулись.

я — мотылек, а небо бездонно.
вижу оборот:
где в окружении верной своры
Окунь клюет прикорма
ржаные крошки,
словно голодный кочет, —
по алеющей дорожке
мальчик с удочкой идет.

* * *

Ворочаясь, Иртыш спиною сдвинул время.
И, времени птенцов вводя в анабиоз,
раскачивают май во всю снега и ветер,
а я ему кричу, нащупывая ось:

«Веди меня, веди, толкай настырно в спину,
подхватывай, неси — не позволяй вратать,
вонзай сто тысяч жал до самой сердцевины,
вливай в меня, вливай животворящий яд —

не дай окаменеть, разбив глухим ознобом
растущий нутряной семиречивый жар.
Но только не мори в объятиях циклона
пронзительных стрижат —
пускай они летят».

Красный яр

где большие воды ломают лед
раздвигают прочь временные глыбы —
часовые боги сойдя в испод
света правят ссадины и ушибы.

*

не ходи в апреле на красный яр,
не топчи зазря ледяную сукровь —
там отвесный ветер впадает в яр
от невнятных стонов и пришлых звуков.

и ломает косточки ивняка,
обнажает в глине тугие жилы.
там внизу река иверху река —
вороная смерть, слюдяная жизнь ли.

синее

в сине-синем лесу даже воздух синь.
в кроне птаха выводит: «фью-фью-синь-синь».
я не вижу ее, но наверняка
она тоже си-ня-я.

и вовсе не птица — лобастый налим.
вокруг долговязые водоросли,
из коих, надежно икру схороня,
притихшая рыба глядит на меня.
в глазах ее хищных такая тоска
синяя-синяя.

о господи, мне бы крыло иль плавник,
 чтоб выпорхнуть, выплыть из синих глазниц,
 из синего леса — крошечного сна.
 очнись, меня нужно сейчас же спасать.

в округе небесно-синей
 ти-ши-на.

и ряской несметной плывут облака,
 их в ключья кромсает не снасть рыбака,
 не громкая воля скупого творца —
 актиния
 раскинула жгучие щу-паль-ца.

белый шум

свет облетит, пожелкнет.
 времени вопреки,
 свяжут на ощупь ветлы
 были большой реки:

там, где цветет татарник —
 дымный монгольский стан,
 вьется в угарном трансе
 белый, как ночь, шаман,

где разгуляи-ветры
 косят овсюг, осот —
 вящим раченьем вербы
 в русло Иртыш встает —

гнут и качают время
 волны легко, шутя.
 а над рекою реет
 благостная ветла.

станешь над водной толщей
 новый мостить маршрут,
 да обернешься, чтобы
 помнить раKITный шум.

издалека

налетал сокол с черного болота
на мир господень
теребил клевал срывал позолоту
оставлял в исподнем

увещал на птичьем я есмь предтеча
всякий здесь строптивый да поперечный
сядет отец на неба каменный парапет
рассмотрит каждого на просвет

*

белый зверь приходит издалека
из небесного березняка
лакает ночи черное молоко
колкая рябь расходится широко
по простылому воздуху
темной реке траве
предрекает от взгляда вострого
индеветь
зверь о землю чешет мохнатый бок
поднимает свет
под набрякшим веком его
цветет горицвет
скоро ли долго ли явится мать
станет сына именем нарекать

между

между водонебьем
и древоречьем
причитает птица
по-человечьи.
на рогах неся
золотые ливни,
медноокий зверь
точит берег бивнем —
улетают в глубь
краснопёрок стаи.
и не важно, кем
мы друг другу стали —
здесь такой рассвет —
наливная дичка.
...приходи со мной
говорить на птичьем.

Второе региональное совещание сибирских авторов

В августе нынешнего года состоялось Второе региональное совещание сибирских авторов, организованное Министерством культуры Новосибирской области и редакцией «Сибирских огней». Поиск новых авторов — давняя традиция журнала, которую мы стараемся сохранять. Молодые прозаики, поэты, критики, руководители семинаров — все без исключения люди творческие, и разговор на протяжении нескольких дней шел именно о творчестве, о литературе. Молодым было высказано много пожеланий — я в данном кратком предисловии повторяю их не буду, скажу лишь одно: дерзайте! Именно творческой дерзости порой не хватает ныне входящим в литературу. Но надежда на будущее есть, и с этой надеждой мы представляем сегодня нашим читателям рассказы участников совещания.

*Михаил Щукин,
главный редактор журнала «Сибирские огни»*

Игорь КОРНИЕНКО

ШНУРОК

Р а с с к а з

Не давал покоя Федьке Свистуну поклонный крест с самого дня его появления.

— А это тютелька в тютельку третий год, с августа четырнадцатого, — загибал длинные мозолистые пальцы мужчина. — Революционер я или кто, в конце концов?!

Привычные слушатели, собутыльники в пивной, кивали, хлопали по спине с неподдельным сочувствием:

— Революционер, еще какой революционер, всем революционерам революционер!

— Свистишь, точно как Троцкий, — полупшепотом говорили остальные сельчане, зная нескладный, бунтарский характер Федора еще со школы, когда он бросился с кулаками на физрука, за то что тот нелицеприятно высказался в адрес Свистунова-старшего.

Отца Федька не любил (уж больно тот пил, как не в себя, и колотил домашних, вплоть до кота), но и говорить про родителя гадости никому не позволял.

— Не из революционной породы батя — кто же его защитит, если не я?! — вздыхает гулко единственный сын, а голос словно из бездны. — От слабости квасит и колотил нас, когда кулак мог сжать, тоже от слабости, а

теперь рюмку самогонки и ту расплескает, пока до рта донесет. Как мамка преставилась, так и батя за ней ушел — живым мертвецом ходит-бродит, одно только знает — глотает горькую и горькой запивает.

Чаще же всего «революционеру» не с кем поговорить. На работе с утра до вечера токарит, ни рук, ни глаз не жалея, вечером в пивнушке — уже залитые до краев дружки и теплое пиво. Топает Федька до дому, опустив низко голову, придавленный небом (где нет места Богу, лишь птахам свободным) и величественным шестиметровым крестом, что в устье реки Ирмени сразу за селом. И крест поклонный, чуется Федьке, давит на него потяжелее небесной громады. Гнет головушку так, что колени прогибаются.

— У! — замахивается всякий раз человек, проходя мимо места последней битвы сибирских казаков с ханом Кучумом.

Именно в честь этого события да в память о начале присоединения Сибири к России возвели сей ненавистный Федьке мемориал. Помнит тот августовский день Свистун: с явлением епископа народу, щелканьем затворов фотокамер, молодыми казачками с флагами, песнями и плясками, с реконструированной сценой стрелецкого боя...

Но в сердце раной осталось совсем, совсем не это.

В ночь на двадцать первое августа мама уснула и не проснулась.

— Хорошая мамка у тебя была — тихая, кроткая, мирная, вот и ушла так, — разбавляя самогон слезами отец. — Ангелом земным была. Вот и упорхнул наш ангел раньше времени, оставив нас, чертов рогатых, кипеть в нашем собственном, рукотворном аду.

Сын не слушал отца, вцепился в край стола до синих ногтей и, если б из-под ногтей не брызнула кровь, вырвал бы, как пить дать, кусок деревянной столешницы. Кровь не отрезвила, боль не привела в чувство.

— Да лучше бы это был ты! — заорал в помятое бордовое лицо родителя, выхватил стакан с алкоголем, запроваленным отцовскими слезами, и впервые в жизни проглотил зеленого змия, проглотил залпом и не поморщился.

Змий тоже не помог.

— Мерзкая гадюка только шипеть и может — когда не шипеть, а дела делать надо, — революционно размышлял Свистун.

Кличка прицепилась сразу, с детства; в армии Соловьем-разбойником звали, с уважением звали, пряча глаза; а вернулся в село — Соловья ощипали родные односельчане, знающие его как облупленного, вновь до привычного Свистуна.

— Знаете-то знаете, да внутрь не заглянете, значит, не всё-то и знаете, — грозно поговаривал Федька, глядя исподлобья страшным взглядом.

Не любила мамка его этот взгляд, отмахивалась, крестила. Федька отмахивался от материнского крестного знамения:

— Ма, ну перестань меня этим самым святить. В семье у нас ни один мужик в Бога не веровал, вот и я. Да и какой может быть Всевышний в наше-то время? В себя никто не верит, а уж в Бога подавно!

— А ты, сынок, в кого веришь? — Голос матушки — пушинками в уши и на душу.

Хмурится сын:

— Ну как? В тебя верю.

Мать улыбалась чище самого солнечного света:

— А еще в кого?

— В революцию! — выпаливал не то в шутку, не то всерьез Федька.

Революция для него лишь слово, ограждающее от Бога, от всего непонятного, чужого. На любое посягательство извне Свистун отвечал однозначно:

— Революция все поправит.

Начиная с забора, завалившегося на заднем дворе, гулящей соседской девки Машки и кончая повышением пенсионного возраста и состоянием страны в целом.

— Революция все решит, исправит, расставит по местам! А верить в Бога — как сказкам верить. В ту же Бабу-ягу с Кощеем или домового с Дедом Морозом!.. Ну что даст такая вера?

Вздыхала матушка:

— Так ведь без Бога ни до порога, сынок...

И сын демонстративно перешагивал порог дома.

Мать вслед незаметно крестила, снова и снова.

О той самой битве, на месте которой крест черной птицей возвышается, маленькому Феде рассказывал дед — путаясь, привирая, чадя вонючей папиросой, кашляя через каждое слово и матерясь.

— Бились там, кхе-кхе, где Ирмень в Обь впадает, значит, воевода Андрей Матвеевич Воейков с отрядом из стрельцов, да казаков, да служивых татар, бились с войском собаки хана Сибирского ханства Кучума, что пятнадцать лет продыху нам не давал, оторви и брось. Кхе. Был указ самого царя Бориса Годунова, — желтым от курева указательным пальцем, как царским перстом, махал дед перед Федькиным носом, — сыскать становище Кучума и изничтожить к едреной матери, ибо мешал сучий сын Кучум продвижению Русского государства на восток. Ну, и Божьим милосердием и государевым счастьем, так сказать не своими словами, победи хана, крюк мне в дышло, к полудню двадцатого августа. Кхе-кхе. Полдня с небольшим секлись. Догнали и тех татарских всадников, что из окружения вырвались, обожги их кипятком. Тут и битве конец, а Кучума самого ни среди живых, ни среди мертвых-то и не нашлось. Слиял, песий хвост. Чтоб я так жил. А в плену у нас его жены, штук восемь, с гарема, да сыновей с пяток, князей и высших сановников всяческих. А вот Кучума след простыл. Мож, в водах Оби сгинул, морда, так туда ему и дорога. Кхе... Так вот с той поры, — вновь желтый перст тычет внуку в нос, — объявился в наших краях синий конь.

Вот тут дедово воображение, подогретое свекольной настойкой, разыгрывалось не на шутку. И веселых матюгов становилось больше с каждым новым витком фантастической истории про коня, вернувшегося за своим потерянными раненым всадником на поле боя.

— А увидеть его можно в оный день Ирменского сражения и нынче, ибо не нашел конь хозяина своего, забодай тебя блоха.

Кимаря, дед рассказывал историю, как они с другом, еще задолго до войны, отправились караулить синего коня на холм, где сосна да береза только и росли. Натянули вожжи, забрались на деревья, стали ждать. Да вот беда, заснул дед («чтоб мне пузырем лопнуть, чтоб век ничего крепче кваса не пить»), а поутру дружок, ехидина сопливая, поведал о встрече с синим конем. Будто среди ночи явился блестящий туман, слышался шум, грохот, крик людской, стук копыт и звон оружия — то эхо минувшего сражения. Вдруг из тумана серебристого — с диким ржаньем конь невероятно синего цвета, грива волной струится, копыта бьют, искры голубые летят. А сквозь коня события тех давних дней видать — прозрачный конь. Почуял тут конь дух человеческий, рванул и налетел на вожжи, и разорвал их в клочья, и заржал горько, и растворился с туманом.

— Бреешь, говорю ему, сопляк. А он мне куском вожжи по роже — хрясь. Эт потом я смекнул, что наверняка, подлец, ножичком их.

Дед засыпает. Внук дергает старика за усы:

— Почему конь синий, а не красный, деда?

Мычит, крихтит дед сквозь дрему свекольную:

— Поди да узнай почему, глазопялка.

— Куда пойти? На холм? К реке?

Храпит вентилятором испорченным дед, аж воздух дрожит. Махнул рукой внук, дернул еще раз деда за ус и никуда не пошел.

Ни до речки, ни до холма за селом Федька так и не сходил на поиски синего коня: не верил в сказки Федька. В сражение и хана Кучума верил, в дедушкины ранения и деревянную левую руку верил, в войну, на которой эту самую руку дед потерял, верил.

Когда спрашивал про войну, дед поглаживал протез, бурчал всегда одно и то же:

— Победили.

Федька Свистун гордился, что пошел в деда, сравнивал лицо с желтых, отцветших фотокарточек со своим лицом на цветных глянцевых фотках.

— Копия, — самоутверждался. — Ну вылитый!

Отец соглашался, говорил:

— Знаешь, у твоего деда в военном билете запись была, печатью на всю жизнь: «Безбожник». Вот и этим ты в него — ни в Бога, ни в черта с пеленок не веришь. Даже в Деда Мороза не верил и в зайчика, что го-стинцы передавал.

Свистун воспринял это как комплимент, гордо взглянув в окно на синее, как выдуманный конь, небо:

— Безбожник.

Свистунов-старший же после смерти жены собрал ее иконки и все спрятал себе под подушку. Все чаще с пьяных уст слетали слова о Божьем прощении, принятии, покаянии, Божьей милости.

— Слабый отец, — отвечал на отцовские молитвы сын и поспешно уходил в мастерскую на заднем дворе работать над своим тайным революционным проектом.

Визжал наждак, стучал молоток, скрежетали напильники, кричало железо...

Это похороны мамы. Все село вышло на дорогу. Идут ровными рядами к катафалку и автобусам. Плачут люди, плачет небо — морозящим дождем, плачет солнце — мягкими теплыми лучами, плачут птицы — молчанием. И лишь поклонный крест, огромный, непоколебимый, не плачет. Глядит с величественной высоты, и кажется Федьке: улыбается, потешается крест над копошащимися внизу людишками.

А как Федька вошел в тень креста, так и увяз в растаявшем под ним асфальте, провалился по пояс, и трясина потянула ниже и глубже... Барахтается Свистун, а кричать не может — нельзя, не полагается на похоронах. Одно слово «мама» в голове волчком вертится. Высвободил Федька руку из черной каши, а ухватиться не за что, шарит рукой по воздуху, и вдруг — что такое? — крест вслед за асфальтом тоже мягким сделался, согнулся над тонущим человеком, подставляет спасительную перекладину. Оттолкнул от себя руку помощи Свистун, оттолкнулся от креста и провалился во тьму, полную криков, плача, хруста, стонов и скрежета зубовного...

Проснулся мокрый, будто и впрямь куда окунулся, пот холодом обжигает, с простыней хоть воду выжимай, сердце под кадыком колотится, и на душе, как три года назад, тоска кровавая — ложись и не дыши.

— Плохой сон.

Поднялся Федька. Тревожно скрипят половицы, готовые в любой момент расплавиться под ним; чайник на плите взволнованно загудел; утро серое, неприятное давит на окно беспокойством и паникой.

У Федьки тишина всегда вызывала панику — хочется зашуметь, застучать кулаками, затопать, только бы испортить, нарушить эту тишь, смерти подобную. В такие моменты Федька начинает свистеть. Свист рождается из глубины его беспокойного, бунтарского сердца, проносится по гортани к губам, врывается в мир соловьиной, доселе не слышанной трелью. Иногда свист подобен ветру из затерянных краев, иногда плачу неведомых существ, чаще это долгий и пронзительный крик о помощи, жадный вопль перемен...

— Не свисти, все деньги и всё на свете просвистишь, — бранилась мама.

— Или досвистишься до Бога, — пьяно ерничал отец, — или до черта.

В детстве Федька послушно переставал. Теперь же засвистел, не боясь разбудить отца в спальне, свистел по дороге на работу и у токарного станка, нарезаая резьбу за резьбой, свистел, не обращая внимания ни на шутки ребят из цеха, ни на угрозы бригадира. Свистел.

— Хочешь быть услышанным всеми — свисти, — у самого уха знакомый женский голос.

Это Люба из столовой — маленькая, пухленькая, стеснительная. Когда он смотрел на нее, она всегда краснела и не знала, куда деть непослушные руки.

Выключил станок Федька, обернулся, снимая защитные очки.

— Да это так, баловство, — сказал и тоже покраснел.

Федька долго избегал встреч с Любой, считал, затаила она обиду на него из-за старшего брата. Его Свистун поколотил как-то под Новый год, за то что прошлую жизнь ругал, память предков.

Люба подошла первая, попросила просверлить отверстия в самодельном дуршлаге.

— Сыну, Павлуше, по труду задали, — оправдывалась женщина, заламывая белоснежные руки, — а у меня ни гвоздя в доме, ни молотка.

Сегодня она протянула Свистуну кусок пирога на тарелке, завернутой в целлофан.

— Нам с Павликом много на двоих, а ты, смотрю, на обед не пришел, вот и...

И Люба впихнула тарелку в чумазные руки мужчины, торопливо ушла — до того, как щеки запылали румянцем. Ленька-слесарь, наблюдавший всю картину, осторожно присвистнул. Федька показал слесарю кулак.

Утренняя тревога, заеденная яблочным пирогом, на время притаилась. Звонок об окончании смены разбудил ее. Заметалась тревога, замутила голову Федьке до тошноты.

Ленька позвал в пивнушку:

— Пару кружек опрокинем, за жизнь побалакаем. — Отметив нулевую реакцию, соблазняяще добавил: — Может, морду кому набьешь. Революцию замутим местного разлива, — хихикнул.

— Не, я до дому. Чуйка с утра ноет, как бы батя чего не натворил.

Серьезность в голосе токаря заставила слесаря ретироваться.

— Тогда в другой раз, — сказал Ленька, где-то глубоко, на уровне подкорки, чувствуя: другого раза не будет.

Отца нигде не было. Федька на сто рядов обошел дом, двор, стайки, мастерскую, даже в «черную дыру» уличного туалета заглянул. Сжимая кулаки, скрипя зубами, в огне мыслей — что-то случилось, что-то нехорошее! — на улицу, вокруг пивной и магазина.

— Батю не видели?

— Не, не видели!

За школу, через стадион, к лавочке, где отец частенько выпивал со стариками.

— Что-то отца найти не могу, не появлялся здесь?

Старики пьяницы дружно открестились: не было, нет, не приходил. И тут кто-то:

— Видел его после обеда, ага. Сказал, молиться пойдет.

Все дружно загоготали.

Свистун угрожающе нагнулся над пьянчугами. Пьянчуги дружно вжали головы в тощие тела, дружно, как один, зажмурились. Федька сплюнул.

Поклонный крест раскрыл сознание — черной туалетной дырой, кровоточащей раной... Пока бежал за село, громыхая наспех напыленныхми тяжелыми сапогами, сын вдруг осознал, что никогда в жизни не назы-

вал отца папой. Батя, родитель, отец, предок, старик, шнурок, пахан — и никогда — никогда! — папа.

Все тот же крест резанул по глазам, ослепил. За много метров сын увидел свернутого калачиком отца в канаве, в пыльной траве, на повороте к центральной дороге к поклонному кресту.

Отец не дошел до желанного места, не помолился. Он потерял равновесие и скатился кубарем вниз.

— Батя, батя, ну что же ты?

Сын поднял осторожно родителя на руки, легкого, невесомого, как травинка, пушинка, пылинка. Отец открыл глаза, открыл рот, не произнес ни звука; слеза обожгла щетинистый скуластый подбородок сына. Тот крепче прижал отца к себе, сердцем слыша его боль, надлом, рану.

— Все будет хорошо, батя, ты, главное, это, не засыпай давай и крепись — выберемся.

Сын говорил не замолкая все то время, пока шел по шоссе в сторону города с отцом на руках, говорил до первой остановившейся машины.

— Блин, я подумал, с ребенком. — Бритоголовый водитель растерянно выбрался из авто, растерянно открыл заднюю дверь. — Подумал, ребенка несешь, понимаешь? Машина сбила на дороге, подумал. А тут...

Федька, укладывая отца на заднее сиденье, сказал лишь:

— До больницы.

Сел рядом с водителем сын, обернулся на крест вдалеке, черный знак, росчерк, метку его судьбы на зелено-голубом фоне августовского пейзажа.

Сплюнул и захлопнул дверцу.

— Поперечный перелом крестца, смещение шейных позвонков, сотрясение мозга...

Врач рассказывала о лечении, анальгетиках и блокаде, неврологических осложнениях, массаже и витаминном комплексе. Федька кивал, угукал, со всем и вся соглашался... Диагноз — поперечный перелом крестца — сложился в нем крестом, поднялся с низа живота, пронзая желудок, сердце, дальше по горлу, воткнулся в небо — ни вздохнуть, ни пошевелиться. Открой он сейчас рот — и врач, уверен Свистунов, увидит черную блестящую верхушку креста.

— ...злоупотребления, возраст, сами понимаете... Уход и еще раз уход.

— Да, да, да, все сделаю, — не разжимая губ. — Я попытаюсь все исправить.

— Исправить все вряд ли...

Мужчина не дал женщине договорить, поднял руку, как школьник:

— Можно я завтра приду? Сейчас мне надо позарез.

Врач закивала:

— Конечно, идите. Ваш отец под успокоительными как минимум до утра проспит.

И Федька встал, закатив страшно глаза, перебирая и хрустя костяшками пальцев в предвкушении суровой, страшной битвы. «Похлеще Ирменского сражения». Лишь на миг взгляд подобрел, когда пальцы сжали костлявую холодную ладонь отца.

— Я все исправлю и завтра вернусь, обещаю, папа.

В ответ ладонь приятно потеплела.

Вышел из больницы Федька, посмотрел на темнеющее небо, набрал в легкие вечерней прохлады, привычно сплюнул и побежал. И бежал бы, нисколько не уставая, до самого села (злость, месть, ненависть всегда придают человеку силы, делают его на время бесстрашным, безумным, бессмертным), да подвернулась попутка.

Разговорчивый водила говорил за себя и за пассажира, а под конец, подъезжая к селу, выдал:

— Крест на Сибири поставили. Чего уж — на России крест стоит! Куда ни глянь, всё в крестах!

Свистун молчал. Слова — это не для него. Слова расслабляют: начнешь говорить — не выполнишь задуманного. Лающая собака не укусит. Мечь не любит разговорчивых. Мстить надо со свистом, присвистывая любимый мотив. А слова лишь сотрясение воздуха, мыслей, чувств.

Мимо дома, бубня: «Так и знал... как чуял... немного еще осталось... почти готово... только наточить ребра...» Прямоком в мастерскую, плотно закрыв дверь. И загудело, застонало, загрохотало все внутри железным лязгом, стенаньем, криком... Час, другой, третий — и музыкой стала песня металла. Для уха Федьки самой прекрасной мелодией на свете. Мелодия революции. Песнь отмщенья.

В свете растущей луны, в наступившей с последним звоном тишине вышел Федька из мастерской с самым настоящим, как есть царским скипетром в руках. Мечта детства — металлическая дубина с шестью острыми пластинами-перьями, пернач, шестопер. Рисунок Федя увидел у деда в бумагах. Дед отнекивался, дескать, знать не знает, что это за такое и как у него оказалось. Но внук видел этот огонек в дедовских глазах! Так в людях горят мечты. Горят и сгорают.

— Вот, дед, взгляни, — поднял Свистун к звездному небу шестопер, покрутил, показывая каждое из ребер булавы. — Мой подарок тебе и этому миру! Потому что мечтам гаснуть нельзя!

По небосводу, мерцая, ползет спутник, крохотное сердце огромного космоса — именно так и ощущал себя Федька. Но с таким орудием в руках он больше, чем просто точка.

— Пришло время революций! Время правды! Время мести! — махал шестопером Федька. — Посмотрим, кто кого! Слышишь? — Он прокричал это в сторону поклонного креста. — Готовься, я иду сразиться с тобой!

Тишину августовской ночи пронзил металлический лязг и грохот: это Свистун по дороге к месту битвы тренировался, сбивая и круша своим чудо-шестопером урны, железные столбики, все, что попадалось под руку.

Выйдя на главную дорогу к намеченной цели, засвистел так сильно, как мог, чтобы слышало небо и звезды, а особенно та еле заметная песчинка-спутник. Со свистом Федька зашел в ограду мемориала — верной дорожкой из плит к кресту, сливающимся с темнотой.

— От меня не спрячешься. Правда должна восторжествовать! И восторжествует!

Свист стал еще громче, еще яростней. Свистун запрыгнул на каменный постамент, занес булаву над головой, целясь в основание креста, сплюнул — и небо над ним, вместе со спутником-точечкой, взорвалось мириадами падающих звезд.

Удар.

Рассказывают (особенно это любят делать бывшие дружки-собутыльники Федора Свистунова), что когда в ту роковую для него ночь Федор ударил первый раз по кресту, то услышал эхо давно минувшей битвы и вокруг него развернулось Ирменское сражение.

— Окропленный кровью зарубленных воинов, обливаясь чужим потом, в пыли и пепле битвы, он ударил второй раз. Вот тогда и отскочил его шестопер, вылетел из рук кеглей игральной, — по секрету рассказывает слесарь Ленька. — Смотрит Федька: что же смогло остановить его несокрушимую булаву? А перед ним конь синий, это он подкову свою подставил. Не веря глазам — не сон ли это? — революционер наш схватил за синюю гриву коня. Взбрыкнул конь и понес Федьку в неведомые места, где прошлое и будущее встречаются. Чего уж увидел там Свистун, одному Богу известно. До рассвета носил революционера синий конь по мирам всяческим...

— Очнулся Федька с первым лучом солнца у подножия креста, встал на колени и помолился. И первая молитва в его жизни, а годков ему — ровно Христовых, сделала из него другого человека. Уверовал Свистун. — Тут бывший Федькин собутыльник крестится. — Женился на Любе из столовой, у них уже двое ребятишек народилось. Отца лекарствами и молитвами откачал. Бегаёт до сих пор старикан, горькую, правда, уже не так попивает, но и не бросает это дело. Хотите — верьте, хотите — нет, а так все и было. Мне сам Федька в первые дни, пока быстро верующим не стал, рассказал. А за рассказ купите пол-литру.

Павлуша, старший сын, еще не называет Федора папой. И отцом не называет, не называет батей, предком, шнурком, стариком... Федор понимает — сам такой был! — время назовет все своими именами и даст всему названия. Время.

Павлуша же часто спрашивает про синего коня, особенно перед сном: — Правда, дядь Федор, что ты встречал его, коня синего, когда на крест с булавой ходил?

Светло и чисто, совсем как любимая матушка, улыбается Федор и крепко сжимает в кулаке нательный крестик на необыкновенно сверкающем синем шнурке.

*Второе региональное совещание
сибирских авторов*

Игорь НАЗАРОВ

ПОЛЕТ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПТИЦЫ

Р а с с к а з

Однажды в небольшом сибирском городе Н. случился юбилей у градоначальника. На юбилее, как и положено, градоначальника засыпали подарками. Равно дорогими, но не равно полезными. В качестве одного из таких дорогуших, однако бесполезных в быту подарков юбиляру была преподнесена деревянная птица. Три пуда весом. Каждое крыло по метру. Между крыльями тушка в полметра. Ну и в длину тоже неслабая.

Градоначальник какое-то время думал: куда ему это чудище девать? Выбрасывать — неудобно, да и жалко: вещь дорогая, красивая. Но вешать ее в дом, извините меня... И он сделал щедрый жест — передал птицу в управление соцзащиты с распоряжением: подарить какой-нибудь малообеспеченной семье, которой самой ни в жизнь такую хорошую птицу не купить.

Перед соцзащитой города Н. встала серьезная проблема. Куда деть птицу? Кому ее благотворительно втюхать?

Происходили примерно такие сцены. В кабинет соцзащиты заходит многодетная мать:

— Мне бы материальную помощь выписать.

— Деньгами помочь пока не можем. Вот птицу, если хотите, берите.

— Какую птицу?

— Ну вон, в углу стоит.

— Где?.. О господи! — Хватается за сердце. — Куда она мне? Мне бы денег маленько.

— Денег пока нет. Возьмите птицу.

Но никто птицу не брал. Она занимала почти полкабинета, мешалась, пугала случайных посетителей да еще и стояла на балансе, как материальная ценность. К тому же градоначальник в любой момент мог поинтересоваться: что там с его даром малообеспеченным и социально

незащищенным? Кто его получил? Довольны ли получатели? Счастлива ли оптическая семья и на сколько процентов больше любит она теперь своего градоначальника?

Надо было срочно что-то решать. И решили! В ведении соцзащиты находился городской детский дом. Туда и притащили птицу.

В присутствии журналистов привинтили ее на стену в фойе, поставили табличку с надписью: «Дар градоначальника имярек», сказали громким голосом:

— Дети, вот вам птичка в подарок! Ну, дети, что надо сказать?

— Спасибо, — недружно пролепетали дети, глядя ошалелыми глазами на чудище два с половиной метра в размахе крыльев.

С первой же ночи по детским спальням поползли страшилки, рассказывающие о том, что эта птица по ночам срывается со стены и улетает убивать людей. Ночь от ночи страшилки обростали все новыми деталями. Дети стали бояться выходить в фойе. Некоторые боялись даже спать по ночам. А которые засыпали — порой вскакивали с криком из-за привидевшегося кошмара: им снилось, что страшная птица из фойе хочет их схватить и заклевать.

Обеспокоенные работники детдома сняли птицу со стены и оттащили в подвал.

Стало еще хуже. Спрятанная в мрачном подвале, жестокая птица пугала малышей больше, чем открыто висящая на стене. Ведь теперь, свободная от наблюдения, она могла вылетать на свою кровавую охоту не только ночью, но и днем.

Дети были напуганы, педагоги озабочены, а психолог детского дома заявила, что если птицу не удалить как можно быстрее и как можно дальше, то последствия для психики детей она, психолог, предсказать не берет. И посоветовала вынести птицу из подвала, изрубить и сжечь. На глазах у детишек.

Хорошо бы! Только как это сделать? Птица — материальная ценность, на ней инвентарный номер, она, зараза, больших денег стоит. Невозможно имущество, стоящее на балансе, вот так просто взять и уничтожить.

По этому вопросу завязалась оживленная переписка между детдомом и управлением соцзащиты. Детский дом слезно молил забрать птицу. Управление соцзащиты было немного удивлено последствиями своего дара, но ума не могло приложить, куда им птицу деть. О чем честно и написало.

Детский дом предложил передать птицу еще кому-нибудь в дар. Например, какой-нибудь школе. Управление соцзащиты обеими руками было за то, чтобы передать птицу школе. Но вот беда: школы-то находились в ведении не соцзащиты, а управления образования. Значит, предстояло переводить птицу с баланса на баланс. Что без согласия получателя сделать было невозможно. Да и с согласием крайне муторно. Тысячу всяких бумаг заполнить надо.

Однако здесь и согласия не было. Управление образования, осмотрев птицу, категорически отказалось ее принимать.

— Кто эту кикимору сделал, тот пусть себе ее и вешает, — сказали работники образования.

— Но у нас тут дети! — воскликнули работники детдома. — Они ж боятся. Мы ж за них отвечаем! Войдите, пожалуйста, в положение.

— У нас тоже дети. Мы тоже за них отвечаем, — ответили работники образования, сели в машину и уехали.

Тогда директор детского дома в качестве последней меры защиты детей, вверенных ее опеке, вместе с их неокрепшей нервной системой, устроила скандал начальнице управления соцзащиты. Начальница некоторое время стойко отбивалась от своей подчиненной, пока та в конце концов не пригрозила доложить обо всем главе города.

Вот уж чего соцзащиты вовсе было не нужно! Если градоначальник узнает, что его с кровью оторванный от сердца дар соцзащиты так и не может пристроить, то он обидится и спросит почему. Не скажешь же в ответ: да потому, что ваша, Имярек Имярекович, птица на хрен никому не нужна и вообще представляет опасность для психики как одаряемых, так и работников соцзащиты. В общем, начальница управления клятвенно пообещала директору детского дома, что в течение суток заберет птицу.

Сказать-то легко, а как сделать? Думала-думала начальница, и наконец ее осенило. В городе Н. было еще управление благоустройства. А начальником благоустройства работал старый, со школы еще, друг начальницы соцзащиты. Ему-то она и позвонила.

— Вить, — попросила она, — забери у меня птицу.

— Какую птицу?

— Ну ту, помнишь, я тебе рассказывала?

— А на фига она мне?

— Повесишь куда-нибудь. Красиво будет. Помоги, Вить.

И она рассказала про страдающих детей.

— Выручи, Вить. А бумаги задним числом оформим. Только забери ее прям сегодня.

Что поделать: дети — это святое, а помощь одноклассникам — святое вдвойне. Через пару часов «газель» управления благоустройства увозила в открытом кузове птицу из детского дома. Вслед «газели» смотрели из окон бледные личики детишек. Они хотели убедиться, что чудище из подвала уехало от них навсегда. В эту ночь дети спали спокойно.

А птицу начальник благоустройства распорядился установить над входом в контору. Ее закрепили на стене между вторым и третьим этажами. И она красиво и величаво парила, осеняя входящих могучими крыльями. Три дня.

На четвертый день птица оторвалась и рухнула с пятиметровой высоты на служебную легковую машину начальника благоустройства. Всеми своими тремя пудами.

— Так, — сказал вышедший на шум начальник. — Это вот всё...

Дальше он обрисовал открывшуюся ему картину словами абсолютно адекватными ситуации, но в литературе обычно не употребляемыми. Поэтому пропустим с сожалением выразительную речь начальника и перейдем к тому моменту, когда на место происшествия прибыла вызванная растерянными работниками благоустройства ГИБДД.

— На птице инвентарный номер, — после осмотра места происшествия сказали сотрудники ГИБДД. — Наверное, по нему как-то можно собственника установить?

— Спасибо, — ответил им начальник благоустройства, достал трубку и набрал управление соцзащиты.

— Лена, — спросил он, — а ты на свою птицу, случайно, «автогражданку» не оформляла?

— Нет, а зачем? — не поняла та.

— Тогда нам с тобой звездеч, — сказал начальник благоустройства и поведал школьной подружке, как вверенное ей муниципальное имущество только что уничтожило вверенное ему муниципальное имущество.

Растерявшись, начальница соцзащиты не нашла ничего умнее, как спросить:

— А птица цела?

Начальник благоустройства мысленно попросил Бога даровать ему терпения и, получив от небес просимое, максимально спокойно ответил:

— Нет, птица не пострадала. — Тут у него Божий дар внезапно исчез, и он проорал в трубку: — Да какого хера с твоей гребаной корягой могло случиться?! Ее хоть с самолета сбрасывай! Тебе на голову!

А стоит знать, что в критических ситуациях женский мозг становится особенно изворотлив. Поэтому, пока начальник благоустройства выкрикивал в телефон риторические вопросы, типа зачем он связался с этой птицей, и с этой соцзащитой, и лично с начальницей соцзащиты, сама начальница уже пришла в себя.

— Витя, орать кончай и меня послушай. Если глава узнает, что мы его птицей расхерачили муниципальную машину, вот тогда нам, точно, звездеч.

— И че делать?!

— Не ори, я сказала. Доложи, что на машину упала сосуля.

— Какая, на хрен, сосуля?!

— Так Питер сосульки называет.

— Какой, в жопу, Питер?!

— Город-герой, блин! На Неве! Ты совсем там, что ли? И хватит орать на меня!

Начальник благоустройства помолчал, подумал, потом спросил:

— Умная, а с ГИБДД как предложишь быть? Там же протокол.

— Поговорю я с ГИБДД. Переделают они протокол. Напишут: сосуля.

Начальница соцзащиты так уверенно это пообещала, потому что начальник ГИБДД города Н. был ее однокурсник и друг по универу. Должен же он навстречу пойти.

Он и пошел. Протокол осмотра места происшествия был переделан. Теперь машина официально пострадала от упавшей сосульки. Птица перекочевала обратно в соцзащиту. И вроде все затихло. Но ненадолго.

Тамошний губернатор направил по городам и районам вверенной ему губернии строгую телеграмму, требующую от местных властей как можно тщательней обеспечить переход своих территорий из зимы в весну. Особое внимание губернатор обратил как раз на сосули. Чтоб смотреть в оба глаза! Чтоб под личную ответственность! Чтоб, не дай бог, не пришибло никого!

Примерно через пару дней ему на стол положили информацию, что все-таки пришибло. В городе Н. Невзирая на все губернаторские телеграммы. И пришибло машину именно того, кто в городе Н. отвечает за непришибание граждан сосулями.

На ближайшем аппаратном совещании с главами городов в режиме видеоконференции губернатор поделился этой вестью, можно сказать, со всем регионом. В прямом эфире. Потом, отложив листок со сводкой в сторону, тихо сказал, что лично для него этот случай служит явным доказательством существования Бога. И что он, губернатор, жалеет только об одном: почему в момент обрушения сосули в этой машине не сидел сам глава города Н. со своим начальником благоустройства? Однако этот недосмотр Божий можно легко исправить, так как у него, губернатора, имеется для таких вот глав городов кой-чего потяжелее сосулей. И что если через два дня в городе Н. останется на крышах хоть одна сосуля, то глава этого города проклянет не только сам момент своего рождения, но и ту постель, на которой его, главу города, родители делали.

Как только потух экран видеосвязи, глава города Н. потребовал себе кофе и начальника благоустройства. Кофе чтоб был крепкий, а начальник благоустройства — любой, живой или мертвый.

Начальник благоустройства был живой, о чем он пожалел буквально через пару секунд после того, как вошел в кабинет главы. Глава орал два часа. С перерывами, конечно, он же не магнитофон. Рев стоял такой, что отдельные фразы были слышны даже в приемной, несмотря на двойные двери.

— Развел у себя полную контору осьминогов! У всех руки из жопы! На крышу, сука, на крышу! Лично сосульки сбивать! Жить там! Как Карлсон с моторчиком! Упаси бог, упаси бог, если я тебя в эти дни на земле, а не на крыше увижу!

Когда бледный и сосредоточенный начальник благоустройства появился у себя в конторе, ему наперерез прямо в коридоре кинулась главный бухгалтер:

— Виктор Иванович, я хотела насчет той птицы...

— Что насчет птицы?! — выверился Виктор Иванович. — Не говорите мне про эту птицу!

— Как это «не говорите»? — возмутилась главбух. — Она у меня на балансе. Скоро инвентаризационная проверка. А где сама птица-то?

— Как на балансе? — оторопел начальник.

— Так. Вы же сами распорядились. Все, ее нам перевели.

Тут начальник благоустройства уяснил наконец ситуацию. Оказывается, пока творились все эти дела, бюрократические колесики, запущенные им вместе с начальницей соцзащиты, крутились там себе внутри мэрии и крутились, бумажки туда-сюда ходили, визы ставились, распоряжения издавались. И птица юридически перешла во владение управления благоустройства. А фактически где она?

Начальник благоустройства схватился за телефон:

— Ленка...

— Витя, бедненький, — заворковала в трубку уже знающая обо всем начальница соцзащиты. — Ну прости меня, подлюю. Кто ж мог знать, что так выйдем?

— Да хрен с ним. Лен, где птица?

— А зачем она тебе? Сжечь, что ли, хочешь со злости?

— Да она же на мне теперь числится.

— Ой!

— А у меня проверка на носу.

— Ой-ой!

— Че «ой-ой», Лена? Давай вези мне птицу обратно.

— Не могу, Вить. Она теперь в городе Ю.

— А че моя птица делает в Ю..?

— Юношеский военно-патриотический лагерь украшает. Вить, смотри, какое дело...

И начальница соцзащиты поведала такую историю.

В тот раз, когда птица вернулась к ней с руин автомобиля управления благоустройства, вместе с птицей вернулась и проблема: куда ж ее, заразу, девать, в конце-то концов? Ну не вечно же эту дуру здоровенную в соцзащите держать? И без нее тесно.

Одна из сотрудниц подсказала выход: передать птицу в военно-спортивный детский лагерь соседнего города Ю. Местной муниципальной юношеской военно-патриотической организацией, дескать, руководит ее знакомый. Он возьмет с удовольствием. Ну и ладушки! Птицу отправили в Ю. Так что теперь она там.

Начальник благоустройства схватил в охапку документы на птицу, запрыгнул в «газель» (он теперь, по известной причине, на «газели» передвигался) и помчался в Ю. Благо он в двух шагах от Н.

А в городе Ю. с птицей было так. Начальник всей военно-патриотической молодежи, назовем его... ну пусть Сам Самыч, птицу встретил с радостью. Как только он ее увидел, то сразу понял, что именно такой птицы и недоставало молодежи Ю. для патриотизма.

По его распоряжению птицу тут же установили на ворота военно-патриотического лагеря. А так как Сам Самыча лично начальница соцзащиты города Н. предупредила, что птица имеет свойство падать в неподходящее время и на неподходящие объекты, то Сам Самыч закрепил

птицу на совесть. Сварка, анкера, бетон, все дела. Потом птицу украсили ленточками с триколором и, так как на носу было семидесятилетие Победы, щедро добавили к узору ленточек георгиевских.

Разукрашенная птица гордо парила на воротах лагеря, вызывая глубокие военно-патриотические чувства у военно-патриотической молодежи. Но не у всей. Это выяснилось, когда Сам Самыча как-то ближе к концу рабочего дня вызвали к главе города Ю.

Когда Сам Самыч вошел, то увидел главу, грустно смотрящего в нутбук.

— А, явился, — поднял глава глаза на Сам Самыча. — Ну-ка, иди сюда. Полюбуйся.

Сам Самыч приблизился и взглянул на экран. Он увидел страницу сайта «ВКонтакте». И фотографию, разделенную на две части. В левой части было фото его птицы, в правой — изображение орла с личного штандарта Германа Геринга. Птицы были абсолютно одинаковые. Как две капли воды. Если не обращать внимания на размеры и триколоры слева и свастику справа.

— Сам Самыч, — печально вздохнул глава, — вот почему у тебя вечно что-то подобное происходит? В прошлый раз ты умудрился поздравить ветеранов с годовщиной разгрома советских войск на Курской дуге. Еще и открытки с таким текстом разослал.

— Это помощница напутала.

— наших с немцами перепутала, да? Она у тебя кто? А ты-то, ты у нас, Сам Самыч, кто? Что-то у меня начинает возникать ощущение, что ты скрытый фашист. Ты мне из молодежи гитлерюгенд готовишь, что ли? Ну почему мы всем городом из-за тебя опять посмешище?

Сам Самыч открыл было рот, однако глава жестом заткнул его и поднялся во весь свой гренадерский рост.

— Значит, так. Что с тобой делать, это мы после праздников на коллегии решим. А сейчас, — глава повысил голос, — не есть, не спать, но чтоб к утру эту херовину демонтировать и выкинуть! Все! Свободен, патриот хренов!

Сам Самыч вернулся к себе в военно-патриотическую ставку. Там его уже поджидал начальник благоустройства из Н.

— Накладка вышла, — сказал начальник. — Птицу вам по ошибке отдали. Вернуть надо. Она моя.

— Ты Герман Геринг, что ли? — буркнул Сам Самыч.

— При чем тут Геринг?

— А при том, что птица твоя — точная копия орла со штандарта Геринга.

— Да ну? — удивился начальник благоустройства этому новому свойству птицы. А потом спросил: — А на кой тогда ты ее на ворота повесил да еще и триколором украсил? — И случайно ткнул в больное место: — У тебя тут гитлерюгенд, что ли?

— Забирай свою птицу! — заорал Сам Самыч. — И чтоб к вечеру духу ее здесь не было. А то я на тебя в ФСБ напишу. Сядешь за распространение фашистской символики.

— Вместе сядем, — ответил ему начальник благоустройства и направился за птицей.

Тем временем в городе Н. глава тоже увидел на сайте «ВКонтакте» эту картинку. И вызвал к себе начальницу соцзащиты.

— Смотрите, Елена Антоновна, что в Ю. учудили. На мою птицу похожа, да?

— Похожа, — вздохнула Елена Антоновна.

— Ну, точно, похожа, — продолжал вглядываться глава. — А наша-то где? Я в газете читал, вы ее в детдом передали?

— Передала, — согласилась начальница соцзащиты.

— И как?

— Рады все. Нравится детям очень.

— Ну и хорошо, — сказал глава. Вдруг его лицо слегка омрачилось. — Только вот, Елена Антоновна, птица эта какая-то немецко-фашистская получается. Скандала не будет?

— Да откуда там кто узнает?

— Из Интернета. Вот же картинка.

— Нет там никакого Интернета.

— А-а-а, — успокоился глава. — Тогда ладно. Только вот... — Лицо его опять омрачилось. — А почему это у нас в детском доме Интернета нет? Елена Антоновна, это ж ваше упущение. Ну что за проблема в наше время Интернет-то провести? Исправьте. Немедленно исправьте.

— Исправлю, — покорно согласилась Елена Антоновна, мечтая, чтобы этот опасный разговор про птицу поскорей закончился.

— Ну вот и хорошо, — сказал глава. — Идите работайте.

И она пошла работать.

Интернет в детский дом был проведен.

Инвентаризационная проверка никаких недостатков имущества в управлении благоустройства не обнаружила, хотя птице удивились.

В городе Ю. сразу после майских праздников поменяли ответственного за военно-патриотическое воспитание молодежи. Не знаю, как у них с военным патриотизмом, но с антуражем стало все в порядке. Правда, теперь к военно-спортивному лагерю приклеилось, наверное навсегда, название «Гитлерюгенд».

А градоначальник города Н. так и не узнал, что причиной клизмы из патефонных иголок, прилюдно вставленной ему губернатором, послужила никакая не сосуля, а его собственная подарочная птица.

Если вам, читатель, эта история показалась выдумкой, плодом моей разошедшейся фантазии, значит, вы никогда не работали в российских муниципальных структурах. А тот, кто там работал, без труда вспомнит с десяток историй и позабористей, чем только что вами прочитанная.

*Второе региональное совещание
сибирских авторов*

Наталья КОРОТКОВА

ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ

Повествование в рассказах

Предыстория

Видный был мужик Алексей Матвеевич, высокий, статный. Много девок деревенских до войны на него заглядывалось. А он, как с фронта вернулся, сразу к Анне посватался.

Анна из семьи большой, шумной. Одних детишек десять душ. Мал мала меньше! Теща, женщина верующая, в войну всех своих вымолила. Муж со старшими сыновьями с фронта вернулись без единой царапины, младшие и голод и холод пережили. Так что родня у Алексея большущая оказалась! Дружная, веселая, немного заполошная. У самого-то с войны только брат старший вернулся. Да мать, слава богу, жива.

После женитьбы порешили Алексей с Анной с Алтайского края под Новосибирск перебраться, вслед за братом Иваном. Того начальником горотдела тамошней милиции назначили. Городишко небольшой, уютный, зеленый. Любо-дорого! Со временем и остальные родственники один за другим подтянулись.

Ох и нелегко было на ноги становиться! Поначалу жили тяжело, голодно. Случалось, луковицу одну на двоих делили, как лакомство какое.

— Ешь! Тебе, беременной, нужнее, — уговаривал Алексей жену.

Мало-помалу обустроились. Сынок, первенец, родился — Сергунка. И тут выяснилось, что городишко их вскоре под воду пойдет. К тому времени плотину ГЭС начали строить. Постановили власти: быть здесь Обскому водохранилищу. Уж как Анна убивалась! Жалко — сил нет. Ведь только-только обжились.

Раскатали сруб по бревнышку, перевезли подводами на новое место да опять собрали — для матери. А себе Алексей с братом Иваном новые дома срубить надумали: отделяться пора, семьи-то растут. Благо переселенцам лес бесплатно выписывали. Бор сосновый все одно под

затопление шел. Вот власти и разрешили лес пилить на строительство. И государству хлопот меньше, и людям польза. Бери сколько хочешь! Но вывози сам — как сумеешь. А бревна-то семиметровые! На руках, на веревках тягать — с непривычки жилы порвешь. Ну да мужикам не привыкать. Управилась.

Так дома в ряд и поставили: Алексею, Ивану — брательнику да матери — Пелагее. А по соседним улицам — остальная родня. На время строительства по огородам землянок нарыли. Для фронтовиков дело привычное. Так и жили до первого снега. Ну а уж как в дома перебрались, тут оно сразу повеселее стало.

Время шло. Алексей на завод устроился наладчиком. Вскоре его в мастера перевели. Деньжата кое-какие появились. Мотоцикл купили. Живность всякую завели: кур, гусей. Бычка на откорм взяли. На другой год — порося. Вот с этим-то поросем по осени оказия и приключилась.

Подельники

Алексей поднялся рано, даром что выходной: у него на сегодняшний день свои виды были, особые. Потому и не стал дожидаться, когда жена проснется. А не то все планы коту под хвост.

Он накинул телогрейку прямо на майку и вышел на крыльцо. Поежился: ноябрь на пороге. Достал папиросы, прикурил, затянулся. Хорошо! Воскресенье, погодка шепчет. С вечера договорились с соседом, Василь Ивановичем, в мотоцикле поковыряться. Ну и выходной заодно отметить. Не грех после трудовой недели.

В доме на кухне загремели посудой. Леха подхватился было в сторону калитки, да поздно: вышла жена Анна.

— Далеко ли собрался?

— Так, это... с Василь Ивановичем мотоцикл вчера разобрали. Надо до ума-то довести, — засуетился Алексей, поворачиваясь к жене правым боком.

Левый карман, с бутылкой, предательски топорщился.

— Ага! Знаю я ваш мотоцикл. Щас опять на весь день умогаешь. Дома дел невпроворот!

— Да какие дела, Ань? Выходной же.

— Выходной ему. Ты порося-то резать собираешься? Или как? — начала заводиться Анна. — Долго еще будешь волюнку-то тянуть?

Алексей поморщился: это ж на поклон к соседу идти надо, к Петровичу, а с Петровичем они — как на грех! — опять разругались на прошлой неделе. Тут, как ни крути, выход один.

— Схожу сегодня к свояку попрошу.

— Да толку-то от твоего свояка! — плюнула в сердцах Анна.

— Ну не знаю. Он говорит, что на этом деле собаку съел.

— Съел! Да хвостом подавился. Трепло! Он быка тебе уже зарезал. Забыл?

Это да. В прошлом году с быком, действительно, накладочка вышла. Взяли, значит, Алексей с Анной бычка. Хороший бычок. Справный. На Авангарда откликался. Анна где-то откопала имя такое мудреное. Ну а когда пришла пора резать, то Алексей, как человек ко всякому такому смертоубийству неприспособленный, пошел по знакомым да сродственникам за подмогой.

Обычно в этом случае к Петровичу обращались. Лучшего специалиста не сыскать. Да не брал их с Алексеем мир. Петрович хвастун был, каких мало. Взялся раз доказывать, что нет во всей округе, кроме него, никого лучше по части ремонта мотоциклов. А у Лехиного как раз движок задымил и масло изо всех щелей потекло. Уж он и головки перебрал, и клапана новые поставил, и кольца — один хрен! Дымит. Вот и решил Алексей специалисту довериться, соседу то есть. Доверился. Мотоцикл совсем крякнул. Ну, у Алексея душа и не вытерпела. Сорвался. Слово за слово. Петрович рукава уж начал подсучивать. Еле-еле их Василь Иванович растащил.

Так что просить помощи у Петровича не представлялось никакой возможности. Оставался свояк. Тот откликнулся на это дело с готовностью. Он вообще был легким на подъем. Быка ли завалить, огород ли кому вскопать, технику починить — ему все едино. Лишь бы не дома. Дома — девок четыре штуки! Крик, ор. Потому Николай любому поводу был рад со двора смотаться. Так все выходные и полкал* по друзьям да знакомым. Евдокия, бывало, сунется к соседям — к одним, другим. Не видали, мол, моего? Да где там!

— Для начала быка нужно с ног свалить, — со знанием дела втолковывал Николай. — Мы ему ноги веревкой спутаем. Слышь меня, нет?

— Ну, — кивал Алексей. — Дальше-то че?

— Дальше другой веревкой вяжем ему рога — и к столбу какому или забору той веревкой. Поближе. А другую — на себя тянешь. Он на землю упасть должен. Сечешь?

— Секу, — кивал Алексей.

— Ну вот. Как он, голубчик, упал — тут-то ты нож берешь и... того.

— Чего того?

— Чего-чего... Режешь, ешкино коромысло!

Мужики принялись вязать быка. Авангард грозно ревел. К себе не подпускал и всякий раз, когда к нему приближались, норовил незадачливых поделльников насадить на рога. Дело было в огороде. На бесплатный цирк вышла поглазеть соседка. Мужики к быку и так и сяк — тот ни в какую! Пришлось звать Анну. Без нее с быком не сладить.

— Авангард, Авангардушка... Тише, тише. Э-эх... непутевые.

* Полкать — шататься, слоняться (сиб.).

Анна с самого начала сомневалась в успехе предприятия. Доверяла она в таком ответственном деле только Петровичу, с которым Алексей наотрез отказался мириться. И потому Анна раздражения своего не скрывала.

Кое-как опутав Авангарда веревкой, мужики взялись тянуть, поначалу — каждый на себя. Сообразив, что делают что-то навовсе несуразное, наладились тянуть в одну сторону. Толку — чуть.

— Разве ж его такого с места сковырнешь? — Алексей тяжело дышал, утирая пот со лба.

— Да в нем весу не иначе как четыре центнера! — предположил Николай.

— Четыре... Да тут все четыре с половиной будут, — почесал затылок Алексей.

Николай бросил веревку:

— Погоди, свояк! Оплошал я! Есть еще способ. В прошлом году видел, как мужик один быка валил. Тащи ведро со жратвой!

— На кой?

— Тащи, тебе говорят. И кувалду.

Хозяин притащил ведро с кормежкой. Поставил перед быком.

— Вот... — продолжал Николай. — Теперь он, значит, жрать будет, а ты ему промеж рогов кувалдой и саданешь, ешкино коромысло. А как он скопытится — тут ты его и...

— А чего это я-то... кувалдой? Не-е-е, мы так не договаривались.

— Чего не договаривались?

— Как-то это не того... кувалдой-то.

— А ножом, значит, того? Тьфу!

Алексей поморщился. Взял кувалду. Подошел к быку. Тот уже добирал последнее из ведра.

— Не могу, свояк. Что хошь делай — не могу!

— Да етишь твою... — психанул Николай, отбирая кувалду. — И-и-и... эх! — замахнулся и со всей дури саданул скотину по лбу.

Передние ноги у быка подогнулись, и он, как Николай и обещал, рухнул. Алексей облегченно выдохнул. Но радоваться, как оказалось, было рано.

— М-м-му-у-у...

Авангард тяжело поднялся, мотанул головой и, насадив на рога целый пролет изгороди, понесся по огороду, загребая все на своем пути. Мужики гнали как подорванные. На представление, разинув рот, тарашилась соседка.

Коррида продолжалась. Бык одним махом порушил парники и разнес в щепки уборную. Мужики в поисках спасения метнулись на сеновал. Животное еще какое-то время в ярости крушило все подряд и наконец остановилось, в изнеможении опустив рога с остатками изгороди.

Матерясь и чертыхаясь, подельники, улучив момент, спустились с сеновала и рванули за помощью к соседу...

— Ну дак это когда было? — возмутился теперь Алексей. — Тоже мне, вспомнила!

Он заправил штаны в сапоги, запахнул телогрейку и отправился к свояку.

Тот жил неподалеку, через пару улиц. Не ко времени, конечно, с поросем этим затеялись: у Николая жена только вчера родила. Да куда денешься? Своя-то вон всю плешь проела: зарежь ей поросю — и все тут! Ни раньше ни позже. Ну да ничего. Свояк — мужик геройский. Фронтотвик, как и Алексей. Шесть раз в танке горел. На теле живого места нет. А тут дело-то, по сути, пустяковое — свинью зарезать.

Алексей и сам не робкого десятка, на фронте за чужими спинами не прятался да и фрицев этих сколько положил. Так то ж фашисты! А здесь тварь невинная. Жалко.

Он зашел к свояку во двор, поднялся на крыльцо: на двери висел замок. «Вот нескладуха! — подумал с досадой. И тут же повеселел: — Поживет еще порось. Не судьба, видать!»

С легким сердцем Алексей отправился домой. Прошагал улицу, завернул за угол, стал обходить канаву на пути. И тут из лопухов послышалось что-то заунывное и нечленораздельное. Он остановился, прислушался.

Кто-то старательно, со слезой в голосе выводил:

— В рваных шинелях...

Понятно... «Рваные шинели» — коронная песня свояка. Как хватит лишнего, так и затянет.

— Коля, ты, что ль? — Алексей пошел на голос.

Свояк валялся в канаве, в скукожившихся лопухах, подернутых инеем.

— Леха! — размазывая слезы по щекам, всхлипнул Николай. — Она ж мне опять девку родила! Пятую... А ведь сына обещала. Сына! Эх...

Алексей выволок незадачливого родственника на дорогу и потащил до дому. На сегодня экзекуция кабанчику точно отменялась.

К следующему воскресенью Алексей подготовился основательно: нож — поросю резать — наточил, посуду, мешки под мясо приготовил. Все чин чинарем. Со свояком с вечера договорились, что тот будет утром как штык.

Утро выдалось славное. Вчерашняя серая хмарь развеялась. Небо прояснилось. Благодать! Обидно, небось, таким утром помирать-то? Алексей тоскливо посмотрел в сторону сарая.

Хоть и в деревне он вырос, а все ж таки не лежала душа у него к этому делу — скотиняку жизни лишать. Сосед вон... Этих поросят на раз уничтожал. За ногу его заднюю поднимет, хрясь в самое сердце — и готово. Тот и пикнуть не успеет. Да...

Алексей закурил. Вскоре подошел Николай.

— Здорово, Леха. Чего это у тебя рожа такая? Как будто киселя прокисшего нахлебался.

— Ты, смотрю, зато шибко веселый.

— Мандражируешь? — ухмыльнулся свояк.

— Чего мне мандражировать? Делов-то — порося зарезать. Не на фронте, поди.

Николай заглянул в сарай. В загородке заметался не кормленный с вечера кабан.

— Подвинься.

Алексей потеснил Николая, стоявшего в дверях. Поставив на проходе таз со жратвой, откинул засов загородки. Кабан набросился на еду.

— Лопай, лопай, свинота. Порадуйся напоследок, — неестественно хохотнул свояк.

Алексей протянул ему здоровенный нож. Тот повертел его в руках. Отступил на шаг-другой и, построив зверскую рожу, пару раз замахнулся. Сунулся снова в сарай. Свин оторвался от корыта и посмотрел недобро. Свояк замер с занесенным в руке ножом, кончиком лезвия почесал затылок. Алексей наблюдал за его маневрами.

— Слушай, скажи честно: ты сам-то резал когда?

Николай опять почесал затылок:

— Да ведь как тебе сказать, Леха... Помогать — помогал.

— Так и я помогал! — Алексей плюнул. — Тут помогать некому, тут самому корячиться.

— Леха, я вот че подумал: я ж танкист как-никак.

— Предлагаешь на танке его задавить?

— Да я с ножами этими как-то не того. Может, мы его из ружья порешим?

Леха посмотрел на свояка:

— Ты когда-нибудь слышал, чтоб свинью из ружья расстреливали? Что он тебе, диверсант какой?

— Да какая, хрен тебе, разница: стрелять или резать? Ну, станем мы его полосовать — это ж кровящи! Верещать начнет на весь околоток. А так пух — и готово. И животине не мучиться, и мы все в белом. А, свояк?

Алексей вздохнул:

— Думаешь?

— Да че тут думать? Я дело говорю! С ружьем мы на раз управимся. Мы ж из гуманных, понимаешь, соображений!

Хозяин направился в дом.

— Ты чего это? — всполошилась жена, увидав мужа с мелкашкой в руках.

— Чего-чего... Расстрел прописали свиноте твоей.

— Ой, бо-о-ожечки... — всплеснула руками Анна. — Люди добрые! Это ж курам на смех!

— Папанька, и я с тобой! — увязался было за отцом Сергунка.

— Сиди уж! — одернула мать. — Гляди, подстрелят... Те еще убивальщички.

Алексей принес мелкашку Николаю.

— О! — оживился свояк. — Это ж совсем другой коленкор!

— Где приговор в исполнение приводить будем? — хмуро поинтересовался Алексей.

— Так давай в сарае и положим его. А чего? Ему там деваться-то некуда будет. А то начнет еще по всему двору носиться.

— С чего это начнет? — насторожился Алексей.

— Ну как с чего? Мало ли...

— Ты ж сказал, что с первого раза уложишь.

— Да не кипешишь! С первого и уложу.

— Ну, смотри... А то как даст нам — и год досрочно кончится! — хмыкнул Алексей.

— Не сумлевайся, Леха. Все будет зер гут.

Мужики зашли в сарай. Кабан поднял морду от корыта с тюрей, тяжело посмотрел исподлобья.

— Здоровый хрюндель... — уважительно протянул Николай, утирая пот со лба.

Руки его потряхивало.

— Ты давай не рассусоливай, — ткнул его в бок Алексей.

Сам он тоже заметно волновался. Свояк вскинул винтовку, прицелился. Кабан не отрываясь глядел на него.

— Вот ведь, ешкино коромысло!

Николай опустил оружие. Выдохнул. Снова прицелился...

Услышав выстрел, Анна кинулась к окну и увидела, как из распахнутой двери сарая один за другим вывалились мужики. Следом — окровавленный кабан.

Первым бежал Алексей. Бежал на удивление легко! Можно сказать, лихо — высоко поднимая колени, как заправский спортсмен. За ним Николай — спотыкаясь и постоянно озираясь, с мелкашкой в руках, весь белый. Свин жутко верещал, гоня мужиков по двору, точно зайцев. Те металась из одного угла в другой. В конце концов ломанулись обратно в сарай. Кабан — за ними.

Все смолкло. Но не успела Анна опомниться, как кабан вновь выскочил наружу, добежал до калитки в огород — и свалился.

— Ой, божечки...

Анна бросилась во двор, к сараю. Следом — Сергунка.

В проходе сарая и в загородке для свиней никого не было. Она в недоумении огляделась, подняла глаза... Аккурат над загородкой имелся навес для кур. Вот на этом-то навесе, поджав ноги, все в перьях и курином помете, и скрючились свояки.

— Где этот гад? Сдох? — заикаясь, выдавил из себя Николай.

Анна, заходясь от смеха, медленно сползла по стенке.

— Ты че ржешь-то? — пришел в себя Алексей. — Ее мужик чуть жизни не лишился, к свиньям собачьим, а она ржет!

В дверях, раскрыв рот, хлопал глазами Сергунка.

Но не все злоключения на этом закончились.

Порося требовалось опалить. Поскольку паяльной лампы у них не имелось, по-деревенски обложили тушу соломой и подожгли. Сергунка всю помогала, старался, подтаскивал солому. Когда костер запылал, мужики наконец выдохнули.

— Давай, свояк, покурим, — предложил Алексей. — Что-то я сегодня того... перенервничал.

— Да и то сказать! Здоровый, гад, живучий попался. Нет, ты видал, Леха? Как я ему промеж глаз! А ему хоть бы хны. Ешкино коромысло!

Мужики присели на старые покрышки от мотоцикла спиной к костру. Вскоре по двору потянуло паленой щетиной.

— А здорово ты, свояк, трухнул! — хохотнул Алексей, вспоминая, как Николай наматывал круги по двору.

— Это да... Я ведь шесть раз в танке горел, а страху такого сроду не знал! Етишкин дух.

— Хе-хе...

Алексей поднес папиросу к губам и вдруг почувствовал, как кто-то тычет ему в спину.

— Чего тебе, сынок? — обернулся он.

Перед ним, покачиваясь, стоял попаленный, с обгоревшими ушами кабан.

— Вы чего же, ироды, делаете? Вы долго еще над скотиной измываться будете?!

На крыльце стояла разъяренная Анна. За ее спиной испуганно жался Сергунка.

— Да чтоб вам повылазило, лихоимцы! Чтоб вас подняло да ударило! Чтоб вам...

Не дослушав проклятий жены, Алексей рванул к соседу. Вслед раздавался утробный рев кабана.

Пелагея

Суровая была баба Пелагея. Нравная. На расправу, в случае чего, скорая. Спуску никому не давала. А чтоб пожаловаться там или слезу на людях пустить — этого нет, сроду такого не бывало.

Невысокая. Крепкая. Сильная да хватистая. А выносливая — что ты! Не всякий мужик мог в работе за ней угнаться.

Горюшка выпало на ее бабий век с лихвой. В войну мужа потеряла, сына младшего, любимого. Но и тогда слез от нее никто не дождался. Почтальонша — та, что похоронку на сына принесла, — рассказывала потом, как страшно, не своим голосом закричала Пелагея, закаменела лицом и повалилась навзничь. Ноги отнялись. Три дня пластом пролежала. Слова не проронила. Дочка Валюшка от матери ни на шаг не отходила. Натерпелась страху. Никогда она мать такой не видала — думала, что не подыметя.

Поднялась... О сыне, о муже погибшем с тех пор — ни слова! «Вот баба каменная! — покачивали головами соседки. — Ведь ни единой слезиночки не пролила».

Двое старших сынов, слава богу, вернулись. На Иване живого места нет. Алексей — тот аж в сорок седьмом объявился, с японцами еще повоевать успел. И ни царапины! Только вот язву заработал. Сначала в запасном полку впроголодь довелось мыкаться, после на фронте в окружение попал — три месяца траву да коренья жрали. А уж в Маньчжурии, в сопках, окончательно себе желудок утробил. На марше иной раз запасов воды не хватало, так приходилось воду из радиаторов понемногу сливать и пить. Всю жизнь потом Алексей с язвой своей загибался.

Ну вот... А уж как сыновья вернулись, переезжать из деревни в город затеялись. Бросай дом родной, Пелагея! Дело по тем временам непростое: деревенским-то паспортов не давали. Хорошо, старшего Ивана — бывшего фронтового разведчика, капитана запаса — начальником горотдела милиции назначили. Вот его-то хлопотами сначала мать перевезли, а следом и остальная родня подтянулась.

Дом продали, барахлишко разное, скотину. Жальчее всего с коровой-кормилицей расставаться было. Поначалу решили с собой взять. До Камня-на-Оби своим ходом с ней добирались, а как до города, до переправы, дошли да на паром грузиться стали — тут тебе и приехали. Паромщик уперся: не возьму с коровой — и все! Пришлось спешно на скотобойню гнать — не бросать же... А она, коровенка горемычная, как чувствует. Ее ведут, а у нее слеза бежит. Пелагея увидала — сердце зашло. Но все-таки сдюжила. Не дала слезам воли.

В общем, досталось бабе — не приведи господи! Однако не того замеса была Пелагея, чтобы руки опускать: дочь еще на ноги подымать надо — дите совсем, сыновьям помочь.

Ну да ничего. Прижились на новом месте. В городе оно вроде как полегче. Скотину Пелагея заводить не стала, а от огорода куда денешься? Семья растет, внуки.

А тут им еще участок под картошку отвели. И вот ведь одно к одному! Картошку копать, а Алексей, как на грех, с язвой слег. Сноха беременная. У старшего Ивана служба. Только на внуков и надежда. Хотя проку с них мало, маленькие еще: Сергунке с Пашкой по десять лет, Саньке восьмой пошел. Ну да какие-никакие, а все же помощники. Они, конечно, городские растут, избалованные, к работе не шибко приученные. Пелагее это в диковинку: в деревне-то ребятня с малолетства при хозяйстве. Но она к сынам с советами не лезла: пускай уж как знают.

Вилы, ведра, мешки под картошку Пелагея с вечера еще приготовила. Внукам велела, чтобы те к шести утра как штык готовы были.

Чуть свет и поднялись. К тому времени дед Лоскутов за ними на лошади подъехал, кум Пелагеи. Та с ним накануне договорилась. Он как раз в деревню соседнюю по каким-то своим делам стариковским собрался, заодно согласился подбросить их по дороге, а на обратном пути забрать.

По-быстрому скидали на телегу мешки, ведра, вилы. Воды набрали флягу. Пелагея еды прихватила. И тронулись по холодку.

А как до места добрались, тут ребяшня и заскучала сразу. Полю-то конца края не видно! Все травой заросло — лебеда да осот — картошки и не разглядеть вовсе.

Да только с бабкой особо не заскучаешь! Косынку повязала, рукава подсушила — и вперед. Пелагея вилами кусты подкапывает — мальчишки картоху в ведро только успевают накидывать да в мешки ссыпать. Умаялись уж, а Пелагее хоть бы хны, подгоняет да посмеивается:

— А ну, подтянись, пузочесы!

Сергунка с Пашкой сопят, но стараются от бабки не отстать. А Санька — тот знай по полю полкает взад-вперед. Меряет! Сколько откопали да сколько осталось. Старшие братья только пыхтят:

— Вот жучара!

Но Санька и ухом не ведет, рожу морщит озабоченно, глаза закатывает — подсчитывает вроде как в уме. В общем, шибко занят!

С такими работниками Пелагея двенадцать соток не разгибаясь и выпластала. К вечеру откопались. А Лоскутова не видать. Обещал приехать мешки с картошкой забрать, да что-то припозднился.

Ждали, ждали. Пелагея рукой махнула:

— Собирайтесь, ребята! К переправе пойдём.

А те и рады. На лодке через речку куда как интереснее, чем на подводе трястись. Мешки с картошкой ботвой закидали — от чужого глаза. Вещички подхватили, вилы на плечо — и пошагали. А до речки тоже путь неблизкий. Пацаны за Пелагеей еле поспевают. Устали — сил нет.

С горем пополам дошли до переправы. Глядь, лодка цепью к мосткам примотана, замок висит. А перевозчика нет.

— Ну что ж, подождём.

Пелагея бросила вилы и тяжело опустилась на землю. Тоже уморилась.

Прождали с полчаса. Никого. Ребяшня изнылась. Наконец Пелагея не выдержала:

— Где его леший носит?

Огляделась вокруг, подобрала каменюку и давай замок сбивать. Пацаны от удивления рты поразевали.

— Полезайте! — откинув сбитый замок в сторону, командовала Пелагея.

Только мальчишки вещи в лодку скидали — смотрят, со стороны деревни по песчаной косе человек бежит. Первозчик, должно быть. Мужик махал руками и что-то кричал.

Пелагея обернулась на крик. Первозчик приближался. Стало слышно, как страшно он ругается.

И вот ведь! Роду Пелагея была крестьянского, всю жизнь в деревне — какая уж там, казалось бы, культура? — а слова матерного в семье отродясь не слыживала. Ни от отца, ни от мужа, ни от кого другого в род-

не. Да не то чтобы слова поганого! Ни тебе анекдота непристойного, ни шуточки какой сальной. Ни-ни!

Мальчишки увидели, как Пелагея побледнела. Лицо ее сделалось каменным, взгляд стеклянным. Никто и никогда в жизни Пелагею так не паскудил. Она схватила вилы наперевес. И пошла в штыковую.

И, видать, до того была страшна она в ту минуту, что мужик сначала остановился как вкопанный, поперхнувшись грязным словом, а потом развернулся и молча припустил в обратную сторону. Пелагея — за ним. Его счастье, что расстояние между ними было неблизкое.

Пелагея, поняв, что не догонит, замахнулась и что было мочи швырнула вилы в сторону обидчика. Пацаны такое только в кино про индейцев видели.

Вилы воткнулись в песок. Пелагея остановилась. Скулы ее ходили ходуном. Глядя на бабу, внуки поняли: догони она его — каюк мужику.

Домой мальчишки вернулись присмиревшие.

— Чего это с вами? — удивился отец. Выслушав, усмехнулся: — Мать может...

Став постарше, пацаны узнают, какой отчаянной была их бабушка в молодости. Как в Гражданскую мужа своего умирающего из тифозного барака выкрала. Как волокла его на санках домой в зимнюю стужу без малого тридцать верст. Как с того света вытащила, в травах отпаривая в огромной деревянной лохани.

А в Отечественную, когда младшего сыночка, Енечку ненаглядного, мальчишку семнадцатилетнего, на фронт забрали, — так она в районный центр, на сборный пункт, в буран пешком ходила: повидать его, подкормить дитенка. Да наглядеться досыта. Как чуяла, что не вернется.

...Пелагея зажгла в комнате свет. Задернула занавески. Не торопясь, расправила постель. Подойдя к зеркалу, потянула гребень — волосы тяжело упали на плечи. Она медленно расчесала их. Вдруг замерла. Задумчиво провела ладонью по лицу. Из зеркала на нее смотрела немолодая, но еще крепкая и красивая женщина.

Она подошла к комоду, взяла в руки шкатулку и, сев на кровать, достала пожелтевшее, свернутое треугольником письмо со штампом полевой почты. Бережно разгладила на коленях выцветший листок, исписанный мелким уверенным почерком: «Уважаемая супруга моя Пелагея Петровна и вы, детки мои...»

Пелагея читала, беззвучно шевеля губами. А на листок, оставляя мокрые следы, падали невыплаканные бабьи слезы.

По долинам и по взгорьям

В доме Бочарниковых с утра на удивление тихо и спокойно. Бабушка чуть свет со старшими девочками в лес отправилась, за ягодой. Жена Евдокия — в керосиновую лавку, не скоро вернется. Самую младшенькую сестре Анне подкинула — понянькаться. Той в радость. По дороге

еще обязательно к какой-нибудь подружайке своей заглянет. Так что пара часиков у Николая в запасе имелась.

Дождавшись, когда за Евдокией захлопнется калитка, Николай, довольно потирая руки, направился в сенки. Откинув половик, открыл крышку погреба. Спустился.

Умостившись кое-как между бочками с соленьями, аккуратно взял с полки четвертную бутылку зеленого стекла. Бережно отер рукавом. Горлышко было закупорено пробкой из туго свернутой газеты. Он ухватил пробку зубами, потянул — в нос ударил ядреный дух самогона.

— Ух! Мать честна...

Николай вытащил из кармана граненый стопарик. Нацедил. Не спеша пригубил.

— Пойдет.

Вытянув губы, он медленно потянул в себя мутную жидкость. Крякнул. Занюхал рукавом рубахи. По телу разлилось приятное тепло.

Покарабкался наверх, бодро напевая «Марш танкистов»:

Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши люди мужества полны.
В строю стоят советские танкисты —
Своей великой Родины сыны.

Николай вышел во двор. Эх! Погодка как на заказ. Хорошо!

По двору, громыхая цепью, гонялся за курами Валет. Следом за ним мотылялась из стороны в сторону будка. А сама будка была привязана к забору — на тот случай, если Валет вздумает наовсе со двора, вместе с будкой, упереться. Куры суматошно кудахтали, заливался лаем Валет, а на заборе восседал петух, свысока наблюдая за всем этим безобразием. Жизнь кипела.

Щурясь от яркого солнышка, Николай хозяйским взглядом оглядел двор. Дом поставили весной, между бревен еще торчала пакля: всё руки не доходили законопатить. Да и когда? За баранкой же целыми днями! Вот только воскресенье и имелось, чтоб хозяйство подлатать да душой отдохнуть.

Николай работал на автобазе, шоферил на своем выдавшем виды самосвале. Вывозил на свалку отходы с производства: с мебельной фабрики — деревяшки, с радиозавода — некондицию разную. Ну а ежели чего в хозяйстве могло сгодиться — так то домой вез. Не пропадать же добру.

Машинешка у него старенькая, расхлябанная, дребезжит вся. Ему не раз предлагали поменять ее на новую. Заслуженный шофер все-таки. Да он ни в какую! Прикипел к ней. Пропах насквозь железом да бензином. И машина Николаем пропахла — махрой да дешевым «Шипром». Сроднились, в общем.

— Я ж с ней, с милушкой моей, и Крым и Рым прошел! — отмахивался он, бывало.

Николай продолжил обход. Эх... Ему бы материалу подходящего — он из дома игрушечку сделал бы! У него уже и дранка припасена — для веранды, под штукатурку — по случаю приобрел. У забора — лаги для пола, по-хозяйски прикрытые от дождя рубероидом. Рядом шифер аккуратно сложен.

Под навесом верстачок с инструментом. Тут тебе и рубаночек, и стамески, и напильники, и другое разное добро, что любому рукастому мужику в хозяйстве необходимо. Хочешь — строгай, хочешь — пили. Николай задержался у верстака, любовно перекладывая инструмент.

В целом он остался доволен результатами ревизии. Безмятежно пошвыстывая, выглянул на улицу. Посмотрел, не видать ли Евдокию. Не видать...

— Так... Выходим на оперативный простор!

Он вновь взял курс на дом. В погребе, откупорив бутылку, махнул еще стопарик. Подхватил из кадки квашеной капусты и привалился спиной к лестнице.

Хорошо-то как! Дом, детишки, жена... Евдокия — она, конечно, немножко заполошенная, шумоватая. Да разве ж это беда? У других жены — не приведи господи! А его Евдокия — женщина душевная, с пониманием. Да и сам он... И хозяин не хуже других, и на работе его ценят. Нет, жизнь все-таки удалась! В войну-то вон какую страсть довелось пережить. Вспомнить страшно! А так-то жить можно.

Николай выбрался из погреба.

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
 Пойдут машины в яростный поход,
 Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
 И первый маршал в бой нас поведет!

Эх! Сейчас бы к свояку сходить, да тот с утра в Морозово собирался: белила ему там какие-то густотертые приспичило покупать. А Николая так и подмывало поделиться с кем-нибудь переполнявшей его радостью бытия. Не с кем!

Он снова выглянул на улицу — не видать ли Евдокию на горизонте? Улица как вымерла. Посмотрел в сторону дома, опять на улицу, почесал затылок.

— Была не была! — Он махнул рукой и решительно пошагал к крыльцу.

После третьего стопарика Николаю совсем захорошело. Вспомнилась служба, дружки его фронтовые. Сколько их в живых-то осталось? А сколько полегло... Николай всю войну прошел механиком-водителем на танке. Горел шесть раз. Как жив остался?

Последний раз его подбили на западном берегу Одера, под Кюстрином. Выскочил из танка — да под самый минометный огонь! И ведь так гвоздят, гады, что головы не поднять. Пока до первой воронки дополз, не

раз с жизнью простился. А воронка — одно название. Как ни мостился, целиком не помещается. Он уж и так и сяк. Или голова, или зад. Выбери, как тебе больше нравится. Николай рассудил, что голова, как ни крути, дороже. Лежит, мордой в землю уткнулся, а зад наружу торчит. Ну и... аккуратно в самое незащищенное место и прилетело. Вот с таким, можно сказать, срамотным ранением в медсанбат угодил. Сказать кому — неловко.

Впрочем, войну он старался не вспоминать. Заведут, бывало, мужики в компании разговор — Николай все больше отмалчивается. Такая она паскуда, война эта. И подумать тошно. Он не раз замечал: кто честно воевал да всю страсть-то эту видел — тот лишней раз и не поминает ее, проклятую. Не берedit душу. А которые и пороха-то нюхнуть толком не успели — те завсегда герои, те шибче других кулаками в грудь себя бьют.

— Да...

Николай было загрустил, но тут вспомнился ему госпиталь, где он лежал после своего негероического ранения. И медсестра Тонечка.

— Хех! Етишкин дух! — смущенно хохотнул Николай.

И так тепло, так благостно на душе у него стало.

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Вот непутевый! Калитка расхлобучена, дверь в дом настежь. Евдокия поднялась на крыльцо и остановилась, услышав в сенях какие-то завывания. Это еще что такое?

Переступив порог, она увидела откинутую крышку погреба, откуда доносилось задористое, с присвистом:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с бою взять Приморье —
Белой армии оплот...

Из погреба Николая тащили втроем: свояк Алексей, благо он к тому времени из Морозова приехал, сосед его Василь Иваныч да брат Евдокии Митрий — тот как раз в гости заглянул.

— Вы посмотрите, кака подлюка! Да чтоб ты пропал, морда звериная! — голосила Евдокия.

Мужики, заходясь от смеха, кое-как волокли Николая.

— Ну всё... Попьешь ты у меня еще после баньки беленькой, попьешь. Орясина!

Николай же к тому моменту достиг такой степени блаженства, что настроение ему проклятья Евдокии никоим образом испортить не могли. И песню свою он допел!

Райкина свадьба

Свадьба гудела — шумная, веселая, многоголосая! Завальниковы выдавали замуж младшую — Раису. Гуляли третий день. Родня-то немаленькая — под сотню набралось! У одной только невесты братьев да сестер десять душ. Да семьи у каждого. У Евдокии вон пятеро девок. Это Райка припозднилась.

Хотя... как припозднилась? Замуж второй раз выходила, с первым-то не заладилось. Ну да чего вспоминать? Взгляд у Раисы озорной, ямочки на щеках, и вся она такая ладная да живая. Огонь, а не девка! Так и светится, глаз с мужа молодого не сводит. Да и есть на что посмотреть: Юрка парень статный, осанистый. Стеснительный только больно, не чета жене.

А свадьба, как говорится, пела и плясала! Женщины — нарядные, цветастые, шумные. Мужики — те сдержанные, степенные, хоть и лет им всем чуть за тридцать. Фронтовики. А бабенки, оно и понятно, натерпелись за войну, намыкались. Война — она ведь на самые на молодые годочки пришлась, когда только бы гулять да веселиться, петь да плясать. А тут... какие уж праздники? какие наряды? Пахали не разгибаясь да голодовали. Да мужиков своих ждали. Не все и дождались... Вот и на-верстывали теперь, торопились за всю свою молодость покалеченную отгулять да отплясать.

Анна примостилась у веранды под яблоней. Притомилась. Тяжко ей с животом-то. Рожать скоро. Рядом сестры, Валя с Машей, да брат Митрий затащили что-то протяжное.

А Евдокия-то... Глянь-ка! Посреди двора, на сколоченном для танцев деревянном помосте, задористо отбивает дробушки. Рядом, бок о бок с ней, Алексей с гармошкой увивается:

Вот Евдокия, во дает!
Она и пляшет и поет!
Она любого перепьет,
Коль выйдет спор!

А муж Евдокии Николай на лавке сидит, спиной к дереву привалился. Тяже-о-ольий! Да и остальные мужики хорошие уже.

— А пойдёте на речку! — вскинулась Раиса, глядя, как молодой супруг голову к столу клонит.

— На речку! На речку! Ура! — Ребяшня, что расположилась по заборам да яблоням, с визгом посыпалась вниз.

Женщины, накинув на плечи платочки (дело-то к вечеру), с кулечками семечек в руках, на ходу сплевывая шелуху, вышли за ворота и не спеша потянулись к реке. Николай с Алексеем и Сергеем, Валюшкин муж, ушли вперед.

На речке хорошо, свежо. Мужики разделись. Николай, смущенно поправляя черные сатиновые трусы и одергивая майку, окунул ногу в воду.

— Ух ты! Ешкино коромысло!

Отошел подальше. Сделал пару энергичных рывков руками. Разбежался и бултыхнулся с головой.

Мужики на берегу, не торопясь, покуривали, глядя на воду. Время шло. Николай не показывался. Все напряглись.

— Ой, бо-о-ожечки! — заголосили бабы. — Алексей! Че стоите-то? Потонул ведь! Потонул!..

Алексей откинул недокуренную папиросу. Разуваясь на ходу, с разбега сиганул в воду. На берегу затихли, напряженно вглядываясь в речную рябь.

И тут наконец из воды показалась голова Николая:

— Ух! Мать честная... Хорошо!

По берегу пронесся вздох облегчения.

— Живой! Живой! — загомонили бабы. — Напугал, черт проклятуший!

Николай озирался вокруг, не понимая причины переполоха. Ему махали руками и кричали наперебой, пытаясь что-то объяснить.

— Алексей! Алексей!.. — доносилось до Николая.

Он вытаращил глаза, сообразив, что, пока нырял, утонул свояк.

— Ешкино коромысло!

Набрав побольше воздуха в грудь, Николай ушел под воду. В этот момент неподалеку вынырнул утопший Алексей.

На берегу тем временем творилось не пойми что. Каждый кричал свое.

— Закупались! Ой, закупались! До мокрых соплей... — хохотала Евдокия.

— До пузырей!

— Вот ведь полощутся! — хватался за бока Василь Иваныч.

— Да он синий уже!

— К берегу, к берегу гребите...

Алексей только головой крутил да глазами хлопал.

— Алексей, да едрит твою за ногу, мы ж думали, ты потонул! — сплюнул в сердцах Сергеич. — Вылазь, к едрене фене!

— А Николай-то, Николай! — опять заголосили бабы.

Алексей понял так, что свояк объявился. Он осмотрелся, но Николая, однако, нигде не увидел. Тут до него дошло, что это ему на берегу радуются — что он не потонул. А Николая дальше искать надо. Он хватил побольше воздуха и скрылся под водой.

Когда в очередной раз вынырнул Николай, то увидел, как вдоль по берегу, придерживая живот руками, подвывая, бегают перепуганная Анна.

— Ешкино коромысло... — Николай снова ушел под воду.

— Не видать ни хрена! Муть одна! — выныривая и отплеываясь, проорал Алексей. — Течением, видать, отнесло. Не найду!

Воцарилась гробовая тишина.

— Чего стоите, рты раззявили?! Сергеич, помогай! — И голова Алексея вновь скрылась.

— Да... — почесал затылок Сергеич. — Эдак они до ночи бултыхаться будут.

Расстегивая на ходу ремень, он поспешил к воде.

...Когда Алексея и Николая, как мокрых щенят, выволакивали на берег, мужики, откашливаясь, ошалело озирались по сторонам. Бабы подхватили под руки своих незадачливых супругов и, костеря их почем зря, потащили по домам. Так закончился третий день свадьбы в семье Завальниковых.

К ночи у Алексея родился сын.

Послесловие

Я дописываю последние строчки своего повествования. Рядом лежит семейный альбом. Старые, пожелтевшие фотографии не дают забыть лица тех, кого давно уже нет на этом свете. Я листаю страницы альбома. Вновь и вновь вглядываюсь в родные черты.

Для чего я пишу о них? Почему мучаюсь странным чувством вины? В чем она, вина моя перед ними? Перед теми, чьи образы сложились из обрывков, схваченных цепкой детской памятью, и рассказов родителей.

Пишу... А что еще я могу сделать для них? Для тех, чья жизнь в сравнении с моей нынешней была истинным подвигом. Война, голод, работа тяжелая, непосильная... Как сумели они сохранить в себе, несмотря ни на что, любовь к этой жизни, живой интерес ко всему, что окружало их, радость неизбывную? Почему я не умею так радоваться?

Может, в этом вина моя? И имя ей — неблагодарность?

А может, исчерпали деды мои и бабки меру этой радости, роду нашему отпущенную свыше? А я так... по сусекам скребу?

Есть над чем подумать...

*Второе региональное совещание
сибирских авторов*

Сергей ВЛАДИМИРОВ

ДАМА С ЧЕМОДАНОМ

Р а с с к а з

I.

Они встретились на ялтинской набережной в тот самый утренний час, когда солнце еще не столь безжалостно, а легкий бриз несет с моря соленую свежесть. Он — плотный широкоплечий мужчина лет сорока, в синей «гавайке», с чурчелой в одной руке и бутылкой пива в другой. Она — уже не слишком молодая, но все еще привлекательная брюнетка в коротком топе и простой легкой юбке. Проходящие мимо отдыхающие мужского пола с интересом поглядывали на даму.

Пытливый наблюдатель мог заметить, что встреча эта для обоих была чрезвычайно неожиданной и ошеломительной. Женщина уронила чемодан, а мужчина могучим глотком прикончил остатки пива в бутылке.

— Куприна, ты как здесь?! На работу в Крым перебралась?

— А что сразу — «на работу»? — возмутилась дама, нервно протирая солнцезащитные очки. — Я что, как все люди просто отдохнуть не могу? А вот вы, товарищ капитан, что тут забыли?

— Так, это... Крым наш. Мне в управлении путевку льготную по распределению выделили. На одного. Я в Турцию, правда, хотел с семьей, а тут вот... — Мужчина улыбался. — Неужели тебе тоже путевку от профсоюза дали?

— А не ваше дело! Не на службе!

— Справедливо. Куда путь держишь? Давай поклажу помогу нести.

Женщина вдруг обессиленно присела на чемодан и, закрыв лицо руками, разрыдалась. Ее смущенный собеседник неловко оглянулся по сторонам.

— Куприна, ты чего? Ты, это... Прекращай давай. Смотрят же все! Что стряслось-то?

— Ни на каком я не на отдыхе, — донеслось сквозь всхлипывания. — Джафар, скотина, подставил. Езжай, говорит, в Ялту, я там с Сашей обо всем договорился. Приедешь, в «Интуристе» поработаешь,

деньгу заколотишь и отдохнешь заодно. Я, как дура, сорвалась. Приезжаю, а Саша этот с ухмылочкой мне заявляет, что вакансии в «Интуристе» закрыты, но по основным направлениям дикая нехватка кадров.

— То есть по вызовам кататься?

— Ага, «Симферополь — Гурзуф трофи»... Я скорее бежать. Теперь денег даже до Питера не хватит. Куда идти, ума не приложу.

И еще сильнее сотряслась в рыданиях. Капитан сочувственно смотрел на вздрагивающие плечи и хмурился.

— Ну-ка, вставай. — Он решительно потянул женщину за локоть. — Давай свой чемодан и пошли.

— Куда?

— Как куда? В полицейское логово, конечно. Думаешь, я тебя, Куприна, в Питере гоняю, а тут с рук сойдет? Пошли, пошли. И слезы вытри уже. Вот чурчхела. Ешь — вкусная. Я только чуть-чуть откусил.

II.

«Полицейским логовом» оказался маленький симпатичный пансионат без вывески, за высоким забором. В вестибюле обнаружился скучающий портье с холодным взглядом профессионального цербера.

— Вот, — заявил Капитан, бухая на мраморный пол тяжелый чемодан и утирая пот, — жена нагрянула. Даже не предупредила. Как бы нам вопрос с ее устройством решить?

Неожиданный визит супруги портье не удивил. Он моментально высказался в том духе, что женщины непредсказуемы. Бывает, что не только жены, но и сразу по две дочки приезжают, племянницы, троюродные сестры. И конечно, вопрос с устройством мгновенно разрешится, для чего потребуется в первую очередь паспорт супруги.

Капитан интимно ухватил служителя за плечо и оттащил в сторонку.

— Слушай, дружище. Она у меня ревнивая до ужаса. Решила, что шуры-муры тут развожу, кинулась проверять сломя голову. Так спешила, что в аэропорту чемоданы с кем-то перепутала. Документы у нее в багаже остались. Ты уж меня выручи, а я не забуду.

Искуситель демонстративно выудил толстый бумажник и вопросительно взглянул на портье.

Вскоре женщина оглядывала уютный номер.

— И что все это значит? — поинтересовалась новая постоялица пансионата.

— Это значит, что сейчас ты разберешь чемодан, примешь душ, переоденешься, а потом продолжим объяснения. И тихо мне! — прикрикнул Капитан, видя, что собеседница пытается возразить. — А не то кругом и шагом марш на вокзал! В аэропорт... или как ты там домой добираться хотела.

Приблизительно через полтора часа пара уже сидела в одном из многочисленных ялтинских ресторанчиков. На столе ароматно дымился шашлык, стояли вино и фрукты.

— Ну, за встречу, — провозгласил Капитан.

Звякнули бокалы. Женщина, потягивая вино, смотрела на мужчину.

— Ну давайте, товарищ капитан, объясняйте, — поторопила она, — а то пока у меня складывается впечатление, что меня снимают.

— Так, Куприна, зови меня просто — Капитан. И давай на брудершафт выпьем!

Они выпили на брудершафт. От вина щеки женщины порозовели. В глазах вспыхнули дерзкие искорки.

— Ну хорошо, Капитан. А ты не боишься посреди Ялты с путаной пить? Вдруг увидит кто?

— Я не с путаной пью, а с землячкой, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, — парировал он.

— Так и скажешь жене, если что, или в службе собственной безопасности?

— Так и скажу, — пожал плечами Капитан.

— И что тебе, отчаянный, от меня нужно?

— Ты такая странная, Куприна! — удивился Капитан, подливая вина в бокалы. — Вот я на тебя уже три года чуть ли не каждую неделю протоколы составляю. Затем приезжаю отдохнуть, а ты сидишь посреди курортной набережной на чемодане и ревешь. Мне что, нужно было раз-вернуться и уйти?

— Да какое тебе дело?

— Да никакого. Но это как-то не по-человечески... Ты в Крыму бывала раньше?

Женщина покачала головой.

— И я нет. Вот мы тут с тобой встретились, два питерца...

— Я из Вологды.

— Ну хорошо, все равно. Встретились двое здесь в первый раз, и у одного из нас проблема. Мимо пройти — как-то не того.

— И что предлагаешь?

— Ты, это, только чего не подумай. В общем, я предлагаю тебе неделю полноценного отдыха. Со всеми делами: море, солнце и песок. Я плачу.

— А я чем расплачиваюсь? Как всегда, натурой?

— Тебе не стыдно, Куприна? У тебя такая фамилия благородная! Твой однофамилец «Даму с собачкой» написал, а ты...

— Это Чехов написал.

— Тоже писатель? Ну, в общем, никакой натуре. Считаю, что мне скучно куковать одному, а тут раз — и ты. Есть с кем пообщаться. Ну, согласна?

— А не пожалеешь?

— Чего?.. Эй, девушка, еще бутылочку молодого крымского!

— А купаться ночью будем?

— Да легко.

— Ну, считай, уговорил. Но с тебя холодное шампанское.

III.

Это была самая обычная курортная неделя. Капитан со своей компаньонкой вставали с рассветом и сразу отправлялись на пляж, где в самые приятные утренние часы нежились на солнце. Капитан с разбега кидался в море и долго плавал саженьками. Его спутница заходила в воду максимум по грудь и от предложений научить ее плавать решительно отказывалась.

Однажды он все-таки коварно подкрался сзади, схватил ее и, невзирая на визги и брызги, потащил в морскую пучину. Насилу удалось уговорить его смилостивиться.

Обычные туристические маршруты Капитана, как выяснилось, не слишком привлекали, но ради женщины он делал исключение и позволял увлечь себя то на Пушкинскую аллею, то на канатную дорогу. Посещение комбината «Массандра» привело его в полный восторг.

Как-то раз он заявил, что быть на юге и не отведать настоящей чачи — преступление против человечества. Так они оказались в каком-то уютном подвальчике, оформленном в грузинском стиле. Чача превзошла все ожидания.

— Куприна, вот скажи, ты президента одобряешь? — допрашивал раскрасневшийся Капитан. — Вот что ты молчишь?.. Тянет мужик страну, тянет. А ему палки в колеса вставляют всякие.

В ответ спутница заявила, что про президента ничего плохого сказать не может, а вот среди депутатов попадаются разные козлы. А еще был один оппозиционный политик, который заставил ее раздеться, надеть маску Сталина и хотел отхлестать плеткой.

Почему-то Капитана эта тема взбесила, и он рявкнул, что политику этому плетку засунет в одно место и, если Куприна даст свидетельские показания, засадит его на тысячу лет и два дня, до самого светопреставления.

Как добрались в этот вечер до пансионата, они не помнили...

Но особенно хороши были ночные купания в ласковом, непроглядно-чернильном море. Здорово было, выйдя из воды, опуститься на песок и долго молчать, вглядываясь в пылающее южное небо.

А потом был последний вечер уходящей недели. Был купленный авиабилет до Питера. Был берег. Пляж. Были он и она. Женщина вышла из воды, легла рядом с мужчиной и склонила голову ему на плечо.

— Ты не думай, — сказала женщина. — Я не расплатиться с тобой хочу.

Капитан молчал, однако она чувствовала, как он напрягся.

— У меня первый раз в жизни так — когда я ни о чем не думаю, когда обо мне заботятся. И это море, которого я, может, больше и не увижу. И... просто хороший, надежный мужчина, которого я могла бы полюбить, но никогда этого не сделаю. Это как коротенький отрезок совершенно другой жизни, которой у меня никогда не будет. Так глупо не поставить на этом отрезке самую логичную точку. Если ты не захочешь целовать меня, я пойму.

Она говорила это и думала, что если он прямо сейчас оттолкнет ее, то внутри у нее все разорвется от горя и разочарования.

Он не оттолкнул. И губы его были теплыми и солеными.

IV.

В аэропорту было многолюдно. Люди прилетали и улетали. Одни — полные надежд, другие — удовлетворенные или раздосадованные. Мужчина и женщина стояли у стойки регистрации, стараясь не глядеть друг на друга.

Она подняла голову и улыбнулась:

— Еще раз спасибо тебе. Ты замечательный, правда! Ни о чем не думай и не сожалей.

— И не собирался, — заверил Капитан.

Она почему-то ждала, что он попросит ее позвонить по прилете. Но он ничего не просил, просто стоял и улыбался одними губами. Такими теплыми.

— Мне пора, посадка. — Она мимолетно коснулась его плеча и решительно пошла прочь вместе со своим несуразным чемоданом.

— Скоро увидимся! — крикнул он бодро вслед.

Она вздрогнула как от удара, а он подумал, что нужно сегодня непременно заглянуть в тот грузинский подвальчик, где им было так хорошо с Н. А. Куприной, 1983 года рождения, уроженкой Вологды.

Он так и сделал. Безумно напился, до самого рассвета сидел в одиночестве на прибрежном песке и бормотал себе под нос:

— «Симферополь — Гурзуф трофи»...

«Не думай и не сожалей», — ласково шептали в ответ волны. И это было правильно.

Андрей АНТОНОВ

ОДА РЕГИОНАЛЬНОМУ ПОЭТУ

* * *

Сколько страхов угнездилось
в сердце маленьком моем.
Говорят, есть Божья милость!
Говорят, есть Божий гром!

Как он жажнет, как он свистнет!
Все благое — далеко!
И душа от слез прокиснет,
как грудное молоко.

Как же мне переиначить
эти страхи, этот гром?
Бог заплачет, сам заплачет
в сердце маленьком моем.

Мир накроет страшный ливень,
забабахает гроза.
Будет ливень непрерывен!
Будет ливня — за глаза!

Прощание с домом

Прощайте, старые кусты.
Прощайте, заросли крапивы,
чердак, где юные коты
друг другу воскрыляют гривы.
Прощайте, тесные углы
провинциального жилища,
веками сбитые полы
и сладковатый дух гноища.

Прощай, соседский приговор
и бытовое разногласье.
Я был для вас поэт и вор,
а стану притчей в одночасье.

Прощай, запечная родня
и древние умы подвала,
вам доставалось от меня
за своеволие немало.
Вы променяли на бобы
свое земное первородство
и человеческой судьбы
узнали горькое сиротство.

Изгнанники полей и рощ,
благословляю день исхода!
Призвание ваше — день и ночь
плодиться в сумерках комода.

И я, изгнанник на земле,
трясусь пред дверью гробовою.
За ней — все стрелки на нуле,
за ней все станет трын-травою.

Но верю: этот тихий дом
от сердца память не отнимет.
Небес нездешних Ветхий том
душа откроет и обнимет.
Страницу каждую прочтет
не раз, не два, а сотни, тыщи
и всех простившихся — найдет,
и всех нечаявших — отыщет.

Мама

Помню, мама говорила:
«Вырастешь большой,
и стихосложенья сила
совпадет с душой».

Выйдут в море пароходы,
чайки за кормой.
Все закаты и восходы
Подведешь сурьмой».

Так и стало, так и было
много, много лет,
но теперь пропала сила,
изошла на нет.

То ли беды, то ли годы
силу извели.
Пароходы, пароходы
встали на мели.

Ни направо, ни налево,
ни вперед-назад.
Намертво стихи заело,
трубы не дымят.

Что же делать стихоплетцу,
где найти ответ?
Мама шутит и смеется,
щурится на свет.

Не пойму тебя я, мама,
радости твоей,
без стихов сползаю в яму
темно-синих дней.

Мама с берега мне машет,
гул земной затих:
«Без стихов прожить не страшно,
страшно — ради них».

В темноте прилив качает
лампу на столе,
мама щелкает, включает
солнце на земле.

Ода региональному поэту

1.

Достался маленький талант
провинциальному поэту.
Он знает аксиому эту
и, выступая, птичий бант
всегда цепляет на пиджак,

как личный знак преодоления
границ, отмеченных с рождения,
как собственной победы знак.

К его причуде мир привык,
а он, суровый и печальный,
хранит свой дар региональный
и совершенствует язык.

Давно в разводе. Семьянин,
увы, не вышел из поэта.
Он дятел слова, рыцарь света,
певец холмов среди равнин.

Налоги платит. Бога чтит.
Лет двадцать состоит в союзе.
Почти не доверяет Музе,
его от Музы коротит.

Душе лениться не дает,
но перековывает мало
мечи глаголов на орала,
он больше невзначай кует
то, что находит на земле:
перо, железки, пирамиды,
небесных фабрик неликвиды,
района заводского виды,
ребро Адама, тень Колхиды
и даль последнюю во мгле.

В смятенье, за чертой ума
он видит *призрака в доспехах*,
но эту мысленную вежу,
как эхо, поглощает тьма.

Вина не пьет. Не курит дурь.
Зимой всегда — коньки и лыжи,
а летом, чтоб поэту выжить,
хватает майских гроз и бурь.

Зачем он пишет? Что гнетет
его мозги со средней школы?
Какие слышит он глаголы,
когда грохочет небосвод?

А если слышит что-то там,
то разве воплотит, откроет
нездешнее и роковое
такой редукторный талант?

Что может чудного поэт
сказать, чего не знают боги,
о мире, где поют миноги,
зрачком зеркала лунный свет?
Где золотой Левиафан,
сверкая чешуей гламурно,
играет кольцами Сатурна,
тревожа древний океан.

...Поэта злит избыток сил
стихий надмирных, звездной славы,
непостижимых, как забавы
двух мотыльков среди могил.
Несообразность красоты
земному подлому порядку
его влечет на спортплощадку,
жечь кортизол до черноты.

Ежу понятно: не поднять
ему классическую лиру
и никогда не пухнуть с жиру,
воспринимая благодать
прекрасных образов души,
где голос свыше раздается,
и ничего не остается,
как только вечность сторожить.

Умрет поэт. Его стихи
друзья запостят в Интернете,
на местном радио, в газете
восславят. Пару панихид
отслужат в храме, через год
пиджак припомнят, бантик птичий,
как был он веку органичен,
потом забудут от и до.

2.

Реестр великих — теплый прах.
В нем оказалось много званных,
но мало избранных и равных
самим себе в своих стихах.

Забвение — не приговор.
Поэту верится, в грядущем
он будет вновь среди живущих,
когда, судьбе наперекор,
среди миров чужих, ревущих,
в глуши библиотечной кущи
найдет читатель-пилигрим
зеленый томик и склонится,
как неофит над плащаницей,
в молчании ума над ним.

Достался маленький талант
поэту с заводских окраин,
он знает, что другим не равен,
что не сверкает, как сервант,
в поэзии, что духом слаб
и техника стиха подводит,
что много пишет о погоде
и вообще не тот масштаб.

Он знает, но творит за всех
погибших на сраженьях бранных
без книг, без персональных данных,
без притязаний на успех.
И ограниченный, как нимб,
со всех сторон средой и тленом,
поэт в восторге вдохновенном
поет, бессмертными храним.

Дмитрий ЛЕГЕЗА

ПОСЛЕДНИЙ БЕЛЫЙ НОСОРОГ

* * *

В мае в ботаническом саду
У Тосэя ветром сдуло шляпу,
У поэта старого Тосэя —
Новую соломенную шляпу.

В этом удивительного мало:
Новое не держится на старом,
Но всего обиднее, что в мае
Почему-то май и не настанет.

В книге посетителей читаем:

«Сдуло у Тосэя молодого
Старую соломенную шляпу.
В этом мае, ветреном и странном,
Сакура еще не зацвела».

Изгнанные

...Послышался голос: «А знает ли кто твои стихи
Наизусть? И те, кто знает,
Уцелеют ли они?» — «Это забытые, —
Тихо сказал Данте, —
Уничтожили не только их тела, их творения — также».
Смех оборвался. Никто не смел даже переглянуться. Пришелец
Побледнел.

Б. Брехт, «Посещение изгнанных поэтов»

Хотел придумать рай для поэта — и вот тебе на:
Ни пиров Валгаллы, ни сочных гурий Джанната.
Только ранняя осень и домик над озером, и луна,
Кисточки, тушь, бумага — большего и не надо.

Наблюдать за дорожкой лунной, слушать шорохи камыша,
Рыбы тихий плеск да птичий крик над водой,
Так сидит поэт, и кисточкой, не спеша,
Он выводит строки — одна прекрасней другой.

И приходят друзья — Вергилий, Овидий, Дант,
 Пьют вино, головами кивая: «Ты гений, блин!»
 А потом я внезапно взял и придумал ад —
 То же озеро, кисточки, строки... но ты один.

О героях

«Ты — герой, а герои уходят в рай,
 Как героев их встречают в раю», —
 Это наш полковник бесстыдно врал,
 Перед тем как жизнь отобрать мою.

Мы ушли выполнять боевой приказ,
 И, конечно, навеки остались там,
 Чтобы кто-то далекий, узнав о нас,
 Позавидовал мертвым нашим телам.

Позавидовал нашим портретам,
 Позавидовал орденам
 И пошел по нашему следу,
 И, конечно, остался там.

«Всем ушедшим героям — слава,
 Мы легко их ряды пополним», —
 Говорили вражеский снайпер
 И невражеский наш полковник.

Льется песня боевая — то отступит, то накатит,
 Были б руки, были б ноги, я б и сам пустился в пляс.
 А в раю-то места мало, всем солдатикам не хватит,
 Вы, которые живые, помолитесь-ка за нас.

* * *

Ангел-бабочка Маруся
 Все порхает и поет,
 Ожерелье белых бусин
 Разорвала — раздает.

Получи-ка, брошенка,
 Жемчуга горошинку.
 От тебя ушла жена?
 Вот чудесный шарик — на!

Ангел-бабочка Маруся,
 Ах, воздушный акробат,
 Не жалея белых бусин,
 Раздает их всем подряд.

Даже зэку Кузину
Подарили бусину,
Тот ее закинул в снег.
«Счастья нет», — смеется зэк.

Почти гумилевское

Сегодня нам сказали: умер
Последний белый носорог.
Последний северный великий африканец —
Мы (были) современники его —
Лежит, уткнувшись в бурые пески
Своей нелепой головою,
Похожею на зуб огромный коренной,
Зачем-то перевернутый природой.

А левый глаз упавшего гиганта
Еще открыт — там озерцо белеет
И уступает бурому песку.
И наступают бурые пески
На север, где политик хитрозадый
Увидит в этом знак — мол, скоро сгинет
Последний белый человек. Но мы
Чураемся подобных аллегорий.

Белорусское

Что такое дорога в лесу?
Безмятежности тяжесть большая.
Я иду и конфетку грызу,
Кое-как тишину заглушая.

А у вас, говорят, замело
Петербурга дворы и болота,
А еще агитируют зло,
А еще отравили кого-то.

А еще опустела казна,
Император кричит на бездарных
Исполнителей. Здесь же — сосна
И какой-то колючий кустарник,

И далекий серебряный звук,
Будто звон колокольный с Коложи.
Жаль, дорога кончается вдруг,
И конфета кончается тоже.

Александр ФОМИЧЕВ, Роман ЯКОВЛЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ СИБИРСКИХ ЗООЛОГОВ В ИРАК

Вместо вступления

Наука делается не только в кабинетах.

Астроном дежурит в обсерватории, геолог работает в горах, на островах, в прибрежной зоне, энтомолог гоняется за бабочками и жуками по лесным полянам, пробивается сквозь тропические заросли, арахнолог (исследователь паукообразных) заглядывает под камни. У каждого — свое. Но одно дело обнаружить новый вид паука или бабочки на родном Алтае, на юге Западной Сибири или в Приморье, и совсем другое — отправиться за научной добычей в Таджикистан, Монголию, в Сирию или даже... в Иракский Курдистан. О трагических событиях на Ближнем Востоке мы слышим постоянно. Целые страны разрушены, охвачены войной, какие уж тут занятия наукой? «Ожидать хоть какого-либо прогресса в изучении фауны Ирака в ближайшие годы не приходится». Это утверждают Роман Яковлев и Александр Фомичев — наши земляки, талантливые биологи и авторы настоящих заметок. Не каждый путешественник сумеет так ярко и точно выразить свои ощущения, как это удается им. «Неожиданно мне был задан вопрос теистического характера: в какого я верю бога? Я ответил, что являюсь атеистом. Полицейские не поняли такого ответа. Я объяснил, что для меня не существует ни одного бога. В ответ на это ошарашенные полицейские начали подсказывать мне, что, возможно, я верю в солнце...»

Кто же они, авторы публикуемой нами рукописи? Почему, каким образом они попали в столь далекие, в столь опасные места? Что их туда привело?

Любопытство, отвечу я. Самое развитое чувство человека.

Роман Викторович Яковлев — профессор Алтайского государственного университета, доктор биологических наук. Он занимается систематикой и зоогеографией чешуекрылых — отряда насекомых, включающего в себя не менее двухсот тысяч видов. Некоторые из них (к примеру, бабочки-фитофаги) являются серьезными вредителями сельскохозяйственных культур и продуктов пчеловодства. Уже есть смысл заниматься ими. Вот профессор Яковлев и занимается, в том числе древоточцами, как бич божий уничтожающими деревья кофе и какао, кусты чая, яблони, груши и пр. Опыт профессора Яковлева велик, он авторитетен, его приглашают в разные страны — консультировать профессиональных энтомологов. Он участник и организатор многих экспедиций в Латинскую Америку, Африку, Монголию, в

азиатские регионы России. Он автор двенадцати монографий и более двухсот научных работ. В его честь названо более десятка видов насекомых, пауков, растений.

Александр Анатольевич Фомичев — аспирант и друг Романа Яковлева — занимается пауками Центральной Азии. На сегодня эта группа членистоногих насчитывает сорок семь с половиной тысяч видов, а ведь описаны еще далеко не все ее представители. Пауки — создания активные, за долгие эпохи своей эволюции они захватили практически все природные зоны нашей планеты: полярные пустыни, тропические леса, глубокие пещеры, вершины снежных гор. Появившись в немыслимо далекие, древние времена, развиваясь, они достигли такого совершенства своей организации, что по сложности своего поведения, своих инстинктов пауки стоят сейчас, скажем так, на самой вершине себе подобных. Не очень приятные (с точки зрения обывателя) создания, пауки играют огромную роль в природе, регулируя численность самых разных вредных насекомых. Прекрасный, успокаивающий подход. Но когда Саша Фомичев, будучи в гостях у меня, принес в стеклянной банке нечто, на мой взгляд, вполне ужасное, мысль о полезности такого существа как-то не сильно ободряла меня. А Саша ими любит: «Не бойтесь, он не укусит!» Несмотря на молодость, Александр Фомичев опубликовал уже три десятка научных работ. Упорно разыскивая пауков, а также их родственников (так он сам называет скорпионов, ложноскорпионов, сольпуг и сенокосцев), Александр объехал и обошел многие районы Русского и Монгольского Алтая, Джунгарского Алатау, Тянь-Шаня, Западного Саяна, хребты Танну-Ола и Тарбагатай. Хорошо знакомы ему пустыни южного и западного Казахстана, Джунгарская и Заалтайская Гоби.

Многие представители класса паукообразных ядовиты, однако и от самых опасных пауков можно уберечься.

А вот от людей, от их тотальной подозрительности уберечься труднее.

«Все в наших сумках было грубо и зверски перелопачено. Была разрезана даже упаковка с халвой: вдруг пластичная взрывчатка? Ноутбук Романа имел следы грубой разборки — был даже отломан уголок его крышки. В моем багаже не хватало некоторых вещей утилитарного назначения, очевидно, сейчас эти вещи используются полицией Иракского Курдистана». И оцените, какая замечательная деталь: «В фотоловушке обнаружился снимок верхней части лица полицейского, проводившего обыск».

Что ж, тоже научная добыча.

Любопытство (научное) и привело Романа и Александра в Иракский Курдистан.

Увиденное ими поражает. Я говорю это потому, что средства массовой информации давно уже приучают нас к происходящему в мире. Перестанешь воспринимать происходящее, ведь это не у нас, это где-то там идет война, это где-то там гибнут люди... Но мир тесен. Мир един. Мы просто не знаем деталей, не вдумываемся в них. А вот Мосул, растерзанный и разбитый. «Город, где были закрыты учебные заведения, где расстреляли всех футбольных болельщиков, где в кислоте растворили всех геев, где молодых женщин продавали и меняли на автоматы, где детям рубили руки за то, что они не могут расстреливать осужденных на смерть...»

Мы, люди, с собой еще, в сущности, не разобрались, надо ли рисковать, разыскивая все новые и новые виды бабочек и пауков?

«Неважно, что полный комплект карт Северного Ирака был скачан с общедоступного сайта в Интернете... Фотоловушка мы, конечно, собирались (с точки зрения полицейских) использовать для сбора фото- и видеоматериалов, регистрирующих передвижения бронетехники и живой силы пешимерга... Ультрафиолетовые лампы, конечно же, предполагалось использовать не для ловли каких-то там никому не нужных бабочек, а для маркирования участков для нанесения минометных и зенитных ударов... Заспиртованные пауки и скорпионы в пробирках представляли собой не более чем прикрытие, причем совершенно идиотское и неправдоподобное, что-то вроде нелепой детской отмазки... Объяснить что-либо мы могли лишь своим сокамерникам, да и то с трудом. Например, все считали, что я (Александр. — Г. П.) был невесть как попавшим в Ирак российским солдатом, видимо, забредшим из Сирии. Такое мнение сложилось лишь из-за того, что на мне были камуфляжные штаны и я хорошо отжимался от пола...»

Дочитываешь страницы, написанные Романом Яковлевым и Александром Фомичевым, и вдруг (с облегчением) понимаешь, что они делают правильное, очень нужное (всему миру) дело. Понимаешь, что у нас до сих пор много ученых, полных здорового любопытства, много, скажем так, настоящих парней. К счастью, не все еще (как может показаться при постоянном сидении перед экраном телевизора) в России занимаются продажами и перепродажами, не все сражаются в телевизионных шоу за «новые ценности». Традиции, культура, наука у нас не умерли. Они — наше дело.

Читайте и думайте. Одна только просьба: не старайтесь что-либо повторять.

Далеко не все в жизни следует повторять.

Но ко всему надо быть готовым.

Геннадий Прашкевич,
Новосибирск

1. Неожиданная возможность

Александр. В экспедициях не так много свободного времени. С утра и до позднего вечера, а часто даже и ночью, каждый занят как своими научными делами, так и решением различных общих проблем экспедиционного быта. Однако по вечерам, в редкие минуты досуга, выпив рюмку-другую, чего греха таить, мы предаемся различным «дискуссиям». Одна из любимых тем подобных дебатов — это в какой бы еще богом забытый угол Азии нам отправиться. Как правило, эти мечтания не заходят дальше таких стран, как Таджикистан и Китай. Но внезапно зимой 2017 г. у нас появился задел для экспедиции в такие места, о каких мы и не мечтали...

Роман. Все началось довольно прозаично. Мой студенческий друг, курд по национальности, получивший образование дантиста в нашем Алтайском медицинском университете, вдруг после восемнадцатилетней нашей разлуки объявился в замороженном Барнауле с целью поступления в аспирантуру. Мы встретились, и я узнал, что он переехал из Сирии и сейчас живет в Иракском Курдистане, имеет частную практику, семью, двух расчудесных ребятишек и вообще не бедствует. Саид совершенно не забыл русский язык, мы ходили по городу, мимо дома, где он жил. Мой друг удивлялся, как поразительно изменился город, действительно ставший и чище, и приятнее со времен перестройки.

Мы шутили, смеялись, вспоминали разные студенческие истории. Саид остановился в Центральной гостинице, встретился он и с другими однокашниками. В ходе всех этих тусовок я выяснил, что мой товарищ, любивший в студенческие годы «заложить за воротник», сейчас окончательно исламизировался, ведет трезвый образ жизни, следит за весом, предпочитает рыбу, а из пагубных пристрастий сохранил лишь любовь к курению.

Конечно, за время всех этих посиделок я — в силу своего интереса к путешествиям (в особенности по Ближнему Востоку и Центральной Азии — из-за малой энтомологической изученности этих регионов) — расспрашивал его о природе Северного Ирака. Мой товарищ, не очень тяготея к пониманию природы, дал прекрасную характеристику: «Много гора, много всякого». Удивительными были его рассказы о благополучии, спокойствии и благоденствии этой территории. Конечно, он звал в гости.

После отъезда Саида домой я внимательно изучил разные ресурсы — о Курдистане.

Регион этот изучен слабо. Фрагментарные заметки о фауне насекомых Ирака в 40—60-х гг. публиковал известный британский дипломат и энтомолог Эдвард Вилтшире. По понятным причинам позже исследования в Ираке были значительно затруднены, а в последнее десятилетие — абсолютно невозможны. Мысль посетить Ирак появилась, но — под влиянием ряда обстоятельств — постепенно дезактуализировалась.

Второй визит Саида в Барнаул также прошел продуктивно, мы ходили в ресторан, забегали в медицинский университет — в общем, приятно проводили время. И опять рассказы — как все хорошо, какая там у них сытая и мирная жизнь, что уж теперь курды получают свои законные земли и т. п. Одним словом, «много гора, много всякого». Позже мы болтали о возможности поездки дома с женой, со студентами. Меня совершенно не удивило, что верный науке Саша Фомичев был готов к поездке. Испытывая охотничий азарт, я понимал, что, если жизнь в Курдистане действительно стабильна, мы можем стать первыми энтомологами, которые войдут на эту территорию и получат значительный научный приоритет.

Интернет, действительно, был насыщен разными материалами о стабилизации в Северном Ираке: о развитии туризма в Курдистане, строительстве фешенебельных отелей и тому подобных достижениях.

2. Место действия

Александр. Ирак — государство на Ближнем Востоке, которое у всех на слуху, репортажи из которого каждый день можно услышать в выпусках новостей. Ирак — страна древнейшей культуры, именно здесь зародились первые цивилизации. Еще в среднем палеолите, 50—70 тысяч лет назад, на территории, которая впоследствии стала называться Республикой Ирак, жили неандертальцы. В междуречье двух величайших рек Ирака — Тигра и Евфрата, в Месопотамской низменности, зародились такие цивилизации, как Шумер, Вавилон, Ассирия. Возможно, шумерская цивилизация вообще является наиболее древней в мире.

Несмотря на все это, в массовом сознании Ирак прежде всего ассоциируется с войнами. И, к сожалению, абсолютно заслуженно. Вся история Ирака — это история практически безостановочных боевых действий, сопровождавшихся различными зверствами. Как хорошо всем известно, и сейчас (с момента вывода американских войск в декабре 2011 г.) в Ираке идет гражданская война.

На гористом севере Ирака находятся мухафазы (провинции) Дохук, Эр-биль, Сулеймания и Халабджа, составляющие автономное курдское государственное образование — Иракский Курдистан. Курды — народ, живущий не только в Ираке, но также и в Сирии, Турции и Иране. Постоянно притесняемые турками и арабами курды были вынуждены отчаянно воевать на протяжении всей своей истории.

Территория Северного Ирака представляла огромный соблазн для нас обоих — и для лепидоптеролога, и для арахнолога. И причин тому было несколько. Прежде всего — это почти нулевая изученность фауны членистоногих Ирака. Для того, чтобы проиллюстрировать это наглядно, достаточно привести пример с пауками, которых с территории всего Ирака известно всего тридцать три вида! Для сравнения: в соседней Турции обитает более тысячи видов, а в Иране — более пятисот. Причем большей частью пауки, известные с территории Ирака, были собраны давным-давно и главным образом в окрестностях Багдада, который расположен на значительном удалении от Иракского Курдистана.

В качестве второй причины, по которой Иракский Курдистан не может не заинтересовать зоолога, выступает само богатство его природы. Северный Ирак — это вовсе не пустыня, это высокие горы, обильные реками, в которых сухие и скалистые пространства, поросшие кустарниками, соседствуют с влажными субтропическими лесами и заснеженными вершинами. В горах на границе с Ираном и Турцией до сих пор обитают малоазиатские леопарды и полосатые гиены, а среди рептилий встречаются неизвестные науке виды, чего уж говорить о бабочках и пауках!

Ну и наконец, помимо всего этого, было еще кое-что, что подтолкнуло нас к поездке в Ирак. Этим «кое-чем» было желание удостоиться чести стать первопроходцами в изучении бабочек и пауков этой совершенно не исследованной и по большому счету закрытой для зоологов территории. Кроме того, экспедиция в Ирак была важна для нас еще и потому, что в своих полевых работах мы обращаем внимание не только на свои собственные группы — бабочек и пауков, а собираем материалы и для многих других исследователей. При нашем появлении в какой-либо местности не могут чувствовать себя в безопасности ни жуки, ни многоножки, ни даже растения.

Совокупность всех вышеперечисленных факторов заставила нас принять решение: мы едем в Ирак. Визы для посещения Иракского Курдистана (визы, выданные Республикой Ирак, то есть Багдадом, не дают права на пребывание на территории курдской автономии) мы без особого труда получили в представительстве Регионального правительства Курдистана в Москве. Для получения визы потребовалось только приглашение от Саида. В представительстве нас заверили, что мы не пожалеем о своем решении о поездке в Иракский Курдистан и еще будем «ездить туда с детьми».

Роман. Саид организовал приглашения для нас. В представительстве Курдистана в Москве отвечали милым женским голосом. Подкупила меня одна фраза: «Ну что вы, какая опасность? Вы сейчас отдохнете у нас, а потом будете приезжать с детьми». Вся эта канитель из увещаний Саида, нежного девичьего голоса и реальной возможности закрасить белое пятно на планете привела к тому, что мы без труда получили туристические визы, купили билеты на Эр-биль через Стамбул и начали готовиться к поездке. Сачки, морилки, пробирки со спиртом были упакованы, и в конце апреля 2017 г. мы вылетели навстречу новым научным открытиям.

3. В путь

Александр. 23 апреля мы вылетели из Барнаула в Москву, а оттуда в Стамбул.

В Стамбуле, во время посадки на самолет, летящий в Эрбиль, столицу Иракского Курдистана, мы впервые увидели курдов, которые, кстати, обладают специфической и легко узнаваемой внешностью. Именно тогда пришло осознание того факта, что нам предстоит незабываемое путешествие. Пересекая воздушную границу Ирака, мы любовались заснеженными вершинами горной системы Загрос. Снижаясь на подлете к Эрбилю, самолет совершал сложные маневры в направлении иранской границы — облетал город Мосул. Этот город на тот момент был крупнейшим иракским оплотом Исламского государства*, оккупировавшего значительную часть Ирака и соседней Сирии.

24 апреля 2017 г. мы ступили на иракскую землю.

Роман. Электронная карта в самолете демонстрировала значительный крюк нашего маршрута, самолет старательно огибал Междуречье и жался к ирано-иракской границе. Равнины и склоны холмов были ярко-зелеными, горы были забиты снегом. Типичная весна. В Стамбуле в самолет сели колоритные курды, похожие на наших азербайджанцев, горбоносые, с густой щетиной, но безбородые, многие с усами. Женщины в платках, но многие в брюках и, как мне показалось, довольно эмансипированные — в сравнении с другими исламскими территориями.

4. Эрбиль

Александр. Мы вышли из самолета, ощутили жару, вдохнули незнакомый воздух — и радости нашей не было предела. Саид, встретивший нас в аэропорту, немедленно устроил экскурсию по Эрбилю. Было видно, как он горд столицей Курдистана. Эрбиль — один из древнейших городов мира, его история насчитывает около восьми тысячелетий. Именно в его окрестностях состоялось сражение, в результате которого Александр Македонский разгромил войско персидского царя Дария. Эрбиль, или Хевлер, как его называют курды, удивил своей роскошью и лоском: повсюду огромные отели, супермаркеты и университеты. Улицы засажены пальмами и другими растениями, непривычными глазу сибирияков. Несмотря на это, сильно ощущался дух войны, бушующей лишь в нескольких десятках километров от города. На улицах повсюду, буквально через каждые двести метров, встречались вооруженные люди. Перед входом практически в каждое крупное заведение расставлены бетонные блоки таким образом, чтобы к нему можно было подъехать только змейкой, сильно замедляя ход автомобиля. Это защита от террористов-смертников (шахидов), которые подрывают себя, подъезжая на начиненных взрывчаткой автомобилях. Встречались и своеобразные «тачанки» — импровизированные боевые машины. Такая машина представляет собой пикап, в кузове которого установлен крупнокалиберный пулемет. Все эти меры по обеспечению безопасности Эрбиля целиком себя оправдывают. Несмотря на то что на подступах к городу идет война, последний теракт в самом городе произошел уже довольно давно — за два года до нашего

* Исламское государство (ИГ), ранее — Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) — экстремистская террористическая организация, запрещенная в России.

визита. Тогда, в апреле 2015 г., боевик-смертник Исламского государства атаковал консульство США.

Роман. Аэропорт в Эрбиле был небольшим, чистым, Саид встретил нас с распростертыми объятиями, и мы решили остаться переночевать в столице Иракского Курдистана. Перед этим мы прогулялись по Эрбилю, перекусили в кафе в торговом центре. Я обратил внимание, что на входе в торговый центр стояла военизированная охрана, все посетители заходили через рамку металлодетектора. Интересным показалось то, что многие посетители торгового центра курили, разглядывая прилавки. Мы сходили на центральную площадь, окинули взором эрбильскую цитадель. Город был пестр, гуляли горожане, работали кафе и рестораны (все безалкогольные), удивило почти полное отсутствие европейцев.

5. Путь в Заху

Александр. Переночевав в гостинице, мы снова отправились в путь. Нашим пунктом назначения был город Заху, где живет Саид. Этот город расположен в провинции Дахук, на самом северо-западе Ирака, в непосредственной близости от границ Сирии и Турции. Основная трасса от Эрбиля до Заху проходит через Мосул, который, как уже упоминалось, в то время был захвачен боевиками ИГИЛ. Причем именно в Мосуле лидером этой организации Абу Бакром аль-Багдади было провозглашено создание «исламского халифата», а сам город объявлен его столицей.

Конечно, мы не поехали через Мосул, а объехали его с севера. По дороге нас несколько раз останавливали на блокпостах для проверки документов. На блокпостах здесь служат не полицейские, а бойцы пешмерга — курдского военизированного формирования. Пешмерга (в переводе «смотрящие в лицо смерти») не относится к вооруженным силам Ирака, а является добровольческой иррегулярной армией Иракского Курдистана. Именно пешмерга наиболее успешно ведет сражения с боевиками ИГ. Интересно отметить, что в рядах пешмерга сражаются и женщины. К сожалению, их нам увидеть не довелось. Когда мы проезжали уже недалеко от Мосула, нам навстречу проехала колонна из нескольких десятков автобусов с солдатами пешмерга, которых, по всей видимости, везли с передовой на отдых и восстановление.

Наконец мы достигли города Дахук — столицы одноименной провинции. От него Саид повез нас в Заху по «длинному пути», чтобы показать «богатство Курдистана». Наш путь пролегал на северо-запад по направлению к деревне Эль-Амадия. Мы ехали по отличной заасфальтированной дороге среди довольно высоких гор, покрытых то маквисом (заросли вечнозеленых колючих кустарников), то субтропическим лесом. По живописным скальным каньонам стекали реки, местами образуя водопады. Вся эта идиллическая картина никоим образом не вязалась со стереотипными представлениями об Ираке как о пыльной пустыне. Хотя большая часть страны все же, действительно, представляет собой именно пыльную пустыню, но именно во влажных и относительно прохладных горах внутренних (наиболее безопасных) районов Иракского Курдистана находится центр арабского рекреационного туризма. Об этом говорило множество отелей и баз отдыха, которые встречались на нашем пути. Однако в основном они пустовали, вероятно, по причине обострения военной обстановки.

Достигнув окрестностей селения Эль-Амадия, мы остановились в кафе попить чаю на смотровой площадке. Эль-Амадия — маленькая деревня, расположенная на возвышенности. Сплошные скальные стены, образующие края этой возвышенности, превращают село в неприступную цитадель естественного происхождения. Эль-Амадия также имеет очень долгую историю: она существует уже около пяти тысячелетий. Такая древность всего окружающего даже начала немного утомлять нас, и мы шутили, что «в Ираке всему восемь тысяч лет, кроме аэропорта».

По дороге к Эль-Амадия мы производили рекогносцировку местности с целью выбора конкретных локаций для изучения в дальнейшем. Мы сразу решили, что нам следует выбрать базу отдыха в каком-нибудь интересном месте, так как жить просто дикарями в палатке в стране, где уже на второй день перестанешь обращать внимание на автоматчиков, будет не очень разумно. Осмотревшись по дороге, мы решили, что следует посетить окрестности деревень Бабло и Ашауа. Но сначала наш путь лежал в Заху, и мы повернули на запад — в сторону границы с Сирией.

Роман. Утром, позавтракав, мы помчались на новеньком «прадо» в город, где живет мой товарищ, — в Заху. До Заху — примерно двести километров — мы ехали довольно долго, так как кое-где останавливались и фотографировались. Природа была чудесной, холмы, небольшие горы были густо покрыты кустарниками, лесами, в том числе и хвойными. Чистые речки, живописные долины, горные хребты словно говорили: «Ребята, вы по адресу». Охотничий зуд уже охватывал меня, и я понимал, что мы отловимся очень хорошо, что публикации по Ираку вызовут интерес в научной среде. Саид слушал наши разговоры и радовался за нас. Я горячо благодарил его, что он уговорил нас приехать.

Мы заехали отобедать в приятный ресторан на дороге. Красивые, как канарейки, черноокие курдистанки с явным перебором румян и пудры, брутальные шумные мужчины, не ограничивающие себя в использовании одеколона, были посетителями этого заведения. Колоритный народ, вкусные кушанья, великолепная природа — мне нравилось исключительно все. В районе Дахука, где проходит дорога на Мосул (до него отсюда всего несколько десятков километров), нам стали регулярно попадаться военные автомобили, шедшие иногда почти колоннами. Кое-где мы видели блокпосты. Бойцы пешмерга в полном обмундировании, в масках, увешанные оружием, выборочно останавливали сбавляющие ход машины. Мы кивали солдатам, салютовали приветственными жестами, и в ответ суровые бойцы улыбались и тоже махали в ответ. В районе Дахука мы немного проехали по второстепенным дорогам и присмотрели несколько кемпингов и баз отдыха в живописных горных местах и даже познакомились с хозяевами одного из них с целью остановиться там для сборов.

6. Заху

Александр. Город Заху, как уже говорилось выше, расположен вблизи того места, где сходятся границы трех государств: Сирии, Турции и Ирака. С севера город отделен от турецкой границы высоким хребтом Чиайе-Даири, а с юга к нему вплотную подступает хребет Чиайе-Спизахо-Даг, отделяющий котловину, в которой выстроен Заху, от Месопотамской низменности. Между Заху и сирийской границей, проходящей менее чем в тридцати километрах к западу от города, никаких природных препятствий нет.

С одной стороны, Заху выглядит как типичный ближневосточный город: кварталы однотипных серо-коричневых бетонных домов-коробок, граффити на заборах, здания разной степени недостроенности и заброшенности, замусоренные тротуары и бесконечные провода, висящие в воздухе над улицами. С другой стороны, здесь поражает обилие трех вещей: ресторанов, стоматологических кабинетов и салонов красоты (и, соответственно, мужиков с набриолиненными волосами). Складывается впечатление, что жители Заху в основном заняты косметическими процедурами перед походами на пиры и восстановлением зубов после них. Такой вид имеет сейчас этот город, который был известен еще во времена Ксенофонта.

По прибытии в Заху мы были поселены Саидом в гостиницу в центре города и покинуты им до следующего дня. Уходя, наш друг заверил нас, что мы можем спокойно гулять по городу самостоятельно, так как это совершенно безопасно. Но у нас не было ни ощущения безопасности, ни желания гулять по Заху. Вечером на улице, на которую выходил балкон нашего номера, было оживленное и довольно беспорядочное движение, водители ожесточенно сигналили, а из каждой машины доносились истошные завывания восточной музыки. Под нашим балконом, который находился на втором этаже, чуть ли не ежеминутно проезжали машины с вооруженными людьми или с захватским видом проходили автоматчики, закинув свое оружие на плечо. Постирав носки, мы развешивали их на балконе с большой осторожностью, так как опасались, что, уронив мокрый носок на лысину какого-нибудь очередного автоматчика, можем получить в ответ рефлекторную автоматную очередь. Насытившись всеми этими впечатлениями, мы, наконец, улеглись, но спать мешала не только какофония за окном, но и залетающие в комнату малярийные комары.

Роман. Мы прибыли в Заху уже под вечер. Город был довольно интересен. Старый город — и красивые кварталы многоэтажных новостроек. Саид поселил нас в небольшой и в целом неплохой гостинице. Хозяином был полноватый, довольно молодой рыжеволосый приветливый курд. По словам Саида, он был счастлив гостям-иностранцам и вообще не хотел брать денег. Мы объяснили, что не желаем, чтобы он шел на такие жертвы, и хозяин согласился при условии, что мы оплатим лишь половину стоимости. В гостинице был вай-фай, и мы без проблем созванивались по скайпу с родственниками и слушали родные голоса, сообщая наши новости и узнавая новости из дома.

Узкая улочка, на которой располагалась гостиница, была забита автомобилями, прохожих было много, кто-то в военной форме, кто-то в гражданском платье, кто-то в экзотических курдских шароварах, подпоясанный широким кушаком, и оригинальной феске. Некоторые (нередко) были и с автоматами, переброшенными через плечо.

7. Наши новые иракские друзья

Александр. На следующий день нам предстояла встреча с друзьями Саида. Местом для нее был выбран один из элитных ресторанов, расположенный в так называемом «Новом Заху» — районе многоэтажных новостроек. Двое из друзей Саида работали, как и он, стоматологами. Это доктор Мустафа и доктор Али — оба говорят по-английски. Еще двое, Салах и Амин, имели совершенно иного рода профессии и не говорили по-английски. Амин служил в пешмерга. Хотя на момент нашего с ним знакомства, как мы предположили, он был уже

списан по причине болезни или травмы. Это выдавала странная походка Амина: он постоянно ходил полусогнувшись, что может говорить о травме спины. Салах работал в «Асаиш» — службе безопасности. С Амином и Салахом мы общались с помощью переводчиков, в роли которых выступали Саид, Мустафа и Али.

Застолье в Ираке было совершенно непривычным для нас, россиян: на нем полностью отсутствовал запрещенный исламом алкоголь. Зато с гастрономической точки зрения это был целый пир. Отдельно стоит сказать о неистовом курении: все наши друзья практически безостановочно курили. Вообще, как мы поняли, в Ираке курят практически все мужчины, и курить можно где угодно. В общем, курение для иракца — святое дело.

Все наши разговоры в тот вечер вращались вокруг нескольких архиважных для наших друзей тем: процветание и богатство Иракского Курдистана, война с ИГИЛ, перспективы отделения от Ирака в самостоятельное государство и нелюбовь между курдами и арабами. Из разговоров мы поняли, что умы местных жителей более всего заняты мечтами об отделении от Ирака. Что не удивительно, ведь курды, будучи огромным по численности народом, никогда не имели собственного государства, зато имели весьма ошутимое желание его основать. Вторжение ИГИЛ в Северный Ирак, приведшее к бегству иракской армии и занятию многих территорий силами пешмерга, то есть курдами, послужило новым толчком к активизации сепаратистских настроений у иракских курдов.

Роман. Весь следующий день мы, по меткому выражению Саши, «занимались дипломатией». Саид знакомил нас с друзьями-стоматологами, молодым полицейским и другими товарищами. Все были очень гостеприимны, расспрашивали нас о России, говорили, что мы молодцы, что приехали. Мы подробно рассказывали о цели нашего визита, о том, что для выполнения наших задач нам надо бывать на природе за городом и что, может быть, лучше поменять гостиницу на какую-то дачу. Ребята, особенно доктора Али и Мустафа, обещали помочь. Товарищи Саида были приветливыми и щедрыми людьми, стол ломился от яств: различных кебабов, салатов, маслин, орешков, хумуса и тому подобных ближневосточных разносолов. Только я или Саша лезли за кошельком, чтобы рассчитаться, как нас резко останавливали и за все платили сами.

8. Экскурсия к хребту Чнайе-Даири

Александр. 26 апреля наши друзья повезли нас на природу. В составе нашего «отряда» были доктор Мустафа и Али, Салах из службы безопасности и Амин из пешмерга. На всякий случай Амин взял с собой пистолет. Сначала мы поехали вверх по реке Малый Хабур, на берегах которой и стоит город Заху. Но нам, зоологам, все не нравилось на этой реке: не было хороших биотопов*, было слишком много различных построек и всяческого мусора. В общем, не было природы. Мы начали уговаривать наших друзей поехать в горы, на север от Заху, то есть приблизиться к турецкой границе. Растолковать, куда именно нам интересно попасть, оказалось не так-то просто: наши друзья упорно ничего не могли понять. Это уже потом до нас дошло, что всё они понимали, а только делали вид, что не понимают: уж больно им не хотелось ехать в интересовавший нас

* *Биотоп* — участок среды обитания растительных и животных организмов, характеризующийся однородными условиями существования.

район. Но мы не унимались, я вынул из кармана предусмотрительно приготовленную карту генштаба СССР 1982 года выпуска, на которой был изображен данный участок Ирака, и ткнул пальцем куда надо. Тут уж нашим курдам было не отвертеться, и мы отправились к южному подножию хребта Чиайе-Даири.

Хребет этот невелик — максимальные высоты в диапазоне 1300—1400 м над уровнем моря. За ним к северу вздымаются более высокие горы, по которым и проходит граница с Турцией. Дорога от Хабура до окрестностей села Берсиви заняла совсем немного времени, и вот мы уже находились среди холмов, преобладающих основной хребет. Ехать дальше в горы друзья наотрез отказались: оказалось, что в этих горах базируются силы РПК (Рабочей партии Курдистана) — курдской террористической организации.

РПК ведет партизанскую войну против турецкой армии Реджепа Эрдогана, сражаясь за права курдов в Турции и создание там курдской автономии. Значительная часть военных баз РПК располагается в труднодоступных горных районах на территории Иракского Курдистана, откуда боевики и совершают свои набеги на территорию Турции. В свою очередь, Турция производит регулярные авиабомбардировки гор на севере Ирака. Таким образом, возникает «интересная» ситуация, когда Турция бомбит территорию суверенного государства, а то «терпит». Вот в этих-то беспокойных местах мы и оказались в погоне за бабочками и пауками.

Местность, расстилавшаяся вокруг нас, лежала на высоте около 800 м над уровнем моря и представляла собой невысокие холмы, покрытые каменистым, сухим, сильно разреженным маквисом. Когда мы вышли из машины, то наши друзья сказали, что на все про все у нас есть только два часа, кроме того, с нами будет ходить Амин с пистолетом в руках. Я, пользуясь не разгибающейся до конца спиной Амина, быстро взбежал на холм, избавившись таким образом от слегка нервнивающего присутствия недавно обретенного вооруженного друга. Роману же пришлось собирать насекомых в компании.

Пожалуй, наиболее навязчивым нашим страхом в ходе этой своеобразной энтомологической экскурсии был страх нарваться на противопехотную мину. Дело в том, что существуют модели мин, установка которых производится путем «засевания» с самолета, соответственно, такая мина может оказаться где угодно. Ни у одного из наших друзей нам не удалось узнать никаких сведений о наличии и местоположении минных полей. Но известным фактом является существование значительных минных полей на границе Ирака и Ирана, оставшихся после ирано-иракской войны.

Наконец мы приступили к сборам ценнейших материалов. Мною были пойманы пауки нескольких семейств. Наиболее интересной находкой было обнаружение представителей семейства *Palpimanidae*. Эти пауки живут под камнями и не строят паутин. Их движения медленные и вялые, размерами они не превышают сантиметра, а облик ничем не выдает их зловещих пищевых наклонностей. А ведь палпиманиды охотятся только на других пауков, причем часто гораздо более мощных и свирепых, чем они сами. Кроме того, в погоне за своими жертвами они проникают на их территорию — в норы и паутины других пауков, где и свершают расправу. За счет чего удается таким медлительным и апатичным паукам быть такими искусными охотниками на опасную добычу — пока науке не известно. Для человека эти пауки совершенно безвредны. Чего нельзя сказать о другом представителе класса паукообразных, которого я поймал в тот день.

Под одним из перевернутых камней оказался скорпион величиной с ладонь. Как впоследствии выяснилось, скорпион принадлежал к виду *Hottentotta saulcyi*, распространенному в Афганистане, Ираке, Иране и Турции. Этот вид открыт еще в 1880 г. знаменитым французским арахнологом Симоном. Скорпионы эти крайне ядовиты, и их укушения бывают смертельными для людей. Скорпион сражался за свою жизнь до последнего: вцепившись мощными клешнями в края пробирки, не хотел падать в спирт, а будучи все-таки побежденным, оставался живым в спирту еще довольно долгое время.

Под камнями на вершине холма было встречено много больших сколопендр — хищных и ядовитых многоножек. Размер их был около 10 см, окрашены в желто-оранжевый цвет с черными кольцами. Сколопендры очень свирепы, а их укусы болезненны. Схваченная пинцетом сколопендра, клацая своими ногочелюстями по металлу, тянется к руке, а эластичное, растягивающееся тело помогает ей дотянуться до пальцев ловца. Из рептилий были обнаружены слепозмейки — миниатюрные змеи, глаза которых скрыты под кожей. Слепозмейки ведут роющий образ жизни и на поверхности почвы почти не встречаются.

Однако время нашей экскурсии вышло. К условленному времени мы вернулись к машине наших друзей. Естественно, сразу начались расспросы: что мы поймали, довольны ли мы, нравится ли нам природа Курдистана? Очень поразил наших друзей заспиртованный скорпион, которого они рассматривали с непритворным ужасом. По лицам наших силовиков, Амина и Салаха, было видно, что скорпионов они боятся больше, чем пуль. Погрузившись в машину, мы двинулись обратно в город.

Наш путь пролегал теперь по другой дороге, ведущей напрямую к Заху. По дороге нам попался контрольно-пропускной пункт. Какой силовой структуре он принадлежал, мы так и не поняли, но наших друзей там держали долго: очевидно, разговор был серьезный. Причем особо пристрастному допросу подверглись Амин и Салах. Наконец нас отпустили, и мы поехали в Заху.

Тем вечером мы снова были в ресторане, вели беседы о Курдистане и смертоносных скорпионах, курили кальян и чувствовали себя чуть ли не эмирами...

Роман. Утром за нами заехали Салах, доктор Мустафа и Амин с пистолетом на поясе. Мы весело загрузились в машину и поехали в сторону горного хребта. Проехав километров двадцать, остановились в небольшом ущелье с чистым ручейком. Погода была хорошая, и мы пособирали материал в течение двух часов. Фауна была очень интересной, довольно массово летали пестрые парусники *Allancastria*, интересные голубянки, попадалось немало жуков. К сожалению, наши провожатые вдруг резко засобирались домой. Мы вынуждены были сложить наше оборудование и ехать в Заху. Пока мы собирали материал, за нами неотступно ходил Амин.

На пути в Заху нас остановили на блокпосту. Очень серьезный курд в штатском долго беседовал с нашими товарищами. После получасового общения мы все же благополучно добрались до города. Уже тогда я начал понимать, что все не так радужно и просто, как это хором утверждали Саид и все наши новые друзья. Вечером опять ресторан, опять разносолы, опять все бесплатно, ко всему этому добавился хозяин заведения, радушный, проворный, с иголки одетый. Саид объявил, что завтра нас некому сопровождать, но с нами очень хотят увидеться в университете. Это было тоже неплохо, можно было рассчитывать на какие-то контакты с курдистанскими биологами, на совместные проекты и публикации.

9. Университет Заху

Александр. На следующий день, 27 апреля, мы пошли на экскурсию в университет Заху, где познакомились с несколькими преподавателями, прошлись по коридорам и заглянули в пару кабинетов, в том числе и почему-то на практическое занятие по ботанике. Учитывая контекст ситуации, было странно видеть, как студенты изучают меристему растений. Наше появление тоже забавляло студентов, что можно было понять по смешкам, раздававшимся за нашими спинами. Интересно, что студентки ходили по университету вовсе не закутанные с головы до ног в черные одежды, как мы ожидали, а, обильно разукрашенные с помощью косметики, были похожи, скорее, на разноцветных канареек. Хотя на головах у всех, конечно, были платки.

Роман. Университет был не очень большим, но произвел в целом приятное впечатление. Нас принял проректор по международной деятельности, декан химико-биологического факультета (кстати, прекрасно говоривший по-русски). Высокий, благообразный старик, учившийся в Москве в университете им. Д. И. Менделеева, он расспрашивал нас «о целях и задачах». Когда мы сообщили ему о нашем желании провести энтомологические сборы в поле, он ответил неожиданно коротко и не очень вежливо, что помочь ничем не может. Приятная пожилая женщина, заведующая кафедрой защиты растений, презентовала мне книжку о насекомых-вредителях Курдистана. В целом встреча прошла неплохо. Жалко было лишь, что уходят драгоценные дни.

10. «Асаиш»

Роман. Просмотр новостей показал, что ситуация накалилась, турецкая авиация наносит ракетные удары по отрядам РПК, укрывшимся на территории Северного Ирака (как мы поняли, совсем рядом с Заху). В Мосуле, уже наполовину освобожденном от моджахедов ИГИЛ, усилились бои, и потери антиигиловской коалиции выросли. В этой связи особенно нелепым выглядело то, что все товары в магазинах были из Турции, что трассы забиты турецкими фурами с продуктами и ширпотребом, что любой фильм на ТВ — турецкий. Странно было бы увидеть в 1942 г. немецкие фильмы в советских кинотеатрах, не правда ли? По просьбе полицейских нас пригласили в участок, где вежливый молодой полисмен расспросил нас о том, кто мы такие, пожелал успехов и сказал, чтобы мы по любым вопросам обращались к нему. Нас это не удивило, так как очевидно, что в Курдистане ситуация обострилась и иностранцы вызывают повышенный интерес.

Александр. Как уже было сказано, забота о безопасности Иракского Курдистана лежит на плечах пешмерга. Но мало кто знает об «Асаиш». «Асаиш» — это собственная служба безопасности Иракского Курдистана, которая была создана при помощи израильских инструкторов. По сути, если пешмерга — это армия Иракского Курдистана, то «Асаиш» — его полиция. «Асаиш» не подчиняется официальному правительству в Багдаде.

В офис именно этой организации мы и направились с целью согласования наших дальнейших перемещений по провинции Дахук и получения разрешения на посещение интересовавших нас точек: окрестностей деревень Бабло и Ашауа. В офисе нас ожидала радушная встреча — нас усадили в мягкие кресла и угостили водой. Начальник отделения прекрасно говорил на английском языке. Он подробно расспросил нас о том, кто мы такие, что делаем в Иракском

Курдистане, зачем мы пришли к нему и что нам нужно. Мы объяснили свои цели и попросили разрешение на посещение деревень Бабло и Ашауа. Ответом были заверения в том, что мы вольны делать все, что нашей душе угодно, «а если вдруг у вас будут какие-либо проблемы или сложности, то незамедлительно обращайтесь к нам, в “Асаиш”».

Но сразу поехать туда, куда мы хотели, оказалось невозможным. Нам сказали, что мы должны сходить в главный в провинции Дахук полицейский участок «Асаиш», который располагается, как нетрудно догадаться, в городе Дахуке. На следующий день друзья повезли нас в Дахук.

Дахук — это достаточно большой город (четвертый по величине среди городов Иракского Курдистана), который расположен на границе горной системы Загрос и Месопотамской низменности. Расстояние от Дахука до Мосула составляет около пятидесяти километров. Приехав в Дахук, мы сразу же направились в местное отделение «Асаиш», главное во всей провинции.

Полицейское отделение выглядело как крепость: массивное бетонное коробчатое здание, окруженное не менее мощным бетонным забором, поверх которого шла колючая лента. Перед воротами и будкой контрольно-пропускного пункта лежало ограждение в виде бетонных же блоков и стояла охрана, вооруженная автоматами Калашникова. Картину дополняла вышка, на которой находилось пулеметное гнездо. Нас ввели в будку, где обыскали на предмет запрещенных вещей, не найдя при этом перцовый баллончик, который я забыл выложить из одного хитрого кармана своих походных штанов, и выдали специальные бейджи, без которых находиться на территории полицейского участка нельзя. Сам участок состоял из «буферного» приемного отделения, где посетители ожидали, пока им не разрешат пройти дальше, и отделения основного. Перемещение между этими двумя секциями осуществлялось по внутреннему дворику. На входе в основное отделение снова стояла вооруженная автоматами охрана. Основное отделение полицейского участка представляло собой большой зал, по периметру которого стояли металлические стулья, на одной из стен был размещен телевизор, а возле другой располагался стол, за которым осуществлялся прием посетителей. Над столом, как и полагается, висел портрет Мустафы Барзани — лидера национально-освободительного движения в Иракском Курдистане.

Люди, пришедшие на прием по разным вопросам, ждали своей очереди, чтобы подойти к столу, за которым сидели двое полицейских. Невиданной для Ирака строгостью был здесь запрет на курение: чтобы покурить, необходимо было выйти на крыльцо, на котором стояла вооруженная охрана. При этом выйти мог только один человек — курение происходило по очереди. Мы дождались своего часа, что произошло не быстро, и нас отправили в кабинет на допрос.

Допрашивал нас совершенно омерзительный полицейский, толстяк, больше похожий на бандита. Во время допроса он обращался с нами довольно похамски и при этом позволял себе тут же крутить самокрутки и курить их. Допрос он проводил не напрямую, так как не знал английского, а через молодого полицейского, который выступал в качестве переводчика. Нам был задан ряд вопросов относительно наших персон и целей прибытия. Полицейский проявлял подозрительность и задавал вопросы так, чтобы нас совсем запутать. Но нам ведь нечего было скрывать, а потому отвечали мы спокойно и честно. Наконец нам было объявлено, что сегодня решение по поводу нас еще не принято, а рабочий день уже заканчивается. Так что мы должны будем приехать снова. В подавленном настроении мы поехали обратно в Заху. Наши друзья недоумевали, в чем же проблема.

11. Экскурсия к хребту Чиайе-Спизахо-Даг

Александр. 28 апреля, в пятницу, которая в Ираке является выходным днем, наши друзья поехали со своими семьями на пикник, а мы присоединились к ним. Выехав из Заху через южный блокпост, нашпигованный солдатами пешмерга, мы двинулись в восточном направлении вдоль северного подножия хребта Чиайе-Спизахо-Даг.

За окном автомобиля расстилались великолепные пейзажи хребта, покрытого субтропическим лесом и прорезанного многочисленными живописными ущельями со скальными выходами. Мы проехали множество мест, чрезвычайно интересных с точки зрения сбора членистоногих, но нигде не остановились, так как все они были непригодны для пикника, с точки зрения наших друзей или их жен, которые, к сожалению, поехали вместе с нами (разумеется, в отдельной — «женской» — машине). Наконец мы нашли подходящее место на водоразделе рек Хабур и Рогарм. Подходящим оно было, конечно, не для нас и представляло собой слабовыраженные холмы, покрытые короткой зеленой травкой и буковым редколесьем. Среди зеленой однотонности травы отдельными красными мазками выделялись маки. Конечно, мы были удручены тем, что приехали в такое унылое место, которое окрестили «Райскими кущами». Друзья со своими женами и детьми начали готовиться к пикнику, расстилая на замусоренной предыдущими отдыхающими земле покрывала. Были поданы различные кушанья, которых хватило бы как минимум на неделю.

Я решил совершить быстрый бросок на юг — к подножию хребта Чиайе-Спизахо-Даг, а Роман остался собирать бабочек в Райских кущах, продолжая при этом дипломатическое общение с друзьями и их назойливыми детьми.

Так как был выходной день, а место пользовалось большой популярностью у жителей Заху, вокруг нас было много и других отдыхающих. Но никто не проявлял враждебности и не буянил: алкоголь не употреблялся. Трудно представить, чтобы в России при таком скоплении отдыхающих была такая же миролюбивая и безопасная обстановка.

Я спустился по южному склону водораздела по направлению к реке Рогарм. В некоторых местах на склоне были довольно большие вертикальные стенки из крепко сцементированного лесса — очень рыхлой осадочной горной породы. Стояла сильная жара, хотя был еще только апрель. Спустившись к реке, я принялся искать брод. Несмотря на то что река была здесь шириной не более двадцати метров и глубиной по пояс, найти место для ее форсирования было трудно. Берега реки оказались не привычным для путешественника по Центральной Азии нагромождением каменных глыб или галечником, а топкой грязевой жижей, в которой рос тростник, слегка затопленный затхлой водой. Дно также, насколько можно было видеть с берега, было заиленным. Наконец спустившись ниже по течению, я обнаружил хороший каменистый брод через реку и, упираясь импровизированным посохом в дно (течение было сильным), перешел на другой берег. Вода в реке оказалась грязная и очень теплая. Местность на другом берегу представляла собой холмы, покрытые маквисом.

Пауков в этом месте оказалось очень мало. В основном удалось обнаружить представителей семейства *Gnaphosidae*. Гнафозиды ведут бродячий образ жизни и не строят паутин. Это сильные и ловкие ночные хищники с крепкими ногами, обследующие в поисках добычи большие территории. Пауки этого семейства чрезвычайно разнообразны в пустынях и горных степях; кроме того,

ими хорошо освоены и высокогорья. Очень вероятно, что среди гнафозид, пойманных в тот день, имеются и неизвестные науке виды. Для человека пауки этого семейства не представляют опасности.

Под одним из камней оказался очень маленький, но и очень ядовитый скорпион *Orthochirus iranus*, который, помимо Ирака, встречается также еще в Иране и Турции. Снова попадались разноцветные и страшные сколопендры. Из числа рептилий встречались ящерицы-сцинки.

Отведенное для вылазки время подходило к концу, и мне пришлось повернуть обратно к Райским кушам. Снова был перейден Рогарм, за которым путь пролегал через пашни арабов-земледельцев. На пашне был пойман крупный бродячий паук-нянька, относящийся к роду *Pisaura*. Семейство пауков-нянек получило свое название благодаря тому, что самки у них усердно заботятся как об отложенных ими яйцах, так и о вылупившихся из них паучатах.

Во время перехода через пашни арабов я наткнулся на небольшое стадо коз, которое охраняли огромные собаки, похожие на кавказских овчарок. Собаки, которых было около десятка, незамедлительно атаковали. Нападение их, надо заметить, очень опасно и может даже привести к гибели. Часто собаки бывают намного опаснее, чем дикие хищники, которые, как правило, боятся человека. Псы с лаем надвигались, и в тех собак, которые подсакивали слишком близко, я брызгал из перцового баллончика, что охлаждало их пыл. Я же тем временем медленно отступал спиной вперед к склону холма. Таким образом мне удалось продержаться до прибытия хозяина этой своры, араба, который приехал на ишаке и попытался отогнать собак. Однако толку от него почти не было — псины его не слушались, он сумел лишь частично отвлечь их внимание. Но и этого хватило мне, чтобы добраться наконец до склона холма и начать на него подниматься. Туда в погоню за мной пустились лишь две наиболее упрямые собаки, но и они вскоре отстали.

По возвращении к месту пикника я застал продолжающийся пир, постепенно переходивший в пляски вокруг костра. После наступления темноты наша разношерстная компания поехала обратно в Заху.

Роман. Следующий день, слава богу, был выходным, и наши друзья взяли нас на пикник за город. Прокатившись километров тридцать, проехав массу живописных ущелий, мы выехали на какое-то довольно скучное плато, поросшее невысокими кудрявыми деревьями. Похоже, и весь Заху выкатил сюда на пикник. Играли и бегали дети, взрослые пили чай, кушали разные вкусности, и в целом было очень приятно. Саша убежал ловить пауков, я ходил вокруг да около нашего лагеря и ловил бабочек. Целая толпа детей (включая милых двойняшек Саида) ходила за мной и пела песни. Не очень привыкший к такой манере полевой работы, я все-таки наловил немало материала. В установленный срок вернулся Саша, который тоже собирал довольно эффективно.

12. Тучи сгущаются

Александр. На следующий день мы снова поехали в Дахук, на этот раз не с друзьями, а договорившись с помощью Саида с таксистом. В полицейском участке допросы, проводившиеся все тем же жирным полицейским, в этот раз значительно ужесточились. Нас допрашивали уже по отдельности, задавали множество запутанных вопросов, совершенно не относящихся к делу. Например, меня спрашивали, в каком году я закончил обучение в бакалавриате (как

будто это так легко вспомнить) и кто позволил мне, такому молодому человеку, путешествовать по чужим странам. А особенно интересовались нашими родственниками и предками.

В конечном итоге у нас попросту забрали паспорта и сказали, что мы не сможем покинуть Дахук, так как должны явиться на очередной допрос завтра. На наш вопрос о том, где мы будем ночевать, а тем более без документов, полицейские ответили, что это не их проблемы. Единственное, что они сделали для нас, это написали на клочке бумаги номер телефона их отделения, по которому персонал любой гостиницы сможет им позвонить и уточнить как наши личности, так и тот факт, что наши паспорта находятся в полиции. Следующую ночь мы провели в одной из гостиниц Дахука, расположенной поблизости от полицейского участка.

Утром мы снова пошли в полицию, но на этот раз уже в сопровождении друзей, которые приехали из Заху. История снова повторилась: бесконечные допросы отдельно друг от друга. Но сегодня даже во время ожидания вызова на допрос нам не разрешали сидеть вместе, чтобы мы «не могли договориться о том, что будем врать». Когда на допрос в очередной раз вызвали меня, то задали тот самый вопрос, которого я больше всего боялся: «Какие вещи есть в вашем багаже?» Конечно, в нашем багаже не было ничего запрещенного: ни оружия, ни наркотиков. Но опыт показывает, что когда сотрудники любых силовых структур пристально интересуются экспедиционным багажом, то надо ждать беды. Я принялся перечислять: походная одежда, ботинки, пробирки со спиртом для сбора членистоногих, мобильный телефон, дополнительные документы, фотоаппарат, топографические карты Северного Ирака. Кстати сказать, особо интересовал сотрудников полиции мой второй заграничный паспорт. В ответ на их вопросы я пояснил, что не хотел «портить» свой основной заграничный паспорт визой Иракского Курдистана, с которой меня могли бы потом уже не пустить в страны Евросоюза. Поэтому и был сделан второй заграничный паспорт, что не противоречит законам Российской Федерации. Стоит ли говорить, что полицейские были приятно взбудоражены подобным набором вещей и тут же заставили меня вести их в гостиницу, в которой и хранился весь наш багаж. В гостиничном номере полицейские забрали интересовавшие их вещи: фотоаппарат, мобильные телефоны, мой второй заграничный паспорт, папку с топографическими картами, а в придачу прихватили еще и ноутбук Романа. Затем меня снова повели в полицейский участок. Все конфискованные вещи были тщательно упакованы в специальный пакет.

Паспорта нам так и не отдали. В итоге полицейские, ставшие еще более грубыми, велели нам возвращаться — без паспортов, но через день вернуться для продолжения допросов. И вот мы, совершенно измученные изнуряющими допросами в прокуренном кабинете, отправились в осточертевший нам Заху, в его трижды осточертевшую гостиницу. Весь следующий день мы провели в гостиничном номере, предварительно запасшись спиртным в христианском магазине. А что еще нам оставалось делать без документов?

В оправдание следует сказать, что я употребил этот день на зубрежку слов и коротких фраз первой необходимости на курманджи — языке курдов, а Роман занимался чтением художественной литературы. Мы чувствовали, что над нами сгущаются тучи. Именно поэтому Роман решил позвонить консулу РФ в Иракском Курдистане — Евгению Вадимовичу Аржанцеву и доложить о ситуации. Консул мягко, но не лестно выразился о наших интеллектуальных способностях и осудил наш приезд в Иракский Курдистан.

Роман. До Дахука мы быстро домчали на такси, рассчитались с неприятным бомбилкой, который подвез нас к полиции. Мы сели в приемной, объяснили вежливому офицеру за стойкой о том, что хотим зарегистрироваться. После довольно долгого ожидания нас пригласили в кабинет, где нас принял очень неприятный губастый следователь, который через переводчика (тот был несколько вежливее) мучил нас вопросами в течение полутора часов и при этом постоянно курил, пуская нам дым в лицо. Кто мы, имя матери, отца, цель приезда, где мы работаем, с кем контактировали, откуда я знаю Саида, когда мы встречались последний раз, когда в первый — и еще множество таких вопросов. После всей этой вакханалии губастый подонок сказал: завтра разберемся. На вопрос, где нам ночевать — ответил: не моя проблема, и еще пусть приедет ваш этот, как его, Саид. Пустив прощальные струи дыма в наши обескураженные лица, эта свинья отвернулась к каким-то бумагам и всем своим видом показала, что наша встреча закончилась.

Посетив до этого двадцать стран в разных частях земного шара, я впервые столкнулся с таким отношением к себе. Во время встречи я неоднократно упоминал о том, что всегда русский и курдский народы были близки, что мы все обеспокоены тем, что курды не имеют своей территории и т. п. Несмотря на исключительно дружественный характер разговора с нашей стороны, губастая кудрявая свинья только сплевывала в пепельницу и пускала нам дым в глаза.

Какой-то парень с автоматом на выходе из участка показал нам, где ближайший отель. Мы доползли до него со своими чемоданами за десять минут: он, действительно, был недалеко. Приятный мальчик на ресепшене проводил нас до номера. Пока мы ехали в лифте, он представился Юрой — гастарбайтером из Грузии. Здесь спокойно, хорошие зарплаты, вещал паренек. Мы узнали, что в Дахуке есть так называемый «христианский магазин», где можно купить выпить. Юра помог нам поймать машину, и мы совсем за небольшие деньги съездили за спиртным. Выпив пару хороших порций, я позвонил Саиду и рассказал ему о наших злоключениях. Он пообещал быть к девяти утра. Потом, приняв на грудь еще немного, я позвонил в русское консульство. Молодой голос ответил, что консула нет, но попросил оставить телефон. Примерно через двадцать минут нам перезвонил консул. Евгений Вадимович (так представился нам густой баритон из трубки) был очень встревожен: «Да, вы оказались здесь не в то время... Встреча с полицией? Во сколько? Какая тема для встречи? Обязательно перезвоните. Это ваш номер? Хорошо, я зафиксирую его».

Обеспокоенные, мы долго не могли уснуть. Обсуждали с Сашей, что случилось, в чем наша вина, почему такое отношение. Как жалко, что мы приехали за свой счет исследовать самую малоизученную с точки зрения биоразнообразия страну, а нам ставят палки в колеса и даже пугают. Меня, кроме всего прочего, бесило и то, что малограмотная кудрявая скотина с сигаретой во рту разговаривала с нами в таком тоне, как будто мы изнасиловали десятка полтора курдских девственниц.

13. Внезапный удар

Александр. Утром следующего дня, оставив все свои вещи в Заху, мы снова поехали в Дахук. Мы не знали тогда, что в Заху нам вернуться уже не суждено. Переехав через перевал Гели-Спи, мы спустились в Месопотамскую низменность и поехали параллельно северному берегу Мосульского водохранилища на реке Тигр. По дороге мы видели из окна машины интересную птицу — обик-

новенного стервятника (*Neophron percnopterus*). Если с огромными грифами (род *Gyps*) мы были хорошо знакомы по центральноазиатским экспедициям, то меньший по размерам стервятник был для нас экзотикой. Стервятник широко распространен в Африке и на Ближнем Востоке и очень умен. Хорошо известно, что эта птица умеет использовать камни для разбивания страусиных яиц, содержимое которых она потом поедает. Но стервятник, который встретился нам, вполне мог питаться трупами людей, погибших на полях сражений в Мосуле и его окрестностях. По дороге мы видели стоящий в кювете большой пикап, буквально изрешеченный пулями.

В полицейскую крепость мы прошли уже по-свойски. По-свойски курили с автоматчиками на крыльце. В этот раз мы весь день просто сидели и ждали, когда же нас пригласят на очередной допрос. Но нас все не приглашали, а наши друзья таинственным образом исчезли. От многочасового сидения в кабинете ожидания ужасно болела голова.

Ближе к концу рабочего дня внезапно появились наши запропастившиеся друзья. К нашему ужасу, они волокли наши сумки, оставленные в гостинице в Заху, и явно были измучены. Оказалось, что все то время, пока мы сидели и гадали о том, куда же исчезли наши товарищи, они были в дороге до Заху и обратно, так как полицейские приказали им немедленно привезти все оставшиеся у нас вещи. Нам же друзья объяснили, что нас якобы хотят депортировать из Ирака в течение трех суток и уже сегодня мы должны уехать в Эрбиль. На закономерный вопрос, смогут ли они отвезти нас в Эрбиль, нам ответили, что это слишком далеко. Что было, конечно, ложью, ведь расстояние от Дахука до Эрбиля куда меньше, чем от Заху до Эрбиля. И вот наши недавно и ненадолго обретенные «друзья» суетливо жмут нам руки, извиняются и спешно, явно испуганно убегают. На прощание доктор Али вложил мне в руки не начатую пачку сигарет, чем вызвал мое недоумение.

И вот уже только мы остались в опустевшем зале ожидания. Полицейские велели оставаться нам на месте и ждать указаний. Наконец за нами пришли двое силовиков в полевой форме и велели забрать наши сумки и следовать за ними. Мы подчинились. Нас вывели во двор и повели в незнакомый для нас сектор «полицейской крепости». Это было угрюмого вида здание с распахнутыми железными воротами. Нам приказали ждать в тамбуре. Тут уже все расхаживали в полевой форме и с оружием. Постепенно раздражение и усталость сменились недоумением и тревогой: мы не могли понять, что происходит и, самое главное, что в головах у этих вооруженных людей, ведь нам абсолютно ничего не объясняли. Все общение ограничивалось жестами. Помимо нас и силовиков в помещении находились еще двое мужчин. Это были молодые курды в гражданской одежде, однако одна деталь нас сильно встревожила: у наших товарищей по несчастью отсутствовали ремни и шнуры. Нас посадили на стулья и выдали по бутылке воды, а курдских парней оставили стоять на ногах.

Конечно, мы уже догадались о назначении здания, в котором находились, — это был изолятор временного содержания. На это особенно ясно указывала большая металлическая тележка с бидонами, заляпанными какой-то мерзкой баландой. Спустя какое-то время через ворота ввели группу совершенно черных арабов, одетых в сильно поношенные одежды. Они шли босиком и были прикованы друг к другу попарно наручниками. Арабы тащили большие баулы, набитые тряпьем. От этой картины у нас волосы встали дыбом. Но то, что происходило дальше, было еще интереснее.

К воротам подъехал большой камуфлированный фургон с зарешеченными окнами. Из фургона вышли крайне грозного вида солдаты, вооруженные автоматами Калашникова и увешанные магазинами с дополнительным боекомплектom. Нам приказали встать, подойти к стене и развернуться к ней лицом. Таким образом, мы все вчетвером (курдские ребята составили нам компанию) стояли и смотрели в стену. Мы с Романом Яковлевым, оба близорукие, обдумывали тем временем, стоит ли нам снять и спрятать очки, пока их не переломали. В страхе мы слегка обернулись — посмотреть, что происходит за нашими спинами. Оказалось, нас поставили к стенке, чтобы освободить проход для колонны закованных в наручники людей, которых выводили откуда-то из недр здания. Мы успели рассмотреть, что на их головы были надеты совершенно глухие мешки. Стоит ли говорить, что вся эта картина выглядела настолько жутко, что наши колени уже дрожали от страха. Автоматчики затолкали узников с мешками на головах в зарешеченный фургон и увезли. Мы были рады хотя бы уже тому, что нас не погрузили вместе с ними. Можно с большой долей уверенности предположить, что этих людей повезли на расстрел.

Вся эта картина особенно гармонично сочеталась с торжественной надписью на английском языке в рамке на стене, гласящей: «Вот уже двадцать лет мы боремся за соблюдение ваших прав». Между тем смертная казнь широко практикуется в Ираке, который занимает второе место среди стран мира по количеству выносимых и исполняемых смертных приговоров (на первом месте соседний с ним Иран). А в 2009 г. международная неправительственная организация Amnesty International обвинила «Асаиш» в нарушении прав человека и несоблюдении законов.

Вскоре после того, как фургон с людьми с мешками на головах уехал в направлении, которое, к счастью, осталось для нас неизвестным, приехал другой автозак, уже меньших размеров. Нам четверым было приказано подойти вместе с вещами к новой машине, внутри которой располагалась клетка. Из автозака выскочили солдаты с автоматами и надели на нас наручники. Я оказался правой рукой прикован к левой руке Романа. Курдских ребят также приковали друг к другу. Нас посадили в клетку, дверь которой запиралась на массивную щеколду. Машина тронулась с места.

Роман. Утром мы снова были в участке. Лица наших друзей были полны решимости. После пяти часов ожидания наша энергия немного угасла. Я забавлялся тем, что рассматривал женоподобного курдского офицера, который, сидя за регистрационной стойкой, постоянно принимал изысканные позы и делал селфи. Наиаktуальнейшее занятие, когда в пятидесяти километрах отсюда идут бои.

Далее последовал допрос, Саша, Саид, я, доктор Али, пешмергист, я, доктор Мустафа, Саид... И так далее в постоянном калейдоскопе. Что делаете, как имя матери, где работаете? Никто не спросил имен изнасилованных дев, названий ограбленных банков и ювелирных магазинов. Стараясь держаться с максимальной корректностью и достоинством, мы отвечали на все вопросы. Саша был просто молодцом, не знаю, как выглядел я, но мне сложно было что-то скрыть просто за «отсутствием состава преступления». Крайний интерес у наших милых собеседников вызвали скачанные из Интернета карты Северного Ирака. «Это из открытых источников, это доступно каждому человеку на свете», — говорили мы. Они что-то записывали в тетрадку.

— Вы были в Турции? — очередной вопрос.

— Да, были транзитом в Стамбуле семь дней назад.

Очередная пометка в протокол.

— Вы много путешествуете, с чем это связано?

— Наука, туризм...

Очередные пометки.

«Покажите ваш профиль на “Фейсбуке”... в университете...» И так далее.

Во время очередного выхода в коридор мы заметили, что наши чемоданы стоят в углу полицейского участка. Наши друганы из Заху выходили с допросов все белее и испуганнее. Запахло керосином.

Женоподобный полицейский забрал наши телефоны, положив их в какую-то нишу. Потом наши помощники срочно распрощались с нами, Саид сказал, что у него проблемы, доктор Али дал Саше пачку красного «мальборо», доктор Мустафа просто печально посмотрел на нас. Пешмергист уже ретировался. Мы с Сашей сидели и тихо обсуждали наши перспективы. Преступных деяний на повешение или расстрел явно не хватало, думали о том, что экстрадируют, домашний арест и прочие дела. Красивый идиот продолжал делать селфи. Через пару часов он пригласил нас жестом и повел через улицу в какую-то подсобку. Там нас встретил сумрачного вида офицер, который усадил нас на стулья в коридоре, где уже находились два местных парня с выдернутыми из обуви шнурками. Так мы сидели с час, потом офицер и еще пара подручных солдат, вооруженных «калашниковыми», подняли нас и поставили лицом к стене. Впечатление не из приятных. Подглядывая краем глаза за происходящим (черт его знает — может, сейчас будут бить по почкам), мы увидели вереницу людей с мешками на головах и со скованными руками, которых конвоировали несколько вооруженных военных. После вывода этих людей нас тоже позвали грузиться. Нас с Сашей, видимо, с целью обезопасить сопровождавших нас автоматчиков, вместе сковали наручниками. Меня за левую руку, Сашу за правую. Дали по мешочку — блевать, усадили в автозак (переоборудованный «хаммер»), рядом посадили парней без шнурков и повезли. Три часа в пути, шум, голоса, окон нет, никто нам ничего не говорит. Последней нашей надеждой было то, что нас привезут в аэропорт и потом депортируют.

14. Дорога в неизвестность

Александр. Наш автозак выехал с территории полицейского участка. Один из солдат был за рулем, а еще двое представляли собой вооруженный конвой. В машине было темно, но время от времени конвоир включал дополнительное освещение, чтобы посмотреть, что происходит в нашей клетке. Наши товарищи по несчастью не проявляли по отношению к нам никакой враждебности, апатично сидя напротив нас и вяло переговариваясь друг с другом.

В наручниках оказалось очень неудобно. Роману приходилось поднимать левую руку и подносить ее к моему лицу, чтобы я мог попить воды из бутылки, лежавшей в правом кармане моих штанов (моя правая рука была закована). В фургоне не было окон, поэтому мы могли видеть происходящее на дороге только через лобовое стекло, которое было на значительном от нас расстоянии. Мы дискутировали относительно того, куда нас могут сейчас везти.

Еще до погрузки в автозак один из силовиков, немного говоривший на английском, сказал, что нас повезут в Эрбиль. Мы надеялись, что нас везут в аэропорт для депортации, но все выглядело так, словно нас везут в какую-то

тюрьму. Кроме того, мы тревожились, что наш автозак может оказаться желанным объектом для боевиков ИГИЛ, ведь путь от Дахука до Эрбиля пролегает мимо Мосула. В случае захвата боевиками мы были бы убиты. Или взяты в плен, а затем все равно убиты.

После двух часов езды мы увидели на горизонте небоскребы Эрбиля.

И вот мы уже едем в клетке в наручниках и под конвоем по тем улицам, по которым еще недавно нас возил Саид, рассказывая о процветании Иракского Курдистана. Вдруг фургон резко свернул с улицы и въехал в массивные ворота. Мы всматривались через лобовое стекло и пытались сориентироваться в ситуации. Были видны песочного цвета высоченный бетонный забор с колючей лентой, таким же образом окрашенная стена здания с зарешеченными окнами и двор, залитый цементом. Мы похолодели — тюрьма. Что может произойти с нами, «ботаниками», в тюрьме, да еще и в Ираке? Солдаты открыли нашу клетку. Мы в страхе сжались, так как нам вовсе не хотелось выходить из клетки. Она уже казалась безопасным местом в сравнении с окружающим миром. К счастью, забрали не нас. Машина выехала с территории тюрьмы и снова двинулась по улицам Эрбиля.

После недолгой езды мы снова въехали в какие-то ворота. Были видны клумбы, заасфальтированные дорожки и стена здания довольно цивилизованного вида. У нас появилась надежда: возникло предположение, что это специальный терминал аэропорта для депортируемых. Конечно, спустя какое-то время стало понятно, что мы просто бредили. Кто пустит машину с вооруженными людьми на территорию аэропорта, даже не подвергнув предварительному досмотру?

Автозак остановился, и нам приказали выйти.

Наручники были сняты, а нам возвращены наши сумки.

Мы горячо благодарили наших конвоиров на курдском языке и пожимали им руки. Удивительно, но они не смеялись над нашей наивной глупостью, а просто подвели к одному из входов в здание. Внутри оказался длинный коридор с множеством металлических дверей. Каждая дверь была снабжена небольшой табличкой с надписью, состоящей из латинских букв и цифр. За одной из них находился кабинет, в котором у нас снова забрали сумки, записав их количество. После этого нас опять вывели на улицу и завели в то же самое здание, но уже через другой вход. Конвоиры передали нас в распоряжение каких-то людей в гражданской одежде. В этой части здания тоже был коридор, но более широкий. В одном из кабинетов оказался сейф, в который поместили изъятые у нас деньги, разрешив оставить лишь небольшую сумму.

После этого нам велели проследовать до т-образного разветвления коридора и там остановиться. Ответвление, перпендикулярное основному коридору, было зарешечено. Оттуда вышел смуглый парень невысокого роста и с редкой щетиной, представившийся Ахмедом. Он говорил по-английски и объяснил, что мы должны снять обувь, носки, ремни, головные уборы и отдать все, что у нас есть в карманах, кроме сигарет и денег. Все это было упаковано в полиэтиленовые мешки и подписано арабской вязью. Мужчина в гражданской одежде подвел нас к решетке, открыл в ней дверь, впуская нас внутрь, затем зашел следом и закрыл за собой дверь. Ахмед, который шел рядом, объяснил нам, что это место является тюрьмой, а он — один из ее заключенных.

Мы униженно шли, ступая босыми ногами по холодному бетонному полу и то и дело подтягивая сползающие без ремней штаны. Коридор свернул налево под прямым углом. Пройдя еще около пятнадцати метров после поворота,

мы остановились перед решетчатой дверью камеры. Дверь была отперта, и мы словно в трансе вошли внутрь. Дверь захлопнулась.

Роман. Сначала высадили наших товарищей без шнурков, потом нас.

Далее уже все было как в зазеркалье. Я понимал, что это тюрьма, и Саша понимал, что это тюрьма. Но из последних сил мы боролись с такими мыслями. Мы сдали чемоданы какому-то косоглазому молодому человеку, потом паспорта и деньги — второму, потом третий человек повел нас через ряд решетчатых дверей по длинному коридору.

Мы остановились напротив камеры. Довольно большое помещение было до отказа забито сидящими и лежащими на полу людьми. «Ну вот, — сказал Саша, — сейчас нас изнасилуют, а потом убьют».

Я промолчал, настолько очевидными показались мне эти предсказания.

Нас завели в камеру и, с шумом поворачивая огромным ключом, закрыли дверь.

15. В камере

Александр. Мы стояли у двери и не знали, куда пройти. Повсюду на полу лежали люди, так что нельзя было и шагу ступить. На нас уставились десятки глаз. Наконец, пройдя несколько шагов вглубь камеры, мы сели на пол и стали несмело осматриваться. Камера имела около семнадцати метров в длину, шесть метров в ширину и три в высоту. В одной из стен было несколько окон, расположенных на высоте двух метров от пола и зарешеченных как снаружи, так и изнутри. Через окна было видно лишь небо. На другой стене висели телевизор и часы. Та стена камеры, которая отделяла ее от коридора, представляла собой глухую бетонную перегородку, во всю длину которой в тех же двух метрах от пола шло окно в коридор, естественно, закрытое толстой решеткой. Решетка состояла из прутьев круглого сечения, промежутки между которыми составляли около десяти сантиметров. Из такой же решетки была и дверь в камеру. В углу камеры имелся туалет и раковина. Туалет — кабинка с незакрывающейся дверью и очком в полу. Туалетной бумаги не было, но стоял специальный кувшин с водой — афтафа, использующийся мусульманами для очищения после удовлетворения соответствующей физиологической потребности. Возле входа в туалетную кабинку была раковина, над которой на стене висел кусок фольги, заменявший зеркало.

Никаких нар в камере не было, и все заключенные сидели на покрывалах, расстеленных на полу в три ряда. При полезной площади примерно в девяносто восемь квадратных метров в камере ютилось на тот момент около восьмидесяти человек. Таким образом, на одного человека приходилось чуть больше одного квадратного метра. Все заключенные неистово и практически безостановочно курили, и дышать в камере было нечем. Тут-то и пригодились сигареты, подаренные доктором Али: подкурив у заключенных, мы с облегчением закурили.

Роман. Не менее восьмидесяти пар глаз уставились на нас: с интересом, с юмором, с безразличием. Но все-таки больше было интереса. Агрессии пока не ощущалось. Двое каких-то шустрых, невысокого роста парней лет по двадцать пять подошли к нам: увидев бледнолицых, к нам послали на переговоры знавших английский язык двух Ахмедов.

«Не беспокойтесь, это временно, да, это тюрьма, нет, это не аэропорт, да, мы понимаем, что вы иностранцы, еще раз — не беспокойтесь, садитесь здесь», — говорили они нам.

Мы оказались вдавленными в ряд очень плотно сидящих мужчин. Плечо к плечу, спина к спине. Люди сидели у двух стен — спинами к стене — и по центру в два ряда — спиной к спине, обращенные лицами к тем, кто сидел у стен. Мы кое-как уселись на тряпки рядом и начали осматриваться. Бетонные стены и пол, окна с решетками открываются в коридор на высоте примерно 220 см. Решетчатая дверь в коридор. На приступке у решеток расставлены пластиковые стаканы. В камере — около восьмидесяти взрослых мужчин разного возраста и различной степени потрепанности. Мы сразу заприметили кудрявого молодого верзилу, который громко хохотал и задирали окружающих, странного короткостриженого мужика с безумно вращающимися глазами, худого крючконосого басмача в наручниках и еще массу интересных личностей. В камере висел телевизор, по которому транслировали мыльную оперу, в силу чего внимание многих соседей было приковано к голубому экрану. Напротив нас полный парень лет сорока из картона и каких-то тряпочек мастерил шкатулку. Постепенно люди подходили к нам, чаще с переводчиками Ахмедами, и знакомились, представлялись: Аусер, Умед, еще пара-тройка Ахмедов, Муртаза, Мухаммед, Мустафа и др. Конечно, мы пытались что-то выяснить, узнать. Ахмеды пояснили, что нас, как иностранцев, точно освободят, только надо подождать. Неделя-другая — и нас найдут и помогут нам. После услышанного нами слова «неделя» мы резко сникли и начали обсуждать наше положение. Конечно, в наших беседах был огромный заряд тревоги и страха. Как мы поняли, здесь нет никакого следствия, люди сидят разные, многие месяцами и даже годами ждут хоть какого-то решения.

16. Заключение

Александр. Заключение в камере составляли очень разношерстную компанию, настоящий экзотариум. Были среди них как явные бандиты и завсегдатаи тюрем, так и люди, попавшие сюда случайно. Физиогномист нашел бы богатый материал для изучения, попав в иракскую тюрьму. Конечно, в первые минуты, проведенные в камере, мы боялись, что все эти «зверолюди» немедленно набросятся на нас и растерзают. Но ничего подобного не произошло. В передней части камеры, прямо возле двери, располагались наиболее приближенные к тюремным надзирателям заключенные. Вот они-то и вызвали нас на беседу. Целью беседы было выяснение моментов, интересовавших наших новых «братьев»: наши имена, из какой мы страны, кто по национальности и по вере, какая причина привела нас в Ирак, за что попали в тюрьму. На последний вопрос мы ответить не смогли. Общение наше происходило при посредничестве парня из Киркука, которого тоже звали Ахмед. Этот Ахмед отлично знал английский язык. Нам же он сообщил, что мы попали в хорошее место, тут прекрасная еда, а если будут какие-то проблемы, то он нас защитит. Кроме того, он рассказал, что в нашей камере есть и боевики ИГИЛ.

Ниже приведены краткие описания некоторых наиболее интересных заключенных.

Мусульманские имена сложны для восприятия на слух и для запоминания, поэтому мы приводим их в комбинациях с условными прозвищами.

Ахмед из Мосула — тот самый заключенный, который встретил нас по прибытии в тюрьму. Около двадцати пяти лет, родом из города Мосул. В тюрьме находится уже довольно давно. Находится в хороших отношениях с тюремными надзирателями и поэтому принимает участие в организации торговли среди заключенных. Он, до того как попал в эту тюрьму, уже успел побывать в другой, предназначенной исключительно для боевиков ИГИЛ, где в одной небольшой камере иногда содержатся до ста восьмидесяти человек. Хорошо говорит на английском.

Ахмед из Киркука — совсем молодой парень (около восемнадцати лет). В нашей тюрьме сидит уже три года, но никаких обвинений ему так и не было предъявлено. Город Киркук, откуда он родом, находится в восьмидесяти километрах к югу от Эрбиля и знаменит тем, что в его окрестностях находится одно из крупнейших газонефтяных месторождений в мире. В 2014 г. месторождения Киркука были захвачены силами пешмерга, и по настоящее время Киркук контролируется курдами. Отец Ахмеда служил в армии Саддама Хусейна, который, будучи в 1979—2003 гг. президентом Ирака, проводил акции массового геноцида курдов в Северном Ираке, известные как операция «Анфаль», в ходе которых было убито почти 182 тысячи курдов. Поэтому отец Ахмеда был арестован и, скорее всего, расстрелян, а все члены его семьи репрессированы и теперь находятся в различных тюрьмах. Ахмеду из Киркука связь с внешним миром запрещена, и он ничего не знает о судьбе своих родных. За время, проведенное в тюрьме, он прекрасно выучил английский. Является основным связующим звеном между тюремными надзирателями и заключенными.

Ахмед из Сирии — араб двадцати четырех лет от роду. Причина нахождения на территории Ирака и последующего ареста неизвестна. Хорошо владеет английским языком. В заключении находится месяц.

Смотрящий по камере — авторитет, отвечающий за ситуацию в нашей камере. Неразговорчив и не стремится идти на контакт. Занимает наиболее комфортное место в камере.

Аусер Полицейский — до ареста служил в полиции. Даже в тюрьме продолжает следить за порядком и является одним из самых важных людей в камере. Возраст его около тридцати лет. Английского не знает, но имеет англоязычную татуировку на груди с орфографической ошибкой: «I love you my frends!»

Татуированный Уркаган — скорее всего, просто молодой уличный бандюга и завсегда тюрем. Обильно украшен различными татуировками. Иногда нарушает дисциплину, задирая других заключенных.

Толстый Хулиган — высокий и толстый мужик около тридцати лет от роду. Также является нарушителем дисциплины и знает одну нецензурную фразу по-английски.

Гангстер Неудачник — мужчина тщедушного телосложения, попавший в тюрьму из-за одного выстрела.

Умет Сломанная Рука — заключенный, подвергавшийся тяжелым пыткам. Высокого роста, около пятидесяти лет от роду, имеет грубые черты лица. На допросах его сильно пытали, сломав плечевую кость, что привело к формированию ложного сустава на месте перелома и сильно изуродовало руку. Кроме того, имеет многочисленные зажившие пулевые ранения.

Одноногий Игиловец — боевик, возрастом около сорока лет. Потерял ногу по колено, вероятно, в результате подрыва на противопехотной мине. Вторая

нога сильно посечена осколками. Вместо потерянной ноги использует пластмассовый протез, который ночью хранится возле туалета. Молчалив.

ВИЧ-инфицированный Игиловец — совсем молодой паренек, не более двадцати лет от роду. Во время нашего пребывания в тюрьме начал старательно изучать английский язык по англо-арабскому разговорнику. Однажды честно признался: «Daesh is not good» («ИГИЛ — это нехорошо»). Жаловался, что является ВИЧ-инфицированным.

Игиловец Школьник — мальчик пятнадцатилетнего возраста. Появился в камере через несколько дней после нас. Одет в пиджак и брюки, имеет очень интеллигентный вид и похож на школьника-олимпиадника. Связан с игиловцами. Заключение переносил тяжело: падал в обморок от нервного истощения и усталости.

Злой Игиловец — самый неприятный из игиловской «молодежи». Очень смуглый, имеет косматые сросшиеся брови и колкий взгляд. Держится только в компании игиловцев и сторонится других.

Хромой Игиловец — сильно покалеченный подросток, передвигающийся с помощью костылей. Одна нога у него всегда скрючена и худая, как палка, — очевидно, с нее были сорваны мышцы в результате огнестрельного ранения. Костыли его выполняли в нашем тюремном мире важную функцию — с их помощью развешивалось для просушки белье.

Игиловец Машда — молодой человек с загадочной татуировкой на ребре ладони. Татуировка выполнена на кириллице и читается как «Машде» или «Машда» (последняя буква наколота неразборчиво). Имя Машда принадлежит одному из древних правителей Месопотамии. Татуировка на кириллице и некоторые особенности внешности заставили нас предположить, что Игиловец Машда может быть выходцем с Северного Кавказа. Однако он в ответ на расспросы заявил, что он из Ирака. Проверить это не представляется возможным.

Черный Мосулец — парень возрастом около двадцати лет. Имеет настолько черную кожу, что его можно принять за представителя негроидной расы. Другой его отличительной чертой является необычная форма черепа: вдавленная седловина в области теменных костей и вытянутый затылок. Мастер по игре в домино. Нам не удалось выяснить причину, по которой он оказался в тюрьме, но, скорее всего, он связан с игиловцами.

Учитель Географии — молодой школьный учитель. Был арестован по неясной причине за несколько дней до нашего прибытия в тюрьму. На свободе у него остались малолетние дети. С каждым днем сильно сдавал морально, в итоге пришел в такое глубокое уныние, что у него запали и почернели глаза.

Учитель Английского — пожилой учитель, преподающий английский, гастролируя по разным городам Северного Ирака. Незадолго до ареста побывал в Киркуке, что, возможно, и послужило причиной его ареста. Очень тяжело переживает заключение, плачет.

Иранский Инженер — молодой мужчина высокого роста. Провел в камере уже около двух месяцев, но за все это время ни разу не был вызван на допрос.

Мустафа из Багдада — преуспевающий бизнесмен. Прилетел из Багдада в Эрбиль для проведения деловых переговоров. В Эрбиле был арестован прямо в аэропорту из-за сходства его имени с именем одного разыскиваемого террориста. Его уже не первый раз арестовывают и сажают в тюрьму по такой странной причине.

Усатый Пешмергист — боец армии Иракского Курдистана. Во время службы лично убил десятки человек. Демонстрировал очень хорошее отношение к нам, часто угощая чаем и сигаретами. Имеет трех жен, но хочет еще четвертую, причем почему-то русскую.

Плешивый Пешмергист — пожилой солдат пешмерга. Голова была сильно обожжена, из-за этого волосы растут какими-то клочками. По характеру угрюмый, но не злой.

Арю Пахлаван Шизофреник — ярчайшая персона камеры. Мужчина около сорока лет от роду, прибывший в Ирак из Ирана и оказавшийся в тюрьме. К моменту нашего появления провел в камере уже шестнадцать месяцев. Содержится в общей камере обыкновенной тюрьмы, хотя тяжело болен шизофренией. Находится в состоянии острого психоза, что проявляется в галлюцинациях и разнообразном бреде. Часто, выпучив глаза и уставившись в пространство, разговаривает с несуществующими собеседниками, причем на английском языке. Пишет в воздухе, нажимает на несуществующие кнопки и набирает воду в кружку из водопадов, низвергающихся с потолка, которые видит только он. Нередко замирает в странных и вычурных позах. Ворует ложки, из которых изготавливает заточки. Агрессивен и нередко становится участником потасовок с сокамерниками.

Кощей Изгой — самый страшный обитатель камеры. Обладает жуткой внешностью: худое и очень костлявое телосложение, сгорбленная спина, лысый череп уродливой формы, оттопыренные уши (как у летучей мыши), глубоко посаженные и ничего не выражающие глаза, большой крючковатый нос, крупные кривые полусгнившие зубы, отсутствующие в шахматном порядке, и огромные, месяцами не выдавшие ножниц, ногти на руках и на ногах. Одет во все черное. Постоянно закован в наручники на жесткой сцепке (без промежуточных звеньев), из-за чего не может осуществлять гигиенические процедуры и источает скверный запах. Кощей Изгой ненавидит вся камера: пока его руки не сковали, он дрался с сокамерниками по нескольку раз в день. Нам так и не удалось узнать, кто этот вурдалак «по жизни», нам лишь говорили, что это очень плохой человек. О возрасте его можно только гадать.

Этот список содержит лишь немногим более четверти людей, сидевших с нами в одной камере. Это те, с кем мы контактировали больше всего — как по своей воле, так и в силу различных бытовых обстоятельств. Среди наших соседей по камере было не менее тридцати боевиков ИГИЛ, в то время как в вышеприведенном обзоре таких немного. Скудность информации об игиловцах объясняется тем, что мы любыми способами старались избегать общения с ними. Причин тому было две: во-первых, эти люди опасны сами по себе, а во-вторых, мы не хотели, чтобы заключенные доложили кому следует, что мы общаемся с боевиками (тюремные информаторы наверняка в нашей камере были). Даже в тех случаях, когда кто-либо из игиловцев сам пытался завязать с нами беседу, мы старались свести такое общение к минимуму. Большая часть «игиловских псов», как называл их Усатый Пешмергист, — это молодые люди возрастом около двадцати лет, часто имеющие различные травмы.

Роман. Остановлюсь и я на историях наших соседей.

Один — сын офицера времен Саддама. После переворота отец был расстрелян, а вся семья оказалась за решеткой. Уже три года он не видел родных.

Второй — пожилой учитель английского языка, недавно побывавший в Киркуке. Бедняга часто плакал. Ему было очень тяжело сидеть на корточках, он кое-как вставал. Сердобольные люди протягивали ему руки.

Третий — учитель географии. Молодой парень — он был арестован по непонятным для него мотивам. Страшная пустота в глазах, страх, затравленность. Покачивания из стороны в сторону указывали на сломанную психику. «У меня двое маленьких детей... Не верьте никому... Мы все сдохнем здесь...» — причитал он.

Следующий — приятный человек 45—50 лет. Он сразу произвел впечатление прямым добрым взглядом, интеллигентной внешностью, хорошим знанием английского языка. Терапевт из Мосула. Во время захвата этого двухмиллионного города боевиками доктор Омар находился в командировке в Турции. Вернуться домой он не мог, хотя сестра с семьей оставалась в Мосуле. У них был сад, огромный красивый дом. Когда кварталы, где во время оккупации жила сестра Омара, были отбиты антиигиловскими силами, она позвонила брату со спутникового телефона: «Забери нас, пожалуйста, забери нас отсюда...»

Мосул... Город, где были закрыты учебные заведения, где расстреляли всех футбольных болельщиков, где в кислоте растворили всех геев, где молодых женщин продавали и меняли на автоматы, где детям рубили руки за то, что они не могут расстреливать осужденных на смерть. Все разрушено, люди месяцами не мылись, голодали, боялись любого шороха. Все молодые люди под страхом смертной казни были мобилизованы в банды игиловцев. Почти три года кошмара.

И вот забрезжил свет свободы и освобождения.

Омар примчался на машине, его беспрепятственно пропустили через все блокпосты. Но когда он повез из города своих измученных, голодных родственников — их сразу задержали и, разобщив, отправили в тюрьмы, так сказать, «до выяснения». В камере он уже четыре месяца.

Мне запомнились два мужика напротив — настоящие колхозники, дубленые ветром и солнцем руки, искренние улыбчивые лица. Один — полный, коренастый, уса́тый, второй — тощий, горбоносый, какой-то кривой. Они совсем не понимали по-английски, но от этих людей шло какое-то тепло...

Ужасного вида высокий молчаливый мужик с гнездным облысением (возможно, это было следствием ожога) был исколот кораническими сурами от шеи до ступней. Совершенно отсутствующее выражение лица, отстраненность никак не коррелировали с его неожиданным поступком. Видя, что наши штаны постоянно падают без ремней, он нашел мне шнурок, а Саше свернул ремень из куска пленки, которой застилали пол во время обеда.

Один простой как пять копеек парень интересовался, сколько в России стоят яблоки, груши, сливы: «Я точно буду делать бизнес в России, когда освобожусь, — у нас огромный сад».

Еще мне запомнились один приятный высокий персидский инженер и общительный водитель-турок, который чуток говорил по-английски и рассказывал о своих коммунистических убеждениях.

Вообще, контингент был очень пестрый. В одной камере были здоровые и сумасшедшие, урки и полисмены, игиловцы, пешмерга... Но конфликтов было немного — царило своеобразное тюремное братство.

(Окончание следует.)

Михаил КОСАРЕВ

ПОЭЗИЯ «ВХ.» И «ИСХ.»

*Фельетон в документах**

Признаться, не знаю, зачем я хранил эти бумаги. Вероятно, в назидание потомкам. Смотрите-де, какие времена были, какие люди! Сейчас таких не встретишь.

Но как-то неожиданно оказалось, что и сегодня эта переписка, а также все, что ее породило, весьма актуальны.

Начну с письма на официальном бланке, в шапке которого на совершенно законных основаниях расположился орел с коронами, скипетром и державой. Сразу сделаю необходимую оговорку: некоторые имена и названия изменены — ввиду необыкновенно тонкой душевной организации заинтересованных лиц; орфография же и пунктуация, напротив, оставлены в неприкосновенности — как раз в подтверждение предыдущего тезиса.

Федеральное собрание Российской Федерации
Государственная дума
[...]** депутатская группа

Главному редактору журнала «Сибирская горница» М. Н. Щукину
Копия: М. Л. Гвардейцеву

Уважаемый Михаил Николаевич!

Ко мне обратился мой избиратель, житель Новосибирска, рабочий поэт Гвардейцев Матвей Леонидович за содействием в опубликовании его сборника стихов «Рассветные дали». На творческих встречах его стихи воспринимались с большим удовлетворением. Член Союза писателей России, заведующий отделом критики журнала «Сибирские огни» дал положительный отзыв о лирических стихах М. Л. Гвардейцева, написанных им в годы военной службы.

Прошу Вас, Михаил Николаевич, рассмотреть обращение Гвардейцева М. Л., по возможности помочь начинающему поэту и о результатах сообщить [...] депутатской группе Государственной думы, а также заявителю.

Приложение: на 3 л. в первый адрес.

Руководитель [...] депутатской группы
Государственной думы (подпись) М. М. Капитонов

Исп. Фалалеев

* «Вх.», «исх.» — общепринятые канцелярские обозначения входящей и исходящей корреспонденции.

** Наименование опущено (здесь и далее).

Тут необходимо дать короткую справку для молодых читателей. В 1995 г. новосибирские писатели А. И. Плитченко и М. Н. Щукин создали журнал для семейного чтения и назвали его «Сибирская горница». Не имея никакого начального капитала, на свой страх и риск — основываясь лишь на одной вере в то, что народу, читателю нужны не только очередные «откровения» бульварной прессы, но и иное, здоровое чтение, доверительный разговор о русской литературе, истории, краеведении, семейных ценностях. Организационно журнал был частным предприятием и едва-едва окупался за счет подписки (что и предопределило непродолжительность его существования: выросшие тарифы на услуги почты просто-напросто нарушили зыбкий баланс, выпуск стал убыточным).

Зная это, можно в полной мере прочувствовать суть процитированного выше официоза. Адресуясь в журнал, который не является бюджетной организацией и ровно ничем не обязан любой из фракций Государственной думы, в котором сотрудников в несколько раз меньше, чем клерков у депутата М. М. Капитонова, бюрократическая инстанция, хотя и вполне вежливо, но *предлагает* заняться делами неугомонного поэта стихов и прозаика кляуз. И непременно «сообщить о результатах», ибо в... словом, в одной уважаемой депутатской группе так заведено: любое дело доводить до конца.

Кстати говоря, это была не первая попытка направить кармически небезопасную энергию М. Л. Гвардейцева рикошетом в кого-либо другого, что является из второго документа. Не буду томить читателя и приведу упомянутое в первом письме «приложение на 3 л. в первый адрес».

Итак, приложение, лист первый.

Вх. 25.8-24/609 от 19.11.2002

Руководителю [...] депутатской группы
Государственной думы М. М. Капитонову

Уважаемый Митрофан Мефодьевич!

Получив от Вас замечательнейший ответ, за что я Вам очень признателен, по Вашему совету связался с Добровольским Анатолием Владимировичем: он деликатно мне ответил, что не имеет возможности помочь в издании сборника стихов «Рассветные дали», поскольку средства заложены только-только на поддержание районных печатных изданий. Хотя он относится к Вам с глубоким уважением, но увы! вынужден извиниться, тем более, что стихи содержат патриотическое направление.

В заключении он посоветовал обратиться к патриотически настроенным предпринимателям. А где их искать? Если всюду, к кому не сунешься — Новый Русский! Даже товарищ по детству, бывший сосед, нынче, естественно предприниматель, послушав мои стихи сказал: — Ты что считаешь меня за идиота, чтоб я давал тебе деньги настраивать народ против демократии! А ведь он прав: за такие стихи можно схлопотать по сусалам — не суйся куда не след?

Господи! Мою книжечку ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА читают даже студенты и восторгаются ими, не говоря уже о пожилых. Вы бы видели какой фурор производили патриотические стихи на них. Шквал аплодисментов. Книжечку с автографом рвали прямо из рук. В подтверждение посылаю копию подписей моего выступления в санатории ЗАЕЛЬЦОВСКИЙ БОР.

Вы прекрасно знаете — через год выборы. Моя книжечка лучше всякой листовки поможет разобраться избирателям: кто есть кто? Весь тираж я с любовью отдаю в распоряжение Народно-патриотическому союзу, за исключением 20—30 экземпляров, как автору. Согласен даже поддержать кандидата своими выступлениями, если таковые понадобятся.

Митрофан Мефодьевич, неужели среди патриотического союза не найдется предприниматель, который бы издал нужную для народа книжку? Ведь такие предприниматели как Мочалин, Червов, Киберев и то на поддержку своей кандидатуры в предвыборной гонке издали толстые книжки Новосибирских авторов, и как видите, помогло?

С огромным уважением к Вам болеющий за КПРФ
 рабочий поэт Матвей Гвардейцев. (Подпись.)

С нетерпением буду ждать от вас ответа. Сборник стихов РАССВЕТНЫЕ
 ДАЛИ, готов, смакитирован.

Поэзия — отнюдь не удел избранных, говорю об этом безо всякой иронии. Стихи у нас пишут почти что все. И это прекрасно. Прекрасно, когда мысли, переживания, прожитые мгновения просятся на бумагу. Кому-то удастся ярко, свежо их выразить, он, возможно, получит благодарный читательский отклик. Кому-то нет, но и у него останется лирический дневник.

Было неожиданно узнать, что к самодеятельным поэтам можно, оказываясь, отнести ставших широко известными совсем на другом поприще Ю. В. Андропова, Е. М. Примакова и даже узника (без)совести Улюкаева. Но окончательно всепроникающая сущность стихосложения стала мне ясна после одного недавнего случая.

Я зашел к товарищу, владельцу небольшой типографии. И там на столе увидел листы несброшированной еще книжки. Машинально поднес к глазам заполненную четверостишиями страницу — и тут же взялся протирать очки. Однако текст не стал понятней, ибо это были стихи на одном из тюркских языков. Так как записаны они были кириллицей, я, не понимая смысла, прочитал вслух пару строф. «Красиво звучит! — сказал я товарищу. — Прямо Омар Хайям!» — «Ну да, — отозвался тот, — его так и называют. Кричат: эй, Хайям, давай раствор! Он из бригады, что у меня на доме работает. Попросил книжицу напечатать. В счет будущей зарплаты».

Нет ничего плохого в том, что кто-то пишет стихи и со временем из них складывается книга. «Плохо» начинается тогда, когда автор своему детищу пытается вживить «вместо сердца пламенный мотор» — пробивную силу и сутяжьи приемчики.

Метод почти всегда используется один. Назвать его можно «Кругом враги!» или «Замуровали, демоны!» Дескать, мои политические и эстетические убеждения, которых я не скрываю, кое-кому не нравятся. И по этой самой причине нет мне ходу никуда. Далее остается вписать нужное: эти демократы (патриоты) не могут допустить, чтобы моя патриотическая (либерально-прогрессивная) поэзия прорвалась к народу и высветила все их убожество.

Однако опытный ходатай по своим собственным делам знает: для достижения подлинно кумулятивного эффекта бумажек всегда должно быть несколько.

Приложение, лист второй.

С творчеством Матвея Гвардейцева я познакомился в конце шестидесятых, когда он пришел в редакцию журнала «Сибирские огни» в солдатской форме, только что демобилизовавшись из армии, с небольшой подборкой лирических стихов.

Мне кажется, Галина Волина в своей небольшой рецензии точно подметила его стремление увидеть в обычном необычное. Это — в своей поэзии он ищет в обыденном, примелькавшемся новые краски, проявляет сущность того, что, казалось бы, исчерпано до дна.

Надо ли говорить о значимости и полезности его стихов, предназначенных для читателей? Думаю, они лучше литераторов разберутся в их сущности. Ведь это для них написал книжку стихов новосибирский поэт Матвей Гвардейцев, несомненно способный и одаренный.

Виталий Коржев.

Член Союза писателей России.

Зав. отделом критики журнала «Сибирские огни».

(Собственноручной подписи нет.)

Приложение, лист третий.

Председателю Общества Книголюбов
Заслуженному работнику культуры РФ
Пендюриной Т. В.

Сообщаю Вам — в санатории ЗАЕЛЬЦОВСКИЙ БОР 8 ноября 2001 года состоялась творческая встреча с Новосибирским поэтом Матвеем Гвардейцевым.

Встреча прошла в теплой дружеской обстановке. Прочитанные им лирические и детские стихи, пришедшими на эту интересную встречу, были восприняты с радушным вниманием.

Были заданы автору насущные вопросы, например: где можно приобрести детскую книжку? Когда она будет издана? А так же о дальнейшем творчестве поэта.

В конце встречи М. Гвардейцев подарил всем пришедшим на встречу свой сборник стихов ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА с автографом.

Библиотекарь санатория ЗАЕЛЬЦОВСКИЙ БОР

Самойлова Тамара Петровна (подпись).

Подписи слушателей (в три колонки до конца листа; здесь же — дважды — печать санатория).

Нет сомнения, что организовал рождение этих двух документов сам М. Гвардейцев. Трудно представить себе библиотекаря, зачем-то пишущего буквально донесение («Юстас — Алексу») председателю общества книголюбов. Но если просит человек, так здорово развлекший всех среди однообразных процедур...

Что же касается отзыва В. Г. Коржева, то надо иметь в виду следующее. Виталий Георгиевич оставил этот мир в 1996 г. Документ за его подписью, скорее всего, был написан еще ранее: лет за десять, а то и за двадцать до описываемых событий, ведь упоминаются в нем 60-е гг. Даже если по мягкости душевной — человек был небоевитый и деликатнейший — он и дал какой-то отзыв о стихах М. Гвардейцева, то последний «подшил к делу» документ солидного возраста.

Вот здесь я и подхожу к главному посылу своих заметок. В чем сила подобных людей? В том, что противостоять их напору — душевно затратно. Как-то не принято отвечать им, что называется, открытым текстом. В результате, как в дачном соседстве нахрапистого типа и бессловесного хлюпика, межа неуклонно смещается. Понятно, в чью пользу. И вот уже ставится под сомнение право редактора отвергнуть рукопись. Не пригласить куда-то. Не дать рекомендацию в Союз.

(Вот еще, оказывается, тема — в последнее время вновь стал очень престижен СП России. В свое время неоднократно похороненный, окруженный двой-

никами и альтернативными структурами. Помню, довелось держать в руках книгу автора, в аннотации тщательно перечислившего все союзы и сообщества литераторов, в которых он состоит, — их было семь. Но теперь можно говорить просто «Союз» — и никто не переспросит, не уточнит, какой именно.)

Редакционная почта полна гневных отповедей от отвергнутых авторов. Виртуальное (а зачастую и анонимное) общение провоцирует последних, как говорится, резать правду-матку. Правды там немного, скорее ближе к мату. Но дело даже не в этом, а в самой постановке вопроса: необсуждаемое право им хочется у редакции отнять.

А вот буквально вчерашнее письмо. Потенциальный автор журнала начинает его с обращения «Условно уважаемая редакция!» То есть сразу занимает позицию морального шантажа: дескать, у вас есть шанс заслужить и безусловное уважение, но для этого надо... Мы и сами понимаем, что для этого надо. Всего лишь опубликовать никчемный текст.

Что можно предложить в качестве пути выхода из положения? Ничего кардинального. Смягчать нравы. Самое важное для писателя — помнить, что он писатель. И следовательно, главное его дело — писать: прозу, стихи, драму, публицистику. «Капитал творчества не умножается скупостью», — говорил Ян Парандовский. Это означает, что если ты написал хороший рассказ и его отвергли, напиши еще один. И еще один. И еще. Жалко, конечно, что первый отклонили, он был такой удачный, местами гениальный. Не разглядели, не оценили. Но нельзя на этом заикливаться, нельзя «скупердяйничать».

Конечно, тип «пробивного» автора никуда не делся. Казалось, что звание писателя в наше время станет лишь названием профессии, потеряет манящую ауру. Но, к счастью или несчастью, этого не произошло. И если в сознании людей по-прежнему существует некий сверкающий Олимп, куда допускают лишь посвященных, значит, будут и искатели окольных дорожек к нему.

Однако мне кажется, что многие начинающие прозаики и поэты не принадлежат к этому психологическому типу и мысль о том, что свои произведения надо каким-то хитрым образом «продвигать», им внушена. Существует масса интернет-литературы на эту тему с кучей советов. Исследования я не проводил, но мне кажется, что все это из рубрики «Не умеешь сам — научи товарища». Например, можно встретить такой прием «промоушена»: напишите интервью с самим собой и предложите его в периодические издания. Откомментировать это мог бы разве что Юрий Поляков, автор «Козленка в молоке». В этом романе некий кандидат в писатели и властители дум имел творческий багаж ровно в одну пачку белой бумаги, поверх которой лежал титульный лист с его фамилией и названием романа. С этой «куклой» он терся в околосредственовских кругах и своей цели в итоге достиг. Он и его создатель тогда еще не подозревали о многообразии возможностей всемирной паутины, так что можно писать продолжение...

В заключение. Помните, что «быть знаменитым некрасиво»? Не претендуя на какую-то новую интерпретацию хрестоматийных строчек, отмечу, что из них следует принцип, которого должен придерживаться каждый пишущий. Писать ради того, чтобы увидеть свою фамилию напечатанной, «ради славы» — бесплодно, просто невозможно. Литература создается ради литературы. «А слава тебя найдет...» Это уже не Пастернак, это из комсомольской песни. Комсомольцам полагалось быть оптимистами. Мы же реалисты — и добавим: возможно, и не найдет. Но тут уж ничего не поделаешь.

Анатолий ГЛАЗОВ

ЧАЙКИ НАД СВАЛКОЙ

*Чешские записки украинского батрака**

* * *

Эта свалка мало походила на те, что мне приходилось видеть ранее на территории России и Украины. Процесс утилизации отходов был незамысловатым, сравнительно недорогим и экологически оправданным. Происходило это так: сначала рыли котлован, дно и стены которого выстилались полиэтиленовой пленкой. Затем этот котлован заполнялся всевозможными отходами. «Небеспечные материалы» — старые аккумуляторы, телевизоры, неоновые лампы и т. п., а также автомобильные шины и отходы из пластмассы, бумаги и тканей складывались отдельно. Мусор, свозимый мусоровозами, разравнивался и утрамбовывался «накладачами» (вроде наших бульдозеров, только не на гусеничном ходу, а на железных колесах и с ковшем). Постепенно котлован заполнялся, а на его месте образовывался высокий курган утрамбованного мусора. Причем на определенном этапе отходы начинали периодически поливать специальным катализатором, ускоряющим процесс разложения, сопровождаемый выделением метана, который отводился в газогенератор по трубам, установленным на «копце».

Когда курган достигал нужной высоты, его с трех сторон покрывали пленкой, затем глиной, а сверху — обычной землей, в которую высаживали саженцы плодовых деревьев вперемешку с колючим кустарником, а с четвертой стороны выкапывали новый котлован и цикл повторялся. Таким образом, когда территория, отведенная под свалку, оказывалась освоенной, то на месте вчерашних зловонных курганов мы оставляли если не ботанические сады, то вполне живописные продолговатые холмы. Не зря к нам на экскурсию привозили то студентов-экологов, то участников различных экологических семинаров и даже иностранных туристов.

Немного портили картину разносимые ветром пакеты, обрывки бумаги и прочая мелочь. Мы пытались с этим бороться, выставляя вокруг формируемого кургана высокие металлические мачты и натягивая на них капроновые сети, а также высаживая вокруг территории свалки различные колючие кустарники и деревья. Это помогало, но не на 100%, и нам приходилось, вооружившись вместительными мешками, периодически отправляться на прочесывание окрестностей для сбора разлетевшегося мусора.

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2018, № 9, 10.

В теплое время года рабочий день для нас, украинцев, начинался в шесть утра и продолжался до десяти вечера. Очередной дежурный задерживался на свалке еще на час. Наши непосредственные начальники-мастера работали в две смены: с шести до четырнадцати и с четырнадцати до двадцати двух понедельно. Контора («канцеляж») трудилась с восьми до шестнадцати часов.

Зимой мы заканчивали работу значительно раньше и — по договоренности с мастером второй смены — не забывали приписать себе лишний часик, а то и побольше. Иногда директор свалки пан Грац непосредственно сам указывал нам объем работы и продолжительность рабочей смены на тот или иной день.

Мастерами у нас были пан Франто (Франтишек Знаменачек), пан Лукаш и пан Руда (Рудольф) — старший мастер. О Франто я, как, впрочем, и другие украинцы, ничего хорошего вспомнить не могу. Тридцатисемилетний здоровенный упитанный детина, вратарь и играющий тренер деревенской футбольной команды, для меня он был реальным воплощением персонажа известного анекдота: «Было у отца три сына: два умных, а третий — футболист». Работая во вторую смену, он, отследив отъезд директора со свалки, тут же забирал пару украинцев и отвозил их на работу к себе домой в ближайшую деревню.

Дом его находился в весьма живописном месте, у подножия крутой лесистой горы. Территорию с террасами вокруг двухэтажного коттеджа украшали фонтан, открытый бассейн, беседка, клумбы и ряд хозяйственных построек. Оставшуюся площадь покрывал травяной газон. Имея дармовую рабочую силу и взятые на свалке или обмененные стройматериалы, Франто постоянно что-то ремонтировал, переделывал, достраивал...

В первую смену, когда в любой момент мог появиться директор или старший мастер, Франто всегда чувствовал себя дискомфортно: пошныряв по территории свалки и прибрал все, что представляло для него какой-либо интерес, а заодно убедившись, что все рабочие заняты своим делом, он забирался в свой вагончик и, взяв себе в союзники кофе и телевизор, вступал в борьбу со сном. Обычно в этой схватке он был обречен на поражение и, чтобы укрыть сей позорный факт от начальства, приглашал к себе сторожа-украинца, обязанного следить за дорогой от конторы, находящейся в полукилометре от свалки. Обычно эта ответственная и щекотливая миссия поручалась Володе, а в его отсутствие — Марине. Правда, с последней Франто сильно просчитался: эта бдительная охранница не только оберегала сон нашего мастера, но и фиксировала все это (и не только это) на видеокамеру своего мобильного. Так со временем в Мариночкином досье накопилось немало компрометирующей информации на нашего незадачливого начальника: вот он блаженно спит на своем рабочем месте, вот наполняет свои канистры на нашей бензозаправке, а вот загружает цветмет в свою машину. Франтишек и сам не заметил, как оказался у нас на крючке. И теперь стоило ему предъявить нам какие-либо претензии и припугнуть директором, как ему тут же напоминали о его собственных проделках, и он поджимал хвост...

Что касается второго мастера — пана Лукаша, то первые пару месяцев я вообще не знал, как он выглядит. По слухам, его папа занимал какой-то высокий пост и мог бы обеспечить сыну хорошую карьеру, вот только последнего это совершенно не волновало. Лукаш был фанатом автогонок, и интересовали его только автомобили. Он постоянно возился со своей очередной машиной, что-то переделывая и усовершенствуя, а потом с угрожающим ревом на бешеной скорости носился на ней по территории свалки и по прилегающим дорогам. Если после очередной аварии машина не подлежала ремонту, Лукаш покупал себе

другую (б/у) и сразу принимался за привычную для себя работу. На свалку, как мне сказали, его направил отец для наказания и вразумления, сопроводив примерно таким напутствием: «Не хочешь учиться — иди поработай!»

К нам на дртч без приглашения Лукаш не заглядывал, а приглашали мы его только в случае крупной поломки. Запомнились его доброжелательно-застенчивая улыбка и уверенные руки. Ликвидировав поломку, он опять надолго исчезал из нашей жизни.

Старшим мастером был милейший пан Руда. Он осуществлял общее руководство и контролировал копец — площадку, куда свозился весь не подлежащий дальнейшей переработке мусор. Украинцы на копце не работали, но пожаловаться пану Руде на нелюбимого всеми Франто могли — и довольно часто это делали.

Как опять же мне рассказывали ветераны свалки, пан Руда в свое время занимал довольно высокий пост в службе безопасности Чехословакии. Не отказался он от своих убеждений и после «бархатной революции». Если раньше он искренне симпатизировал Советскому Союзу, то теперь не скрывал своих симпатий к России. И когда к нам на свалку попадала, например, сувенирная продукция с символикой СССР или РФ, мы обязательно откладывали что-нибудь для пана Руды, и он с благодарностью принимал эти незатейливые подарки.

Нравились нам и «фушки» (шашки) у пана Руды: работой он нас не перегружал, но платил хорошо (сто корун в час) и щедро угощал — фирменными блюдами в его доме были мадьярский гуляш и «чешский чай» с медом и ромом. В трех его гаражах по соседству с советским узиком стояли и бывшая президентская «татра», и «харли-дэвидсон», и какая-то иная техника. Украинцы говорили, что в доме у пана Руды имеется неплохой арсенал, но лично я ничего такого не видел.

Директор свалки пан Грац был человеком на своем месте. И хотя он довольно часто болел, его присутствие на территории всегда незримо чувствовалось. А о том, как он разбирался в людях, красноречиво говорит хотя бы такой эпизод.

Однажды он, делая утренний обход нашего ангара в сопровождении мастера Франто, обратил внимание на две кучи мусора под стеной. Франто тут же принялся оправдываться. Указывая на меня пальцем, он возмущенно произнес:

— Вчера два раза ему говорил: «Убери там! Убери там!» Не убрал!

Я мог бы в оправдание сказать, что никаких команд от мастера я не получал, да и вообще это не моя территория, но я просто спокойно спросил директора:

— Вы ему верите?

— Конечно нет, — так же спокойно ответил тот и пояснил: — Я знаю тебя и знаю его.

Из-за спины директора я показал Франто средний палец. Лицо мастера перекошило.

Однажды в выходной мы работали на «фушке» у отца директора. Когда работа была закончена, хозяин рассчитался с нами, накормил и повез домой. Дорогой неторопливо говорили «за жизнь».

— Я всю жизнь работал шофером, — рассказывал нам пан Грац-старший. — И, если б не коммунисты, я никогда не вывел бы своих четверых детей в люди. А так все получили высшее образование и смогли найти хорошую работу.

— Ваша правда... Жили мы хоть и небогато, но честно и без страха за завтрашний день, — согласился я и перевел разговор на другую тему. — А вы зна-

ете, сколько всякого добра на нашу свалку привозят? Ведь пропадет все, сгниет, и даже археологам ничего не останется. Не по-хозяйски это. Неужели ваш сын этого не видит? Мог бы вам разрешить отбирать какие-то полезные вещи, и они бы еще послужили людям...

— Такой порядок не моим сыном установлен. А о том, чтобы что-то брать со свалки, мне сын и думать запретил...

Заместителем директора был получех-полунемец пан Шторек. С ним я познакомился, когда он взял меня в состав группы из четырех человек, посадил в свою машину и куда-то повез. Когда подъехали к обнесенной забором территории, пан Шторек остановил перед проходной машину и провел краткий инструктаж:

— Сейчас загрузим один контейнер, и, ребята, прошу вас ничего не красть, — я не хочу опозориться и потерять эту работу. Не пытайтесь обмануть этого секьюрити, он тридцать лет в тюрьме надзирателем проработал.

В центре большого склада стоял большой контейнер-«сороковка». Его предстояло загрузить коробками с различными моющими средствами с истекающим сроком годности. Пожилой охранник показал, что именно грузить и отошел в сторону.

Мы приступили к погрузке. Закарпатцы работали очень активно, и вскоре им стало жарко. Поснимав свои верхние куртки, они сложили их возле контейнера. Я работал в своем обычном темпе, не раздеваясь. Вскоре стала понятна причина повышенной трудовой активности моих партнеров: лежащие куртки стали быстро наполняться шампунями и прочей мелочью, что попадалась под руку шныряющих по складу грузчиков. Когда работа была закончена, мои товарищи, схватив в охапку свои разбухшие куртки, устремились к машине пана Шторека.

Выехав за проходную, наш начальник остановил машину и с возмущением стал выговаривать:

— Я же вас просил, а вы... Не могли по-хорошему попросить? Знаете, что сказал секьюрити? «Крадут все, кроме усатого (то есть — меня)... Впредь таких грузчиков не привози...» — И, обернувшись ко мне, закончил: — А вам — спасибо.

После этого случая для работы на складах пан Шторек брал только меня. Приехав на место и оценив объем работы, мы договаривались о времени встречи, после чего мой шеф уезжал по своим делам, а я оставался.

Однажды пришлось работать в субботу. Тот самый пожилой охранник, открыв склад и дождавшись отъезда пана Шторека, подошел ко мне и, протягивая ключи, сказал:

— Если захочешь выйти в туалет или еще куда, склад открытым не оставляй. Когда приедет пан Шторек, ключи и печать передашь ему. Он закроет и опечатает склад, а куда сдать ключи — он знает.

Охранник удалился, и в тот день я его больше не видел. Когда приехал пан Шторек, я, передавая ему связку ключей с печатью, не мог не высказать своего удивления по поводу неожиданной доверчивости секьюрити.

— Ничего удивительного, — ответил тот. — Я за тебя поручился.

Дорогой мы всегда с ним оживленно болтали. По причине моего несовершенства в чешском и немецком языках, которыми пан Шторек владел свободно, мы иногда переходили на русский. При этом мой собеседник всегда смущался:

— Толя, мне так стыдно за свой русский, — медленно подбирая слова, говорил он. — Твой немецкий намного лучше моего русского.

— А сколько лет и где вы учили русский?

— Восемь лет в школе.

— Мне трудно в это поверить, — совершенно искренне отвечал я. — Ведь после школы прошло уже столько лет, а чужие языки без разговорной практики очень быстро забываются, и тем не менее вы прекрасно говорите по-русски.

Польщенный пан Шторек смущенно улыбался. Из разговоров я узнал, что последние четырнадцать лет он провел в Гамбурге, где учился гостиничному бизнесу и работал в ресторане гостиницы своего отца, где прошел путь от помощника повара до главного администратора.

— Большой ресторан? — поинтересовался я.

— Большой. Шестьдесят человек персонала.

— А какого опыта вы набираетесь на свалке?

— По практическому применению норм международного частного права, — спокойно ответил пан Шторек. — Я заключил ряд выгодных контрактов с фирмами из соседних стран, и скоро на нашу свалку пойдет не только отечественный, но и импортный мусор, поскольку наши возможности по утилизации и переработке отходов задействованы далеко не полностью... Да я здесь долго не задержусь... Кстати, директор интересуется, почему для работы на складах я беру только тебя. Я объяснил. Сказал также, что нам интересно общаться. Это его удивило: «Как же вы общаетесь? Я ему давно предлагаю перейти на «энки» («небеспечные материалы»), а он отказывается, ссылаясь на то, что плохо понимает чешский язык и ему будет трудно разговаривать с водителями и диспетчерами. Хотя со мной говорит по-чешски». Пришлось ему объяснить, что мы общаемся на четырех языках, включая международный язык жестов. А действительно, почему ты не хочешь перейти на «энки»?

— Потому что туда и без меня слишком много желающих из числа ветеранов свалки. А усложнять себе жизнь коллекционированием недоброжелателей — контрпродуктивное занятие...

Но и подстраиваться под закарпатцев я не собирался и вел себя, руководствуясь своими принципами. Когда я возвращался с работы на складах, закарпатцы тут же приступали к расспросам — где был, что делал? Я отвечал.

— А что... украл? — тут же следовал вопрос.

— Ничего.

— Почему?

— А вы не находите, что вопрос несколько странный? Во-первых, воровать — грех, а во-вторых, зачем воровать то, что у меня и так уже есть?

— Как «зачем»? Домой отвез бы, жена бы спасибо тебе сказала, — не сдавались мои оппоненты.

— Должен вам напомнить, что моя пенсия позволяет моей жене не экономить на стиральном порошке. Да и сама она, как и наша дочь, работает и получает свою зарплату. И если бы я за две тысячи километров с пересадками привез ей две пачки «Ариэля», то это, поверьте мне, ее бы не обрадовало, а только удивило. Как если бы я привез, например, мешок макарон...

— И все равно не понимаю, у воды и не напиться? — Юра вообще был о человечестве не слишком высокого мнения, и его главной заботой в этой жизни было не оказаться глупее (в его понимании) других. Впрочем, имея фамилию Купец, Юра вполне ее оправдывал и в каких-либо лекциях на морально-нравственную тематику не нуждался. Взяв себе на вооружение тезис «миром правят деньги!», он пребывал в непоколебимой уверенности, что главным делом жизни

человека может быть только накопление дензнаков. Не обладая глобальными коммерческими талантами, но имея завидную целеустремленность, все свободное время и значительную долю рабочего Юра посвящал заготовке цветмета и собирательству всего, что имело хоть какую-то товарно-денежную ценность.

— Зачем тебе столько? — как-то спросил я его, указывая на два больших мешка, набитых бобинами разноцветных лент.

— Продам и буду иметь гроши, — не задумываясь, ответил Юра.

— Кто их у тебя купит?

— Люди всё покупают. Миром правят гроши!

...Все, что закарпатцам удавалось притащить со свалки, отправлялось на родину, за исключением цветмета, который сдавался в ближайший пункт приема металлолома. Приблизительно раз в неделю к нашему общежитию приезжал земляк-перевозчик на «бусике» с прицепом за очередной партией груза. Загрузившись и получив деньги за провоз, он отправлялся в сторону границы, которую и пересекал известным ему проверенным маршрутом.

Как мне сообщили со значением, покачивая головой, его односельчане, этот перевозчик строил у себя в деревне дом в семнадцать комнат. На мой наивный вопрос о количестве членов семьи мне снисходительно объяснили, что семья у него небольшая — четыре человека, а такое количество комнат ему понадобилось потому, что сосед построил дом в шестнадцать комнат.

Что касается нашей маленькой бригады, то мы так и не стали одной командой, да и «стаей» мы тоже не были. Я назвал бы наш коллектив группой индивидуумов, силою жизненных обстоятельств собранных в одно структурное подразделение, где каждый жил только для себя и думал только о себе.

Сначала наши отношения несколько обострились. Вызвано это было тем, что Марина и Эдик на правах ветеранов принялись воспитывать нас с Мишей. Нам доходчиво объясняли, как нам здорово повезло, что мы попали на работу в такое замечательное место, а не куда-нибудь, например, на стройку. А в перспективе будет еще лучше, и по истечении некоторого времени (что-то вроде карантина или испытательного срока) мы тоже сможем участвовать и в заготовке цветмета, и в дележе отбракованной сувенирной продукции, которую периодически привозил к нам белый микроавтобус, именуемый на свалке просто «Прага», а также сможем рассчитывать на свою долю конфискованного на «летиште» (в аэропорту) спиртного, не говоря уже о множестве других полезных вещей, которые мы сможем отыскать на копце, когда получим туда доступ...

Миша на словах безоговорочно соглашался со всем, что нам говорили, а на деле уже с первых дней своего пребывания на дртиче, нахально игнорируя все запреты, связанные с карантином, стал тащить все что мог. Возможно, он полагал, что делает это незаметно, но когда человек каждый день идет с работы с увесистым рюкзаком за плечами, это вызывает определенные вопросы...

Я, например, ходил налегке: свой «тормозок» утром я заносил в кармане, а вечером выносил в желудке. Зато я оказался неблагодарным слушателем, и поскольку не испытывал особого желания закрепиться на новом месте, то все разглагольствования наших наставников подвергал жесткой критике. Неудивительно, что это вызывало сильное раздражение противной стороны. Но, видя, что моя аргументация не замешана на злорадстве, а с точки зрения логики почти безупречна, сначала смягчился Эдик, а затем выровнялись отношения и с Мариной. И когда какое-то время спустя директор решил сократить на нашем

участке одного человека, Марина с Эдиком попросили оставить меня, а убрать Мишу, что и было сделано...

С наступлением весны стали подтягиваться с Украины заробитчане для работы на «линке». Сначала появился Василий — бывший прапорщик. Затем подъехал Федор — швагер (муж сестры) Эдика. И наконец, придя с работы, я увидел в своей комнате на забронированной койке Володю.

Через непродолжительное время в нашей общаге появились их жены — Катя, Надя и Вика соответственно. Сначала они работали где придется. Затем стараниями мужей их всех пристроили на нашу свалку. А чтобы кого-то пристроить, нужно кого-то убрать и проще всего — злоупотребляющих спиртным или уезжающих на побывку на родину. Конкурентная борьба была весьма жесткой. Так, например, Эдик, проработавший на свалке не один год, сначала не смог пристроить здесь свою жену Наташу, а когда сам отпросился в непродолжительный отпуск, его место на «энках», которое он занимал после Саши, тут же занял уже упомянутый Федор, впоследствии отказавшийся освобождать это место для Эдика, и последний оказался за бортом. Пришлось Пете пристраивать его на какую-то стройку.

С Володей мы быстро нашли общий язык, этому способствовало то обстоятельство, что, прожив, если не ошибаюсь, двенадцать лет в Иркутской области, Володя всегда с большой теплотой отзывался о России. Омрачало наши отношения только одно: не отличаясь богатырским телосложением, мой сосед тем не менее обладал могучим храпом. Особенно когда выпьет. А выпивал он практически каждый вечер. Я злился, а Володя виновато разводил руками. Витя, третий жилец нашей комнаты, занявший койку уволенного Миши и работавший в то время где-то на стройке, от храпа не страдал, потому что сам каждый вечер был не трезвее Володи. Зато когда приехала Вика и им с Володей удалось отвоевать себе отдельную двухместную комнату, я вздохнул с облегчением, и наши дальнейшие взаимоотношения имели только позитивный характер.

Когда запустили «линку», наши мастера предложили мне перейти работать туда. Особой радости от этого предложения я не испытывал, но, когда мне сказали, что моим напарником будет Володя, согласился.

Работа напоминала ту, которой я занимался на складе: перегружать на конвейер все, что привезут мусоровозы. Предметы, содержащие металл или стекло, отбрасывались в сторону. Главным орудием труда были обыкновенные вилы с загнутыми под углом девяносто градусов рогами, что делало их похожими на грабли. И вот этими вило-граблями мы и сгребали мусор на конвейер, проходящий на полметра ниже пола.

Работа на «линке», безусловно, требовала мужской силы, а если учесть, что продолжалась она с шести утра до девяти вечера, то легкой ее никак не назовешь. Исходя из этого, я выбирал такой темп, чтобы сил хватало на весь день.

Тяжелее всего приходилось Васе. Во-первых, потому, что слишком старался, а во-вторых, потому, что не повезло с напарником. Я имею в виду Юру, который был озабочен только личным промыслом. Однажды, увидев, как Вася, бросив на пол куртку и в изнеможении опустившись на колени, из последних сил сгребал мусор, я подошел к нему.

— Не могу больше, — выдохнул он.

— Да отдохни ты немного, не надрывайся так!

— Не могу — директор побачит...

— Вон за тем углом нет видеокамер, — указал я. — Иди полежи на травке.

— А линку зупынить? — не переставая работать, возразил Василь.

Я развернулся и пошел за лнднер, где в укромном местечке, укрывшись от посторонних глаз, Юра деловито чистил медные провода.

— Юра, имей совесть! Иди подмени Васю, он уже с ног валится. Ведь он в отцы тебе годится!

— Дядя Толя, а кто его заставляет так упираться? — нимало не смутившись, не согласился со мной Юра. — Ведь платят нам за години...

— А, разбирайтесь сами, — я махнул рукой и отправился на свое рабочее место.

Вскоре рядом с Васей появился Юра, и они продолжили работу вдвоем...

Значительно облегчало нашу работу то обстоятельство, что чехи очень добросовестно сортировали выбрасываемый мусор и складывали его в различные контейнеры или мешки. Таким образом, проезжая улицей какого-нибудь городка, сборщики, не выходя из машины, по цвету тары могли точно определить, что находится в том или ином мешке — стеклянные бутылки или пластиковые, или бумага, или что-то иное. Поэтому в мусоре, поставляемом на линку, отходов было немного. Так, разная мелочь: зонтики, игрушки, спортивный инвентарь с металлическими деталями и пр. Если мы что-нибудь пропускали, то нашу ошибку исправлял электромагнит, подвешенный над конвейером.

Иногда к нам попадал и не совсем обычный материал. Пару раз полицейские привозили пакеты с белым порошком. На мой вопрос: «Что это?» — они только улыбались. Весь процесс утилизации фиксировался на видеокамеру. Затем уже гражданские лица привезли несколько мешков компьютерных дисков и аудиокассет. Эти оказались разговорчивее.

— Что это?

— Архив.

— Вацлава Гавела?

Улыбка. И опять видеосъемка.

Однажды для переработки доставили шесть больших контейнеров «сороковок» вьетнамского конфиската. Думаю, не будет преувеличением сказать, что в этот товар можно было одеть и обусть население небольшого города. Наш ангар был завален кучами одежды и обуви с лейблами самых брендовых фирм в фирменных же упаковках. Несколько контейнеров дожидались своей участи на улице. Все абсолютно новое! И все пускать в перемолку? Лично для меня это было немалым потрясением.

Утилизация происходила под наблюдением представителей чешских контролирующих органов. В ангаре были перекрыты все двери, и на каждую линку был поставлен отдельный надсмотрщик. Рядом со мной оказалась молодая женщина в респираторе. Я принес ей стул и запустил линку. Постепенно приходя в себя и успокаиваясь, я сделал попытку выяснить причину столь неразумного поведения властей.

— А что, нельзя было передать этот товар в Международный комитет Красного Креста, например? — спросил я свою наблюдательницу.

— Нет, — покачала она головой.

— Почему?

— Не разрешает закон. Весь контрафактный товар подлежит утилизации.

— А вы не находите этот закон идиотским?

Она пожала плечами.

Наступил обеденный перерыв. Я сел на велосипед и поехал на ближайшую бензозаправку, где имелись дорожный ресторан и магазин. Сделав необходимые покупки, я вернулся на свалку. На площадке, где стояли еще не разгруженные контейнеры с конфискатом, моему взору открылось неожиданное зрелище: все наши работники увлеченно рылись в содержимом контейнеров, набивая вместительные мешки для мусора приглянувшимися вещами. Поставив велосипед, я вошел в ангар. Там хозяйничали украинцы.

— Что происходит? — я испытал второй легкий шок за день.

— Дядя Толя, можешь выбрать все, что понравится, — бойко объяснил мне облаченный в новенькие джинсы и свитер Юра и принялся натягивать на ноги яркие кроссовки. — Наблюдатели уехали, камеры отключены.

Я немного постоял, затем выбрал себе вместительную клеенчатую китайскую сумку и присоединился к остальным. Но если закарпатцы, находясь сравнительно недалеко от дома (всего-то 700 км) и имея налаженный канал поставок, а также беспересадочный автобусный маршрут, могли не особенно стеснять себя объемами трофеев, то я, памятуя о непростой и длительной дороге домой, ограничился одной плотно набитой сумкой.

Нужно иметь в виду, что в наши руки попадали и иные вещи, достойные путешествия на Украину. Например, каждую среду с восьми до девяти утра мы поджидали на копце мусоровоз с конфискованным в пражском аэропорту алкоголем. Сам я туда не бегал, но своего напарника Володю всегда отпускал и прикрывал его, оставаясь работать в одиночестве. За это он периодически презентовал мне то бутылку шотландского виски, то армянский коньяк, то что-нибудь еще. Со временем я стал обладателем неплохой алкогольной коллекции, которую хранил у себя под кроватью.

В этой связи не могу не вспомнить такой эпизод. Как я уже отмечал, вместо Миши ко мне в комнату поселился Витя, работающий разнорабочим, но упорно подыскивающий себе место сварщика. Поскольку он был не дурак выпить, особенно на халяву, то почти каждый вечер я был вынужден выслушивать его пьяные фантазии о том, как уже очень скоро он устроится на какой-нибудь завод сварщиком, а меня возьмет помощником, и как счастливы будем мы, зарабатывая по сто двадцать корун в час, не меньше. А еще он любил порассуждать о высоких материях и глубинных проблемах бытия, стараясь выглядеть при этом максимально честным и объективным.

Как-то раз мы оказались свидетелями пьяной драки двух закарпатцев. Причина драки была банальна: один успел пристроить свою жену на освобожденное на свалке место, а второй — нет... Глядя на это, Витя, придав лицу скорбно-глубокомысленное выражение, спросил:

— Толик, как ты думаешь, почему украинцев не любят ни в России, ни за границей?

— Будто сам не знаешь? — отмахнулся я.

— Понимаешь, иногда бывает просто стыдно за свою нацию. Надо что-то делать...

— Да ты хотя бы перестань стрелять у меня сигареты и начни покупать свои, — сказал я.

— Подумаешь, пару-тройку сигарет за день, — не согласился Витя.

— А за месяц — три-четыре пачки. А самая дешевая пачка, между прочим, стоит больше трех баксов, — тут же уточнил я.

Витя сделал вид, что задумался. Через некоторое время он засобирился домой — отдавать замуж дочку. На момент отъезда я должен был находиться на

работе, и мы заранее условились, где Витя спрячет свой ключ от комнаты, а я этот ключ заберу после работы.

Ключ оказался на месте, зато отсутствовала половина моей винно-коньячной коллекции. Причем — лучшая половина. Витек прихватил с собой даже медовуху с перцем «Немиров», которую я привез с Украины и собирался выставить на стол по случаю своего отъезда домой, когда это случится. Украинцы, находясь на чужбине, конечно же, скучали по дому и всегда радовались всему домашнему... И Витя не мог этого не понимать, но тем не менее...

* * *

Одним из ярких впечатлений того периода были чайки — никак не ожидал встретить эту морскую свободолюбивую птицу в такой сухопутной стране, как Чехия. Да еще в таком количестве, да еще на свалке. Тем более что они всегда молчали. Сначала, появляясь на копце, я не обращал на них никакого внимания, поглощенный выискиванием чего-нибудь интересенького. Но когда я заметил их присутствие, то был настолько удивлен, что не поверил своим глазам.

— Это — чайки? — спросил я находящихся поблизости чехов.

Те согласно кивнули головами.

— Но откуда? — не унимался я.

— Оттуда, — ответил один из чехов и указал рукой в сторону протекавшей в паре километров Влтавы.

— А почему они никогда не кричат? — я никак не мог успокоиться от такого открытия, а чехи не могли понять моего изумления.

— А зачем им кричать? — в свою очередь спросил меня другой чех.

— Ну не знаю... — развел я руками. — Просто птицы должны иногда кричать. Вот морские чайки кричат так, — и я попытался изобразить крик чайки.

Находящиеся на свалке птицы никак на это не отреагировали.

— Возможно, это — другие чайки, — улыбнулся пожилой чех.

— А возможно, их так в школе научили, — добавил молодой.

Поняв, что продолжать разговор на эту тему с чехами бессмысленно, я отправился на дртич. Все еще находясь под впечатлением от увиденного, я поделился своим открытием с Мариной и Эдиком. Как-то сами собой возникли аналогии со свободолюбивым и гордым украинским народом, далеко не худшие представители которого вынуждены влачить незавидное существование, батрача на чехов, поляков, греков и других не самых богатых жителей Европы. И это — почти двадцать лет спустя после обретения долгожданной «незалежности», когда «працовитый та талановитый» народ, сбросив ненавистное москальское иго, «запановал» на своих «наикращих в свити» черноземах, получив к тому же неслабую промышленность и науку, а все внешние долги великодушно оставив кацапам.

Мои ассоциации решительно не понравились Марине.

— Сам-то не забыл, где работаешь? — резко спросила она. — И чем ты лучше нас?

— Да хотя бы тем, что мне, в отличие от вас, эта работа не нравится, я не боюсь ее потерять, — объяснил я.

— А вот мне она нравится! И что?

— Да тебе вообще нравятся довольно странные вещи...

— Например?

— Например, родить в семнадцать лет. Моя дочь в этом возрасте была озабочена поступлением в институт, резонно полагая, что если тебе не повезло стать студенткой дневной формы обучения, то и молодости у тебя не было...

— Неправда! — с жаром перебила меня Марина. — Была у меня молодость! Была! И все я успела: и на дискотеки набегалась, и на базаре наторговалась.

Как я позже выяснил, на базаре, который проходил в их деревне один раз в неделю, Марина торговала пирожками и, из-под полы, самогоном.

— Да у тебя и сейчас дочка без родительского присмотра растет. Не боишься, что она еще раньше тебя родит?

— Не боюсь! — Марина почти кричала. — Мою дочь воспитывает моя мать, а она, между прочим, дипломированный детский воспитатель.

— Тебя она уже воспитала... — начал было я, но Эдик незаметно показал мне рукой: «Стоп!»...

Поскольку закрепиться в данном коллективе и на данной работе я не стремился, как, впрочем, не собирался и бежать отсюда, то и вел себя соответственно: в друзья ни к кому не лез, но и врагов заводить не старался. Ну а чтобы не оказаться в глазах окружающих, говоря современным языком, лохом или полным лузером, я, прикинув косу к носу, быстро определил для себя свободную нишу в нашем сообществе и ненавязчиво в ней прописался. Сделать это было нетрудно. Так, мое чешское начальство без особого труда рассмотрело во мне человека, не склонного к воровству, и сделало определенные выводы. А чтобы занять достойное место в компании работающих, но не обремененных высшим образованием закарпатцев, я предложил им оценить мои поэтические и юридические таланты.

Трезво оценивая свои способности и понимая, что в любой культурной среде меня просто поднимут на смех, я тем не менее принялся вовсю импровизировать, рассчитывая на неприязнительность закарпатских ценителей прекрасного.

Правда, на этом поприще приходилось утверждаться, имея конкурента в лице экс-прапорщика Васи, написавшего несколько глубоко выстраданных стихотворений, отражающих различные этапы его богатой на поездки жизни. Причем все стихи начинались одинаково: «Встает рассвет над... (далее следовало название местности, куда судьба заносила автора), и солнца луч тревожит горизонт...»

Дальше шла такая галиматья, понять и оценить которую лично я был не в силах.

Однажды, собираясь на побывку в Украину, по установившейся традиции я накрыл «поляну» на кухне общежития. Вася, тоже принимавший участие в застолье, в тот вечер был задумчив и серьезен. Он долго разглядывал мой автобусный билет маршрута Прага — Киев и наконец выдал некое четверостишие, смысл которого заключался в том, что «в свое время наступит время», когда и остальные участники прощального ужина также отправятся на родину. Похвалив коллегу за глубину мысли, я тут же решил поработать над более изящным ее оформлением. Обновление классики не заняло много времени. Через пару минут, стоя с бокалом сока в поднятой руке, я торжественно читал:

Товарищ, верь: пройдет она,
 Лихая, тяжкая година,
 И в нашу жизнь придет весна,
 И на билетах в Украину
 Напишут наши имена!

Реакция подвыпивших окружающих была еще более бурной, чем обычно. Женщины со слезами на глазах наперебой просто умоляли меня:

— Толик! У тебя же талант! Напиши, как мы тут на чужбине горе мыкаем! Пусть эти суки из нашего парламента узнают, каково украинским заробитчанам по семнадцать годин в сутки на свалках да на стройках корячиться...

Я обещал. Хотя и предупредил, что всю горькую и неприглядную правду о нашей незавидной доле вряд ли какое издательство осмелится напечатать. Особенно в ющенковские времена...

Что касается моей карьеры внештатного юрисконсульта свалки, то и здесь пришлось проявить некоторую настойчивость и, что называется, поработать локтями.

Однажды ко мне за консультацией обратилась Марина: кто-то из ее родственников не включил в свое завещание ее отца, в свое время немало сделавшего для неблагодарного наследодателя. Я стал выяснять, не входил ли ее отец в круг обязательных наследников, нельзя ли оспорить завещание по формальным признакам и прочие обстоятельства дела. И тут в наш разговор бесцеремонно вмешался Федя. Он безапелляционно раскритиковал мою позицию и тут же предложил свою, абсолютно непрофессиональную, линию поведения. Надо сказать, что Федя в любом разговоре на какую угодно тему последнее слово всегда оставлял за собой. А поскольку вместе с нами жила и работала его жена Надя, сестра Эдика, то я лично с ними никогда не спорил. Ну кому из нас, грешных, не хочется выглядеть умнее, чем мы есть? Хотя бы в глазах собственной жены. Но здесь была задета моя профессиональная честь, и я, не выбирая выражений, пошел в наступление:

— Федя, ты всю жизнь крутил баранку, и я никогда не буду с тобой спорить, что лучше — «форд» или «мерседес». Но почему ты считаешь себя профессионалом во всех вопросах? Ты что, где-то учился на юриста?

— Нет, но это же очевидно...

— Кое-кто считает очевидным, что Солнце вращается вокруг Земли, однако наука утверждает обратное. Ты считаешь себя самым умным во всех вопросах? Так докажи это хотя бы на примере своих детей. У такого умного отца и дети должны быть образцово-показательными, однако злые языки говорят, что у тебя сын бухает, а дочь гуляет.

— А твои что делают? — растерянно пробормотал Федя.

— Моя дочь преподает в университете, и в этом нет ничего удивительного, потому что ее отец, то есть я, в свое время тоже преподавал в ряде российских вузов...

С тех пор Федор со мной не спорил, да и в разговорах с другими вел себя более сдержанно.

Не могу не коснуться организации культурного досуга украинских заробитчан. Их культурные, если можно так назвать, запросы были более чем скромными. Расскажу о таком случае.

У Васи, как я уже говорил, не чуждого поэзии бывшего вертолетчика, была жена Катя, всю свою трудовую жизнь простоявшая за прилавком магазина. Относить эту пару к интеллигенции я бы не стал, но некоторые атрибуты — хорошая машина в гараже, дочь-студентка, начальник ГАИ и начальник штаба какого-то полка в кумовьях — намекали на их определенный социальный статус. Каково же было мое удивление, когда из разговора с Катей я узнал, что, приезжая в Чехию на заработки уже в третий раз и проживая и работая либо в Праге,

либо в предместьях Праги, она совершенно не знает чешской столицы. Она ни разу не удосужилась побывать даже на Карловом мосту!

— И что ты сможешь рассказать о Чехии своим детям или своим кумовьям? — изумленно вопрошал я. — В ближайший же выходной бери мужа и отправляйтесь с ним в Прагу. Пристройтесь к какой-нибудь русскоязычной экскурсии и узнаете массу интересного.

И, чтобы заинтересовать их еще и материально, добавил:

— Заодно и закупитесь по дешевке на Пражской тржнице и Колбеновском базаре.

— Да, пожалуй, ты прав, — согласилась Катя. — Наверное, так и сделаем.

А вскоре у нас появилось аж два выходных дня, и в один из этих дней, вернувшись из Праги и не обнаружив Васи с Катей, я вслух предположил, что они, вероятно, уехали гулять по чешской столице.

— Хрен ты угадал, — ответил мне Эдик. — Они вон в тот лес за грибами пошли...

Марину я смог уговорить лишь на посещение Пражского зоопарка, о чем впоследствии она довольно часто с удовольствием и даже гордостью вспоминала...

* * *

Незаметно пролетел почти год. Заболела и легла на операцию жена. Нужно было ехать домой. Встал вопрос: а что дальше — возвращаться в Чехию или нет? И если да, то к кому? Дело в том, что за время работы на свалке я познакомился с кумом Володи Юрой, здоровенным бугаем, работавшим помощником другого клиента, не Пети. Юра довольно часто навещался к нам в убыточно — в основном, как мне представлялось, чтобы прибарахлиться чем-нибудь у Володи. Как мне сказали, Юра мог устроить желающих на моторный завод от своей фирмы с оплатой семьдесят крон в час (а не пятьдесят пять, как на свалке). На мой вопрос, почему же никто из работающих здесь не переходит в Юрину фирму, обычно отвечали, что, мол, и тут неплохо, а от добра добра не ищут. Всем я ставил диагноз: «заболели свалкой». Честно говоря, некоторые симптомы этого заболевания появились и у меня. Это немного злило, но раньше я был уверен, что смогу легко справиться с этим недугом. Взвесив все за и против, я, однако же, пришел к выводу, что со свалкой пора завязывать. Причем главным аргументом было мое нежелание работать под началом долбанутого мастера Франто. Петю я заранее предупредил, что мне требуется замена в связи с болезнью жены и моими планами засесть за книгу.

Параллельно с подготовкой к отъезду я за спиной Пети вел переговоры с Юрой. Тот согласился устроить меня на завод своей фирмы, когда я вернусь в Чехию, но за продление визы сначала запросил десять тысяч крон, потом двенадцать, а затем пятнадцать, пообещав вернуть мне три тысячи через несколько месяцев, когда убедится, что я действительно добросовестно работаю и не собираюсь никуда переходить. Все это мне, безусловно, не нравилось, но жажда новых впечатлений и надежда на более высокий заработок пересилили мои сомнения, и мы с Юрой ударили по рукам.

Пробыв некоторое время на Украине и убедившись, что перемен к лучшему в стране не наблюдается, а жена идет на поправку, я вернулся в Чехию.

Юра, встретив в Праге меня и еще двоих парней с Украины, повез нас в Ческе-Будеевице, город на юге Чехии. Дорогой по телефону он, рассыпаясь в ком-

плиментах, пытался уговорить неведомую нам пани поселить у себя в доме еще троих хороших парней. Та упорно отказывалась, ссылаясь на то, что жилье и так переполнено, ей будет непросто зарегистрировать такое количество жильцов на имеющейся площади и у нее будут проблемы с контролирующими органами. Однако Юра убеждал ее, что зарегистрировать нас можно будет в другом доме, в котором проживает сама пани, а жить мы будем в том, что она сдает внаем. И в конце концов женщина сдалась. Отключив телефон, Юра удовлетворенно выдохнул:

— Фу! Вот ведь бывают же удачные дни, когда хочешь сделать людям добро и у тебя все получается. Будем надеяться, что и с трудоустройством все пройдет так же благополучно.

...Остановившись у небольшого двухэтажного коттеджа и свалив свои вещи в тесной прихожей, мы сразу поехали к проходной моторного завода — места нашей будущей работы. Наскоро переговорив с бригадиром смены и сдав нас ему, Юра отбыл восвояси. Бригадир передал нас мастеру смены пану Берешу, который, объяснив, что для нас есть вакансии только по двум специальностям — «бухача» и «брусича», сразу провел нас по цехам, где работали и те, и другие.

Бухачи трудились на свободных площадках большого цеха, в котором находились две плавильные печи, линия (линия) разлива металла, «трискач» для очистки готовых деталей пескоструйным методом и различные необходимые для всего этого инфраструктурные объекты. Вооружившись двухкилограммовыми молотками, бухачи ловко и аккуратно отбивали от довольно тяжелых рам-опок отлитые и остывшие на улице детали, которые подвозили им в «беднях» (больших железных ящиках) на «возиках» (автопогрузчиках) чехи или украинцы, которые по совместительству считались бригадирами своей смены. Ассортимент деталей был довольно широк (одних только карданов отливалось около тридцати разновидностей), и каждую деталь нужно было отбивать особым приемом и в особой последовательности. Так что, несмотря на кажущуюся несложность этой работы, хорошим бухачем можно было стать, только приобретя немалый опыт и имея хорошую физическую подготовку. В цехе было шумно, пыльно и жарко, несмотря на гуляющие сквозняки.

В соседнем сравнительно небольшом и светлом цехе брусичи обтачивали отбитые и очищенные детали. Вернее, убирали с них образовавшиеся при отбивании заусеницы и неровности. В защитных очках, респираторах и длинных кожаных фартуках брусичи выхватывали из одной бедни необработанную деталь, подносили ее на секунду-другую к наждачному кругу («брусу») и, пустив в пол сноп искр, так же быстро отбрасывали обработанную уже деталь в другую бедню. Далее цикл повторялся. Неприятный визг, стоящий в цехе, заставлял многих работников надевать противозумные наушники. При этом каждый брусич вел подсчет обработанных им деталей (от бухачей этого не требовалось).

Закончив ознакомительную экскурсию, пан Береш провел нас в комнату, которая во время обеденного перерыва служила столовой, раздал каждому по листу бумаги и предложил написать заявление о приеме на работу. Оба моих попутчика пожелали стать брусичами, а я — бухачем. Прочитав наши заявления, мастер посоветовал и мне записаться в брусичи, так как работа бухача больше подходит молодым, выносливым и физически крепким. На это я возразил, что для работы брусичем у меня уже недостаточно острое зрение, а с работой бухача я постараюсь справиться. Пан Береш, немного подумав, кивнул головой и определил меня в свою смену. Мы отправились устраиваться на новом месте жительства, чтобы завтра выйти на работу.

Жить, а точнее, отдыхать мне сначала пришлось в небольшой трехместной комнатке на первом этаже. Плохо было то, что, во-первых, за тонкой перегородкой находилась кухня, где в любое время суток кто-то из жильцов гремел посудой, а во-вторых, один из жильцов комнаты, в свое время занимавшийся ремонтом этого дома, хороший знакомый хозяйки, сейчас работающий на ее брата и потому чувствующий себя как дома, возвращаясь, сразу включал телевизор и не выключал его даже уходя мыться или ужинать. Поэтому, когда освободилось место в одной из комнат второго этажа, я сразу же переселился туда. Надеюсь, что хуже не будет. А напрасно.

Почти все новое жилище занимали пять топчанов, стоящих вплотную друг к другу, головной частью к стене. Проход был один — с ножной стороны. Вещи хранились под топчанами. Но не эти неудобства удручали больше всего, а мой сосед-болгарин, который так оглушительно и виртуозно храпел, что другие жильцы, если хотели выспаться, просто хорошо напивались и, что называется, «отрубались». Выселить его было нельзя: он строил дачу хозяйке дома. Когда я спросил его, как такой храп выносит его жена, он ответил, что они с женой спят в разных комнатах. Поскольку я к тому времени уже достаточно адаптировался на производстве и старался работать по две смены подряд, мне ничего иного не оставалось, как выпрашивать у мастеров для работы ночные смены, а отсыпаться днем. И искать новое жилье.

На работе все складывалось более-менее благополучно. Мастера, видя, как я работаю, ко мне не цеплялись. Впрочем, они не особенно досаждали и менее старательным работникам. Мастеров было трое: уже упомянутый пан Береш — словак, пан Городецкий — украинец из Дрогобыча, уже много лет работающий в Чехии, и еще один молодой и самоуверенный чех (имени не помню).

Сначала я работал в смене пана Береша, а дополнительные смены выпрашивал у двух других мастеров. Затем меня позвал в свою смену пан Городецкий. Я сначала отказывался, но вскоре он предложил мне работу полегче — под линкой (контролировать транспортеры с формовочным песком), и я согласился. Мастер Береш, кажется, обиделся. Правда, работать под линкой мне пришлось недолго — вскоре из больницы вернулся словак, ранее занимавший это место, и мне пришлось вернуться к своей прежней работе.

Зато в смене Ореста Городецкого я чувствовал себя более уверенно. Однажды, отработав свое, я обратился к мастеру следующей смены, молодому чеху, с просьбой разрешить поработать в его смену. Тот сослался на отсутствие работы и отказал. Об этом сразу же узнал пан Городецкий и, когда на следующий день к нему с аналогичной просьбой обратились пять человек из смены чеха, он отказал им всем и объяснил: «Пока в вашей смене не будет работы для моего Глазова, в моей смене не будет работы ни для кого из вас». В этот же день чех сам подошел ко мне и предложил остаться поработать в его смену...

Профессиональному мастерству меня в основном обучал Петя из Львовской области. Он работал на заводе вместе с тремя братьями своей жены. Вместе они и жили. Один из братьев к тому же работал на возике, то есть был за бригадира. С Петей мы сразу поладили и в дальнейшем по возможности старались работать на пару. Это обстоятельство несколько удивило троих моих земляков с Восточной Украины, работавших на заводе. Пришлось доходчиво объяснить им, что мои предпочтения обусловлены отнюдь не идеологически-

ми, а чисто прагматическими соображениями: если «западенцы» достают мне сигареты по сорок корун за пачку, а «схидняки» предлагают точно такие же за пятьдесят, то при таком раскладе экономика всегда одержит верх над политикой, а точнее — экономия победит идеологию.

Адаптировавшись и осмотревшись на новом месте, я в очередной раз убедился, что мое положение по некоторым составляющим нуждается в существенном улучшении, и по значимости на первом месте стояла зарплата.

Не видя причин для откладывания дела в долгий ящик, в ближайший же приезд Юры на завод я поставил вопрос ребром: или мне поднимают почасовой тариф и переселяют в благоустроенное общежитие, или я рассчитываюсь. Юра пообещал поговорить с Ромой (клиентом) относительно тарифа, а что касается общежития, то он прямо сейчас пойдет к коменданту, и если там есть свободные места, то я сразу же смогу туда перебраться. В любом случае он мне сразу позвонит.

Прождав неделю, я сам отправился к коменданту. Тот меня заверил, что для рабочих нашего завода всегда есть свободные места, но для меня место никто не заказывал ни в последнюю неделю, ни ранее. В доказательство он продемонстрировал мне соответствующий журнал.

— Но, возможно, Юра просто не застал вас на месте? — предположил я.

— Я давно знаю вашего Юру, как и он меня. И у него, конечно же, есть мой телефон. И даже если бы он его вдруг утратил, то, как вы сами могли убедиться, номера моих телефонов написаны прямо на входной двери...

— Можете не продолжать. Теперь и я с уверенностью могу сказать, что тоже знаю Юру.

И я направился к Акилле, работавшему на нашем заводе представителем фирмы, находившейся в Пльзене. Объяснять причину моего желания уйти от Юры было излишне — и так все понятно. Понимающе улыбнувшись, Акилла заявил:

— Все вижу: и как ты работаешь, и как вьетнамцы брусичи прибегают полюбоваться твоей мускулатурой. Мне сверху все видно. Буду рекомендовать тебя Наташе...

Наташа получила фирму от своего отца и, между прочим, имела университетский диплом. Возможно, совокупность этих обстоятельств плюс воспитание и привели ее к пониманию того, что нехорошо быть слишком жадной. Как бы там ни было, но она не на словах, а на деле реально заботилась о своих рабочих. Через день я позвонил Наташе в Пльзень.

— Акилла хорошо о вас отзывался, и я была бы рада видеть у себя такого работника, но... между нами, клиентами, действует джентльменское соглашение — друг у друга рабочих не переманивать.

— Наташенька, поверьте мне как юристу: любое джентльменское соглашение стоит не дороже бумаги, на которой оно написано. Неужели мы вдвоем не придумаем способ, как его обойти?

— Способы, конечно, есть, но для этого вам придется или совсем сменить место работы, или хотя бы на пару месяцев исчезнуть с завода, предварительно рассчитавшись. Я, разумеется, трудоустрою вас на это время. Могу предложить работу на покраске лодок. Но, во-первых, зарплата будет поменьше, чем на заводе, а во-вторых, условия труда там не самые комфортные: я была там один раз, и мне не понравилось — сильно воняет краской. Есть работа и полегче, но, соответственно, и зарплата будет поменьше.

— Наташенька, разве хороший работник не должен так же хорошо и отдыхать? Предлагаю следующий план: я завтра сообщаю своему клиенту, что работаю только до конца месяца и прошу подготовить мне расчет, затем я уезжаю на два месяца на Украину. Потом я возвращаюсь на завод к первому августа и выхожу на свою обычную работу — только уже от вашей фирмы.

— Хорошо, так и сделаем. Только не опаздывайте.

— Это исключено...

* * *

В запланированное время я с легким сердцем отбыл на Украину, а к назначенному сроку вернулся в Чески-Будеевице, вселился в оговоренное жилье, сходил в отдел кадров, где переоформился на фирму Наташи, и приступил к работе. Наташа держала слово, я — тоже.

Теперь я мог не так часто оставаться на работе на вторую смену, а зарплата у меня была даже выше, чем средняя по Чехии.

— Ты кожную годину маешь едно пиво, — с легкой завистью говорил мне Ваня Ш., большой любитель этого популярного чешского продукта.

— А посчитай, сколько литров пива я маю за месяц, — подзадоривал я его. — Ты, пожалуй, столько и не выпьешь.

— И как это Рома с Юрой тебя так легко отпустили?

— А что им оставалось делать? Заводское начальство знает, почему я от них ушел. Знает, что я человек непьющий, аккуратный, психически уравновешенный, неконфликтный, хоть и упрямый. И если со мной что-то случится — кто будет первым подозреваемым? Они, может, и хотели бы со мной посчитаться, да понимают, что уголовное дело по особо тяжкой статье никак не будет способствовать процветанию их и так не вполне законного бизнеса.

— Наверное, ты прав. Кстати, Юра пообещал со следующего месяца поднять нам почасовой тариф до семидесяти пяти корун.

— Рад за вас...

Конечно, моя жизнь в этом старинном чешском городе не состояла только из работы. По мере сил я старался так организовать свой культурный досуг, чтобы было что вспомнить на старости лет. Узнав, что в городе есть русский клуб, я в первый же выходной поспешил туда, ознакомился с их программой, выписал заинтересовавшие меня мероприятия, взял пару книг в неплохой клубной библиотеке и попросил подсказать адрес наиболее выгодного пункта денежных переводов. Мне порекомендовали представительство одного московского банка, куда я немедленно и направился. Там меня вежливо и культурно принял медлительный и вальяжный пожилой чех.

— Вы сделали абсолютно правильный выбор, обратившись в наш банк, — важно произнес финансист и сделал многозначительную паузу, которой я тут же воспользовался:

— Авторитет и деловая репутация вашего банка столь высоки, что в дополнительной рекламе не нуждаются. А скажите, работаете ли вы с какими-нибудь банками славного города Енакиево, что в Донецкой области на Украине?

— В Енакиево мы работаем со следующими банками... — чех обстоятельно огласил весь список.

Я вежливо и внимательно выслушал, выбрал ближайший к месту работы жены банк и, твердо пообещав вернуться после первой же зарплаты, уже собирался откланяться, как мой собеседник неожиданно произнес:

— Вы, конечно, извините, но должен предупредить, что украинцев в нашем городе не любят.

Немного опешив от столь неожиданного заявления, я уже открыл было рот, чтобы объяснить, что украинцы — не доллары, чтобы их все любили, но вовремя опомнился и сказал:

— Можете не извиняться, во-первых, потому, что я — русский, хоть и с украинским паспортом, а во-вторых, потому, что аналогичное отношение к украинцам характерно не только для вашего города...

Перейдя работать в фирму Наташи, я мог позволить себе сократить количество рабочих часов без ущерба для зарплаты. К тому же все ощутимее заявлял о себе надвигающийся финансово-экономический кризис, затронувший даже самые крепкие мировые экономики. Применительно ко мне это выразилось в том, что на заводе прекратились рабочие субботы и стало трудней напроситься на работу в чужую смену. Директор завода упорно искал новые рынки сбыта, но без особого успеха.

Общая обстановка ухудшалась. Основной темой новостных программ был кризис. Телевизор вообще не хотелось включать. Курс кроны падал, но доллар девальвировал еще стремительней. Для мирового автопрома наступила черная полоса. Спрос на продукцию нашего завода падал. Дирекция, пытаясь сохранить рабочие места, никого пока не сокращала, но запретила работу в две смены и все чаще объявляла внеплановые выходные дни. Настроение у всех было тревожное. Телефонные разговоры с Наташей оптимизма не добавляли — она массово отправляла на родину уволенных украинцев, не имея возможности пристроить их здесь.

И вот в мае 2009 г. директор собрал всех работников завода на общее собрание. Рассеянно выслушав сообщение о ситуации в стране и мире, а также слова благодарности в наш адрес за добросовестный труд, мы наконец узнали, что нас всех отпускают на «летние каникулы». За три-четыре месяца руководство надеялось решить проблему сбыта продукции и в начале осени снова запустить завод. Нам ничего иного не оставалось, как разделить эти надежды...

Следующие несколько дней, потраченные на консервацию завода и подготовку к отъезду, прошли в суматохе. Долетали слухи о коллективной протестной голодовке вьетнамцев. Они, в отличие от нас, работали не через клиентов, а по межправительственному соглашению, честно платили все налоги и взносы и в их планы не входил столь внезапный и стремительный отъезд из Чехии. Вроде бы кое-чего они добились: завод как будто согласился оплатить им перелет на родину. Украинцы выкручивались кто как мог, но большинство, как и я, возвращались к своим семьям...

* * *

Лето я проработал садовником в «Элладе» — санатории шахты «Новождановская» в поселке Мелекино. В конце августа позвонил в Чехию — завод стоял, и в ближайшей перспективе возобновления работы не ожидалось. А виза у меня заканчивалась в декабре текущего года. Нужно было подумать о возвращении в Чехию, чтобы заблаговременно подать документы на продление визы. Рассудив, что лучше иметь работу в Европе, чем гордость в Украине, звоню

Пете. Выслушав мои витиеватые извинения и немного подумав, тот решает не просто простить меня, но простить великодушно.

— А не хотели бы вы снова поработать на складе Penny-market?

Пока задавался этот вопрос, я успел тоскливо подумать: «Только бы не на свалку к Франто!» И когда прозвучало предложение вернуться на склад, я облегченно вздохнул:

— С превеликим удовольствием. Когда выезжать?

— Да хоть завтра...

В Праге меня встретили Петя с Наташей и сразу отвезли на квартиру. По дороге Наташа, между прочим, поведала, что Франто в последнее время сильно изменился и уже не портит жизнь работающим на свалке украинцам.

— Рад это слышать, — ответил я. — Как говорится, не меняются только самые глупые и самые мудрые, а Франто ни к тем, ни к другим не принадлежит.

Жить мне предстояло в однокомнатной квартире в компании двух молдаван и одного украинца, племянника Наташи. Вася — молдаванин, с которым мне предстояло работать на одном складе, обосновался на кухне, а мы втроем — в единственной комнате.

Обстановка на складе, где работали украинцы, изменилась кардинально. Я не встретил там никого из тех, с кем пришлось работать в первый раз. Сейчас здесь работали в основном заробитчане из города Комсомольска Полтавской области, плюс молдаванин Вася на сортировке ящиков, плюс украинка Зульфия на «рампе» (она же «срачка»). Эта перемена меня только порадовала — работать в новом коллективе было намного комфортнее. А что меня не обрадовало, так это новость о том, что теперь украинцам запрещено выносить со склада просроченные продукты. На вопрос, чем вызваны перемены, мой напарник Николай ответил:

— Мы подозреваем, что этот подарок нам сделал один молдаванин, который был уволен за плохую работу. После его изгнания в Интернете стали появляться сообщения о том, что украинцы выносят со склада просроченное мясо и другие продукты и по дешевке продают их чехам, подвергая жизнь и здоровье последних серьезному риску. Директор склада тут же запретил вынос. Хотя, если честно, никто, кроме Васи, на продажу их и не брал. Да и Вася продавал продукты только землякам, но никак не чехам. В результате у нас проблемы, а Вася как таскал мясо на продажу, так и продолжает.

— А охрана?

— Откупается. Самому вредному охраннику, рыжему Фрицу, ежемесячно заряжает штуку крон. Другим — поменьше. Но в накладе он не остается.

— А почему вы думаете, что вас слил уволенный молдаванин? Ведь не одного его уволили отсюда.

— Только у него был ноутбук, подключенный к Интернету. Да и по времени эти события совпали. К тому же этот молдаванин — бывший мент, майор полиции. Так что оснований для подозрений вполне достаточно. Кстати, проживал он раньше в одной квартире с нами, а теперь — с тобой. Так что будь с ним поаккуратней.

На складе я сразу попросился на свое старое место — на пресс. И не пожалел: во-первых, объем работы там значительно сократился, а во-вторых — мы сразу поладили с новым напарником. Понаблюдав за мной несколько дней, Николай как-то спросил:

— Я придумал тебе погоняло — Доцент! Ты не обидишься, если я так буду тебя величать?

— Конечно, нет, — ответил я. — Тем более что ты почти угадал: во дворе и в гаражах дома меня кличут Профессором.

— Но ведь доцент выше профессора?

— Наоборот! Получается, что ты меня немного опустил. В смысле — разжаловал.

— Ладно, не обижайся. Походишь пока в доцентах, а как пройдешь но-стрификацию и чехи признают твои русско-украинские дипломы, мы сразу же произведем тебя в профессора.

Однако, несмотря на совокупность всех положительных моментов и вроде бы отсутствие каких-либо причин для тревоги, меня не покидало смутное чувство непонятого беспокойства. Впрочем, этот период тревожной неопределенности закончился довольно скоро. Почти сразу по прибытии в Прагу я подал документы на продление визы, а когда в положенный срок явился в полицию для получения новой визы, меня огорошили:

— А на каком основании вы находитесь на территории Чешской Республики, если ваша виза «зрушена» еще полгода назад, в мае месяце этого года?

— Этого не может быть, — обескураженно возразил я, — потому что два месяца назад я абсолютно легально пересек границу, о чем свидетельствует штамп в моем загранпаспорте, и у пограничников ко мне не было никаких претензий.

— Просто польские пограничники не досмотрели. Такое, к сожалению, бывает. Но как бы там ни было, вам необходимо съездить в Будевеице и выяснить, почему после снятия с регистрации там вас не зарегистрировали в рабочем общежитии.

Поскольку у меня уже был опыт выдворения за нарушение паспортного режима, то перспектива снова пройти через эту малоприятную и даже унижительную процедуру оптимизма мне не добавила.

Связавшись по телефону с Петей, который некстати вместе с Наташей пребывал в это время на территории Украины, и придя в ходе обсуждения к единодушному мнению, что мы имеем дело с происками Юры, я отправился в Будевеице.

Полицейский кабинет, в котором я оказался, напоминал музей спортивной славы обладателя черного пояса в стиле «сетокан»: стены, шкаф и даже сейф были обильно украшены фотографиями, дипломами и медалями, отражающими немалые спортивные достижения хозяина кабинета. Сам мастер сидел за столом и доброжелательно и смущенно улыбался.

— Ос! — я инстинктивно стал в стойку фудо-дачи и легко поклонился, демонстрируя свою принадлежность к «союзу искателей абсолютной истины» («кекусинкай»). Услышав ответное приветствие и приглашение-команду сесть («сэйдза»), я вопросительно указал пальцем на пол.

— Нет, прошу в кресло, — засмеялся офицер, переходя на чешский.

В ходе состоявшейся беседы я честно рассказал о всех своих проблемах, с которыми столкнулся во время пребывания в этом городе. Мой визави добросовестно запротоколировал мои показания.

— Мы, конечно, проведем тщательную проверку деятельности коменданта вашего общежития, — подвел итог полицейский инспектор. — Однако и вы

со своей стороны должны понимать, что допустили серьезное правонарушение. И если ваш комендант не захотел заняться перерегистрацией, то кто мешал вам самому это сделать?

— Увы! — я сокрушенно качал головой и обреченно разводил руками. — Вряд ли вы меня поймете, ибо слишком молоды, но я — несчастная жертва социалистической системы воспитания, сформировавшей у меня патерналистское отношение к государству и привившей просто панический страх к правоохранительным органам. Но если бы я мог предвидеть, к каким трагическим последствиям может привести пренебрежительное отношение к закону в истинно правовом государстве, то, поверьте, конечно же, не допустил бы столь возмутительной оплошности. Тем более что я сам юрист по образованию.

— Поверьте, и мне чрезвычайно огорчительно применять санкции к столь достойному пану, но, увы, закон не предусматривает исключений, — с улыбкой пояснил собеседник. — Я надеюсь, санкции будут минимальными — отдохнете годик дома, а потом, если пожелаете, можете опять возвращаться. Сколько времени вам нужно для завершения всех своих дел здесь?

— Ну... дайте хотя бы неделю, — нахально попросил я, вспомнив, как стремительно меня выдворили из России.

— Хорошо, — неожиданно согласился офицер. — Мы дадим две недели. Надеюсь, этого будет достаточно. А сейчас я попрошу вас об ответной любезности — оставить нам на память отпечатки своих пальцев и особые приметы. Затем вас отвезут для окончательного оформления документов о депортации через наше министерство, а не через суд.

...В последние две недели моего пребывания в Чехии не произошло ничего запоминающегося, если не считать мелкой гадости, устроенной, конечно же, поляками. Дело в том, что, когда я заранее купил себе билет на автобус от Праги до Киева, кто-то из моих знакомых предупредил, что с «синей» визой на территории Польши у меня могут быть проблемы: даже если мне удастся проехать всю Польшу, меня вполне могут завернуть назад с КПП «Краковец». К сожалению, при проверке эта новость подтвердилась.

— Да, вы не имеете права передвигаться по территории нашей страны с такой визой, — сообщил мне по телефону сотрудник консульства.

— А как же мне тогда попасть из Чехии на Украину?

— Самолетом или через Словакию.

— А почему через Словакию можно, а через Польшу — нет?

— У нас такой закон.

— Ясно. Какой народ — такое и государство, какое государство — такие и законы.

— Я не понимаю вас...

— А что тут непонятного? — вспыхнул я и, кратко, но доходчиво объяснив поляку, что я думаю о польских законах, повесил трубку таксофона.

Кстати, словацкие пограничники произвели на меня очень благоприятное впечатление. «Слава богу, не все европейцы одинаковы!» — удовлетворенно подумал я, пересекая словацкую границу...

Вот и закончилась моя чешская одиссея, и не могу сказать, что эти четыре года, несмотря на мой незавидный социальный статус, были худшим периодом в моей жизни. Есть правильная русская поговорка о вороне, которая и за море летала, да так вороной и вернулась. Смею надеяться, что ко мне это не относится.

Валерий КОПНИНОВ

НОСТАЛЬГИЯ ПО НАСТОЯЩЕМУ

Единственный смысл жизни заключается в необходимом усилии, которое требуется, чтобы перебороть себя духовно и измениться, стать кем-то другим, чем был после рождения.

Если бы мы за тот период времени между рождением и смертью смогли достичь этого, хотя это и трудно, а успех ничтожно мал, то смогли бы пригодиться человечеству.

Андрей Тарковский

Быть может, это прозвучит обидно для сторонников теории Дарвина, но история о божественном сотворении мира выглядит явно предпочтительней. И о сотворении человека, пожалуй, в первую очередь!

А впрочем, человек... Даже сотворенный по образу и подобию Божьему, человек остается человеком. Обреченным на извечный и непростой выбор — к образу стремиться или быть всего лишь подобием.

Человек и его земной путь — в этом соотношении выражается и цель, и средство. И смысл жизни.

Пути Господни неисповедимы — да! А человеческие пути-дороги?

Большак, шлях, проселок, тракт...

Мы выбираем путь. В том проявляется воля путника — на какую стезю ступить. Тому, кто в пути, — больше дается. И больше достается. Тому, кто совершает осознанный выбор движения.

Воля обеспечивает выбор. Всерьез, по-настоящему.

А куда и как скоро приведут большаки или проселки, то неисповедимо, во всяком случае, для человека...

Разные пути-дороги избрали себе Василий Макарович Шукшин и Михаил Александрович Тарковский. И хотя близки они и созвучны в чистоте писательского голоса, во многом — несхожи. Но за судьбою этих двух незаурядных писателей проглядывается движение всего огромного континента русской литературы последних пятидесяти лет, неизмеримо насыщенных событиями как созидательного, так и разрушительного толка.

Шукшин — писатель из XX в., один из ярких представителей «почвенников», стоящий в одном ряду с В. Астафьевым, В. Распутиным, Ф. Абрамовым, В. Беловым и другими титанами деревенской прозы. Той прозы, что густо замешана на утверждении национальных основ бытия.

А Тарковский, безусловно, принадлежит литературе XXI в. и, стало быть, новому времени, в котором «писатель-деревенщик» — немодное и едва ли не ругательное выражение. Вроде как словечко «совок». Да и рядами писатели

нынче не стоят, не принято. Сейчас в тренде главенство «я» над «мы». И как ни крути, Тарковский, несмотря на то что много и от души пишет о деревенских жителях, — писатель «из ряда вон»...

Шукшин — сибиряк, крестьянский сын, уроженец небольшого села Сростки, что затеряно среди прочих больших и малых сел огромной страны. Судьба таких крестьянских пареньков обычно предрешена, но...

Путь Шукшина из села в столицу для него лично — все равно что для человечества рывок в космос. Именно Москва, учеба на режиссерском факультете ВГИКа у выдающегося мастера кино Михаила Ромма и довершила формирование Шукшина-писателя, тогда — пробующего перо новичка, имеющего в активе несколько неопубликованных рассказов.

Москва поделила жизнь Шукшина на две части — до и после.

У Тарковского все получилось с точностью до наоборот. Москвич по рождению, выходец из интеллигентной семьи тех самых Тарковских, в которой классик русской литературы Арсений Тарковский — для него дедушка, а кинорежиссер Андрей Тарковский — дядя. Судьба таких столичных пареньков обычно предрешена, но...

В двадцать три года Михаил Тарковский перебрался из Москвы в далекую Сибирь, в никому не известную деревеньку Бахта, затерянную на приенисейских землях Красноярского края.

Путь Тарковского из столицы в село сравним... Да, пожалуй, сравним с переселением в Сибирь декабристов. Но те, в отличие от Тарковского, ехали в Сибирь не по собственной воле.

Бахта поделила жизнь Тарковского на две части — до и после...

Собственно говоря, не о биографиях речь. Биографии и Шукшина, и Тарковского хорошо известны интересующимся. А упомянуть лишний раз хронологию событий стоило лишь из-за вот этого самого «до и после» — поворотного момента в судьбах двух писателей.

Происходят подобные изломы не вдруг, а лишь тогда, когда времена — те времена, что, в отличие от дорог, «не выбирают», — вкупе с талантом требуют от писателя опыта и знаний. Качеств, профессионально важных, ничем иным не заменимых, да что там — просто позарез нужных для толкового и доверительного разговора с читателем.

Именно так: в силу необходимости качественного писательского и человеческого роста возникли знаменательные вехи в судьбах Шукшина и Тарковского. Их поворотные «до и после», что выпали у обоих писателей на знаковое время: в жизни Тарковского это случилось на закате брежневского застоя, а у Шукшина пришлось на хрущевскую оттепель.

Настоящее время, настоящее для каждого из них, послужило источником осознанного выбора движения. У одного — к знаниям, у другого — к опыту.

Есть у Шукшина такой персонаж — Игнатий, из раннего рассказа «Игнаха приехал», что позже вошел в сценарий фильма «Ваш сын и брат». Вот этот шукшинский Игнатий, житель катунских берегов, как и Шукшин, снялся с места, стал в одночасье городским жителем и активно начал приспособливать деревенские корни к городской почве.

Во все времена большие и малые города подпитывались, словно ручьями стоячая вода в озере, деревенскими жителями, что перекочевывали на новые места, обосновывались там, в основном превращаясь в пролетариат. Или, как в случае с Шукшиным, в интеллигенцию, хотя слова этого Василий Макарович не

любил — слишком обесцененным считал «новый» взгляд и на само понятие, и на его «самозванных» приверженцев. С характеристикой «а еще шляпу нацепил!»

Себя он в большей степени считал сельским жителем — сродни тем, что не только решали проблему рабочих рук в сложно организованной структуре города, но и, обживаясь в непривычной среде, за попутьем привносили в ритмичную городскую жизнь неспешность, рассудительность, ответственность, многовековую культуру труда... И сельские повадки, а главное — свойственный им многовековой семейный уклад, что в городе к тому времени сильно потрачен был духом большого человеческого общежития.

А еще: привязанность к простоте и правде, к умению назвать белое белым, а черное черным. Верное понимание того, «что такое хорошо и что такое плохо».

Но понимание — это одно, а выбор человека — иное. Не всякий делает выбор по совести. И оттого-то в литературном деле определяющей для Шукшина была задача писать так, чтобы человек осознанно выбирал житие в нравственном поле.

А в таком случае основными условиями доверия читателя к литературе становились ее правдивость и подлинность.

Но как правдиво рассказать человеку о нем самом? Так, как это было принято, — через положительного героя? Но сколько так называемых «положительных героев» рухнуло, не выдержав груза открытости и правды?

Вот что сам Шукшин говорил об этом:

Вообще о положительном герое знают все — какой он должен быть. И тут, по-моему, кроется ошибка: не надо знать, какой должен быть положительный герой, надо знать, какой он есть в жизни. Не надо никакого героя предлагать... в качестве образца для подражания... Тебе показали, как живут такие-то и такие-то, а ты задумаешься о себе. Обязательно. В этом сила живого, искреннего реалистического искусства. Надо только стараться, чтоб мы не вдали, не открывали то, что человек давным-давно знает без нас, не показывали ему — вот это хорошо. Что, он сам не видит, что хорошо, что плохо?

Непростая задача, требующая от писателя знания характера человека, понимания того, чем живет современник, что радует его, что гнетет. И конечно, задача эта требовала подлинной любви к человеку, а если нужно — сострадания.

Таковы условия...

И побрели своими путями-дорогами чудики Шукшина. Такие простые, узнаваемые и вместе с тем — в качестве литературных героев — нетипичные.

«Я не люблю рассказы Шукшина, чудиков его не люблю. Все это юродство по большому счету мне физически неприятно. Я понимаю, что это замечательно хорошо сделано, что это может быть смешно, что это по-настоящему трагично, но я люблю мир, где «Илиада» и «Одиссея», где извержение вулканов происходит...» — таково мнение писателя Захара Прилепина, мнение, обоснованное как раз нетипичностью.

Но разве нет в мире шукшинских чудиков «Илиады» и «Одиссеи», тех же вулканов, тектонических сдвигов и прочих глобальных процессов? Есть, да еще какие! Только происходят процессы эти в отдельно взятой человеческой душе! Ведь человеческая душа для Шукшина — это целый мир.

В рассказе «Степка» бежит из заключения Степка Воеводин, не досидев до освобождения всего три месяца, будучи не в силах совладать со своим сердцем, что изболелось в тоске по родной деревне, по родне, по дорогим односельчанам.

В который раз не прочь «наломать дров» Веня Зяблицкий в рассказе «Мой зять украл машину дров», да только так все оборачивается, что он чудом в тюрьму не попадает, а потом чуть было жизни не лишается.

Невзирая на суетный мир, для очистки души и тела топит по субботам баню Костя Валиков в рассказе «Алеша Бесконвойный», так и прозванный односельчанами Алешей Бесконвойным. Прозванный за мнящуюся им «безответственность и неуправляемость».

Едет по Чуйскому тракту Пашка Колокольников, везет на своем «газоне» добро, раздавая его всем встречным и поперечным. Раздавая щедро, просто так, от полноты души. Раздавая потому... да просто потому, что «живет такой парень». И не всегда встречает понимание и приятие. Потому как люди, сами на такое не способные, к чужой великодушной доброте относятся с подозрением, не могут понять — в чем там выгода?..

Во всех рассказах Шукшина считывалась правда жизни, соотносимая с нравственным законом. Правда без нравучений. Ведь правда нравственна.

Нравственность можно поддельывать, подменяя суть нравучением, но подделка всегда узнаваема.

Нравственность есть Правда. Не просто правда, а — Правда. Ибо это мужество, честность, это значит — жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду.

Великие, может быть, самые главные слова Шукшина.

Времена с тех пор, конечно, изменились.

Изменились и люди. Если тот же Пашка Колокольников вез по кругу добро, то Игорь Баскаков — главный герой совсем свежей повести «Фарт» Тарковского — везет по кругу зло. Непреднамеренное зло, позже искупленное раскаянием, но все-таки зло.

«Фарт» — здесь тоже идет речь о законе сохранения зла, о том, как совершенное зло передается от человека к человеку и возвращается, словно по кругу», — так характеризует события в повести сам автор.

Это зло, что «передается по кругу», — безусловно, примета нынешнего времени. И примета видится не в том, что зло передается — во все века человек творил намеренное зло ближнему, — а в том, что передается оно в порядке вещей.

Тектонический сдвиг в сознании людей? Где теперь «хорошо»? Что нынче «плохо»?

Очевидно, что вопросы без внятных ответов — тоже примета времени. И критическая масса отсутствующих ответов растет! Время бросает вызов.

И Тарковский — один из тех, кто вызов времени принимает. Он чудо как тонко и невероятно точно чувствует время — и как человек, и как писатель.

Герой его новой повести «Полет совы» — Сергей Иванович Скурихин делает, как в свое время и сам Тарковский, решительный шаг — добровольно перебирается из города на «край цивилизации», в сибирскую глубинку. Где дальше, «за краем», лишь старoverы, по большому счету цивилизацией пожертвовавшие ради сохранения векового уклада, незыблемого для них.

И Скурихин — это уже не давешний шукшинский Николай Григорьевич Кузовников, персонаж из 60—70-х гг. прошлого века, выбиравший «деревню на жительство». Выбиравший — зная, что никуда не уедет, ведущий все эти разговоры лишь для того, чтобы душу отвести.

У Тарковского Скурихин едет в деревню, чтобы душу спасти.

«Вот и начал из меня понемногу вытекать город... Я думал, что меня хоть здесь отпустит. Не в смысле, что беды России отойдут, а что я сам успокоюсь и окрепну...» — с этого признания бывшего городского жителя Скурихина, прозвучавшего сразу и без обиняков, начинается его провинциальное житие.

Город... Он ведь во всем позиционируется как идущий впереди: в науке, в образовании, в культуре. Город — фронт, а деревня — тыл, с обязательством: «Все для фронта!»

Человечество ведет с природой вековую изнурительную борьбу, шаг за шагом отвоёвывая у нее блага себе, тайны ее и богатства... город наш — впереди, деревня сзади — тыл. Современная жизнь с ее грохотом, ритмами, скоростями и нагрузками смальывает человеческие силы особенно заметно. Двадцатый век если и уступает много, то и мстит жестоко...

Это Шукшин, его искренний «Монолог на лестнице».

Похоже, что до сих пор XX век мстит человеку за его «изнурительную борьбу» с природой. В борьбе с природой человек сам себе наносит непоправимый урон.

Назвать город «исчадьем ада» — это, конечно, перебор. Недальновидно и неумно вбивание клиньев между городом и деревней — урбанистической и естественной природной средой. Но что есть, то есть: в городе больше соблазнов, город — среда потребления. Город легко подавляет, город легко растлевает. В городе изобрели обезличенный конвейер, обезличенный ЕГЭ и много чего другого. Именно в городе придуман глупый и преступный лозунг: «Человек — царь природы». А «царь природы» — это уже не просто тотальное потребление, это конфликт природы и цивилизации. И хочешь не хочешь, а город — как воплощение и источник цивилизации — с природой (в том числе с природой человеческой) конфликтует.

В городе реальности все меньше и меньше — город ее утрачивает.

Современная литература — она в массе своей тоже избегает реальности и создает устойчивую комфортную среду, не одно десятилетие используя лекала массовой культуры и постмодернистский ресурс.

Человек призван быть хозяином комфортной среды. Царем. Это цель. Цель, что оправдывает все средства. А как же человек и его земной путь? И в чем тогда смысл жизни, настоящий смысл настоящей жизни?

«Ну, хорошо: понастроим мы всяческих машин, создадим города-гиганты, все вокруг нас будет грохотать, гудеть, свистеть, трещать, сверкать, — а не станем мы беднее от этого?.. Или это смешной страх?» — чувствует и опасается грядущего искажения реальности Шукшин.

Но пока еще в русской глубинке — в деревне, поселке или небольшом провинциальном городке — реальности хоть отбавляй. Природа: земля, реки, тайга — это реальность. И человек этой реальности не хозяин, он с ней на «вы». И тогда она к нему — тоже уважительно.

Читающему люду давно и хорошо известны такие литературные миры, как Замоскворечье Островского или Петербург Достоевского. А теперь мы узнали еще один мир — Бахту Тарковского и через этот маленький поселок на Енисее почувствовали состояние души человека, живущего на земле своим трудом.

Земля — степенна и величава в шуме тайги и весело говорлива на порогах и перекатах рек, бегущих в ее лоне. Земля, прошедшая через мозолистые руки хлебороба и обильно политая его потом, податлива и плодородна. И камнем тверда земля, что укрывает в окопе воина — защитника своего, черна горем от пролитой им крови. Покойна земля, принявшая в себя человека по завершении пути его земного, мягка, откликаясь на просьбу: «Пусть земля будет пухом...»

Земля родит хлеб, земля кормит скот. Бескрайние ее леса дают человеку кров и тепло. Земля хранит могилы предков.

И Земля подвергается переделу. Наша земля.

Земля меняет рельеф: как планета, как дом человечества, как пространство для жизни, пространство природы. А более как пространство для нравственности, пространство для совести, пространство для человека, что ближе к образу, чем к подобию...

Конечно, это все происходит. Даже политически и геополитически это все происходит. И вот этот скукоживающийся мир дикой природы... по отношению к остальной России. И то же самое Россия по отношению к миру Запада — она такая же сейчас, подвергающаяся натиску, и она так же скукоживается. И вот мы — просто защитники этих скукоживающихся миров.

Это из интервью Тарковского.

Таков контекст...

Пути Господни неисповедимы, но человек должен совершить осознанный выбор движения. Это ведь не подвижничество даже, таково предназначение человека — делать то, что должно, что обусловлено его сотворением, иначе рождение человека на этот свет совершенно бессмысленно.

И для Тарковского отъезд в сибирскую глушь — это крайняя возможность сохранить в себе живую человеческую природу, основанную как раз на признании того, что человек не более чем дитя природы, возможно, самое важное дитя, но все же... Ведь божественного присутствия в природе не меньше, чем в человеке.

Современный человек, проигравший за XX век множество битв в «изнурительной борьбе» с природой и с тем почти утративший в себе искру Божью, вынужден отступать к природе, чтобы у нее же почерпнуть утраченное. Чтобы жить в мире определенности, где каждому ясно, «что такое хорошо и что такое плохо», где в замороженном времени не разлагается такой скоропортящийся продукт, как человеческая душа.

По мнению Тарковского, для человека благотворен холод Сибири:

Человек должен в это лихолетье заморозить все лучшее в себе, чтобы его не размыло, не растопило-съело всеми этими потоками скверны, которые на нас льются со всех мировых дыр и из дыр идеологии.

Возможно такое только там, где вековечный сибирский простор и воля.

Необходимость простора и воли — это у Тарковских семейное. Андрею Арсеньевичу в Париже не хватало российского простора и вольного воздуха. Ведь Франция — всего лишь одна четвертая часть Красноярского края.

И ностальгия — чувство семейное.

«Ностальгия» означает тоску по тому, что так далеко от нас, по тем мирам, которые нельзя объединить, но это также и тоска по нашему родному дому, по

нашей духовной принадлежности», — так писал о ностальгии Андрей Тарковский.

Воистину, миры те не объединить. Проблема нынче в том, как эти миры, жизненно важные для человека, не утратить! Как разрешить конфликт между цивилизацией и природой человека? И как не заглушать, а напротив — пробуждать в современниках ту самую тоску «по нашей духовной принадлежности»? Видимо, генетической связью с жизненно важными мирами!

Сильные и дикие места... Мне казалось, что сила русской земли в них всемогуща, и крепкие люди, жившие десятилетиями труднейшей жизнью, вынесшие и войну, и укрупнение, выжившие в последнем развале, должны только накапливать противоядие к чуждому и дюжий почвенный дух... И что меня, обессиленного войной на городских рубежах, они этим духом подпитывают...

Вот в какие миры авторской волей Михаила Тарковского отправляется Сергей Иванович Скурихин.

Отправляется, гонимый ностальгией по настоящему.

Я не знаю, как остальные,
 но я чувствую жесточайшую
 не по прошлому ностальгию —
 ностальгию по настоящему.

Это та правда, шукшинская. Та Правда, что есть Нравственность. Правда, возведенная в ранг насущной потребности и по-своему сформулированная современником Шукшина поэтом Андреем Вознесенским.

Ностальгия по настоящему — единственный знаменатель для автора и читателя, возможность их диалога.

Диалога, что ведется при посредничестве литературы, где литература — и доверенное лицо, и третейский судья.

И становится важным, что у Сергея Скурихина, главного героя повести «Полет совы», профессия — учитель литературы и русского языка. Автору пришлось очистить мировоззрение своих героев от сомнений, раздумий, недопонимания и создать героя с точной и ясной позицией, как никогда близкой к позиции самого автора.

Время потребовало от Тарковского героя шукшинской ясности и простоты, такого, как, скажем, Пашка Колокольников.

Скурихин, пожалуй, герой совсем без двойного дна, рыцарь с открытым забралом. И Тарковский в повести совершенно точно, почти публицистично обозначает нравственные приоритеты — идет война и он, словно командир, расставляет опытных бойцов на особо важные участки. Скурихин — фильтр (укрепленный блокпост) на пути той литературы, что избегает реальности и в угоду народившемуся обществу потребления создает комфортную среду.

«Русская литература, младшая сестра молитвы...» — вот критерий Скурихина.

Учитель Скурихин — проповедник той литературы, что выступает за осознанный выбор человека, за жизнь в нравственном поле.

Пути-перепутья Шукшина и Тарковского, пройдя личную точку невозврата, прочертили своеобразные параболы осознанного движения (Сростки — Москва, Москва — Бахта) и сошлись в точке совести.

У Шукшина совесть — это уговор человека с человеком, а у Тарковского совесть — это уговор человека с Богом.

Шукшин ратовал за клубы, Тарковский ратует за храмы.

Литература Шукшина — это беспокойная человеческая совесть. Именно совестью мерил Василий Макарович отношение человека ко времени и к самому себе.

Литература Тарковского — это «младшая сестра молитвы». И он молится за Россию, за каждого из нас. И в переносном, и в прямом смысле, как это делает его герой Сергей Иванович Скурихин:

Я... люблю... этот... народ, какой он ни есть, зрячий и слепый, пьяный и трезвый, безбожный и праведный, драный и сытый, читающий и пьющий, геройский и равнодушный, молящийся и богохульствующий, стоящий насмерть под пулями и позарившийся на бранные блага, предающий друг друга за кусок хлеба и ныряющий за брата в гущу ледяную и огневую! Дай мне сил на это Господи Иисусе Христе, Мати Пресвятая Богородице, Ангеле Хранителе мой Святой Преподобный Сергей! Это и есть моя честь и слава в тяжелейшее время для моего народа, обезволенного и поглупевшего, готового в тоске на любую кость кинуться: в роковое это время дана мне милость служить ему, воевать за него вместе с теми малыми силами, которые еще способны на войну, и драться неистово и до конца дней своих, и, если надо, положить жизнь!

В молитве Скурихина — выбор, сделанный по совести между «хорошо» и «плохо», между добром и злом. Точка невозврата «до и после». Цель и средство. Смысл жизни.

Человек, он *«зрячий и слепый, пьяный и трезвый, безбожный и праведный, драный и сытый, читающий и пьющий, геройский и равнодушный, молящийся и богохульствующий»*, он разный... Человек остается человеком. Или не остается. Все зависит от того, какой выбор он сделает.

Осознанный выбор.

А выбор — это уже не ностальгия по настоящему, а — настоящее.

Соллертинский И. И. Этюды о музыке. — Новосибирск, Свиныи и сыновья, 2017.

Это издание трудов выдающегося музыкального деятеля России, художественного руководителя знаменитой Ленинградской консерватории Ивана Ивановича Соллертинского (1902—1944) — настоящий подарок для любителей музыки, ведь в последний раз его работы издавались отдельной книгой в 1963 г. и давно стали библиографической редкостью. В основу настоящего сборника легли «Музыкально-исторические этюды» (1956) и их переиздание «Исторические этюды» (1963), содержащие статьи о жизни и творчестве некоторых зарубежных композиторов, мало известных в России, об интерпретациях их крупных симфонических и оперных произведений, о связях между классической музыкой и классической литературой. Дополнительно в «Этюды о музыке» включены работы о Ф. Листе, Б. Сметане, Р. Штраусе, А. Шенберге, ранее выходившие отдельными брошюрами, а также критические статьи на оперные и балетные спектакли 1930-х гг. по произведениям Глинки, Мусоргского, Чайковского, Прокофьева и других русских классиков. Отдельная часть книги посвящена культурной деятельности И. И. Соллертинского в Новосибирске, куда он приехал в 1941 г. в эвакуацию вместе с коллективом оркестра Ленинградской филармонии в качестве художественного руководителя и где скончался в 1944 г. Этот раздел содержит небольшие газетные материалы И. И. Соллертинского, опубликованные в то время в «Советской Сибири», и очерк новосибирского музыковеда Б. В. Робинсона о влиянии личности Ивана Ивановича на развитие музыкальной культуры в Новосибирске.

Книга написана живым, образным языком и адресована всем любителям классической музыки.

Маранин И. Ю. Сибирский да Винчи. Архитектор Шкаруба и его город. — Новосибирск, Свиныи и сыновья, 2017.

Новосибирский писатель Игорь Маранин особенно известен своей книгой «Мифосибирск», посвященной легендам и загадкам нашего города, а также циклом популярных исследований новосибирской истории «Новосибирск: пять исчезнувших городов» (в соавторстве с Константином Осевым, на сегодняшний день вышло два тома). Его новая книга повествует о «сибирском да Винчи» — нашем земляке и современнике Викторе Михайловиче Шкарубе, архитекторе, изобретателе, дизайнере, человеке с универсальным талантом и смелой фантазией. Автор рассказывает об изобретениях и проектах своего героя, как уже воплощенных, так и еще ждущих своего часа.

Книга И. Маранина будет интересна людям любого возраста, но особую пользу может извлечь из нее читатель молодой, умеющий мечтать и задумывающийся о том, как воплотить свои мечты в жизнь.

Голодяев К. А. Новосибирск «на ощупь» (неспешные прогулки по городу). — Новосибирск, Издательство МКУК «Музей Новосибирска», 2017.

В издательстве МКУК «Музей Новосибирска» вышла новая книга известного краеведа, сотрудника музея, одного из авторов журнала «Сибирские огни» Константина Голодяева. Издание приурочено к 125-летию Новосибирска и представляет собой сборник очерков об истории улиц, зданий, некоторых районов

нашего города, а также о случившихся в нем интересных событиях (визитах ключевых фигур государства, параде 9 мая 1945 года и т. п.). Книга написана в популярной форме — в виде увлекательной экскурсии. Автор пользовался большим количеством архивных материалов, но наряду с ними обращался и к воспоминаниям городских старожилов, а в заключение даже представляет на суд читателей свою художественную прозу — рассказ «А черемуха цветет», основанный на документах и описывающий в литературной форме реальные исторические события.

Сборник адресован широкому кругу читателей, интересующихся историей Новосибирска, как постоянным жителям нашего города, так и его гостям.

Лаптев А. К. Бездна. — Иркутск, Форвард, 2017.

Новая книга иркутского прозаика, одного из авторов журнала «Сибирские огни» Александра Лаптева представляет собой документально-художественное повествование, события романа — это реальная история жизни и гибели известного сибирского писателя, героя Гражданской войны П. П. Петрова (в романе он выведен под именем Петра Поликарповича Пеплова). Книга А. Лаптева — результат нескольких лет исследовательской работы в музеях и архивах, поездки на Колыму и бесед с оставшимися в живых свидетелями, изучения литературного наследия П. П. Петрова и осмысления трагических событий эпохи сталинских репрессий. Повесть «Армань», из которой впоследствии вырос этот роман, печаталась в журнале «Сибирские огни» в 2016 г. Для широкого круга читателей.

Котегова В. Е. Ради чего живем. Воспоминания первостроителя Академгородка. — Новосибирск, 2017.

Новосибирский Академгородок, который начал строиться по проекту ака-

демика М. А. Лаврентьева в 1958 г., обязан своим возникновением не только ученым, но и тем, кто возводил стены институтов и жилых домов, прокладывал дороги и коммуникации. Валентина Ефимовна Котегова, машинист башенного крана 7-го разряда, приехала на место будущего наукограда одной из первых. На ее глазах и при ее участии Академгородок прошел путь от первых просек в лесу до своего нынешнего состояния. Автор вспоминает, как это было, рассказывает о встречах с легендарным М. А. Лаврентьевым. Но книга не только об этом. Академгородок — лишь часть большой и насыщенной жизни автора, уже достаточно долгой, чтобы можно было подводить итоги и пытаться ответить на вопрос, ради чего она прожита.

Судьба автора изначально связана с народной культурой. Можно сказать, что Валентина Ефимовна — ее исконный носитель. Она выросла в большой деревенской семье на Вятке, долгое время собирала фольклор. А потом пришло время передавать эти знания — и появился курс народной культуры для школьников, музей «Горница» и детский фольклорный ансамбль «Журавушка», который вскоре стал известен далеко за пределами Сибири и даже России. В конце сборника есть приложения, среди которых сценарии на основе фольклорных материалов и описание старинного обряда русской свадьбы.

Михеева С. Открытое море. — Иркутск, Иркутское региональное представительство Союза российских писателей, 2018.

Сборник иркутского поэта и прозаика Светланы Михеевой носит подзаголовок: «Истории о любви». Эти истории пронзительны и странны, часто вроде бы вполне бытовой сюжет неожиданно превращается в миф, сказку, фантастику — и при этом не становится менее правдоподобным. Может быть, потому что именно при таком повороте острее всего звучат

вопросы: что такое любовь, как далеко она простирается, чего может потребовать от человека, что подарит и что отнимет?

Если твой любимый тоскует по лесной воле, как герой рассказа «Турист», — отпустить его или продолжать цепляться? Если большое чувство ушло и душа омертвела, как это случилось с героиней повести, давшей имя сборнику (опубликована в № 12 «Сибирских огней» за 2017 г.), — возможно ли найти в жизни новый смысл? В каждом рассказе С. Михеевой любовь, о которой, казалось бы, уже все давно написано, открывается читателю с непривычной, даже неудобной стороны, вторгаясь в жизнь героев, изменяя ее порой непоправимо, трагически. Мир чувств — открытое море, и никто не знает, чем закончится плавание.

Михеева С. Эссе. — М., «ЛитГОСТ», 2018.

Несмотря на то что под обложкой собраны размышления об очень разных авторах — русских и зарубежных, продолжателях традиции и авангардистах, живших давно и наших современниках, — сборник производит цельное впечатление. Каждое эссе снабжено поясняющим подзаголовком, как правило интригующим: «Об утерянной ностальгии Георгия Иванова», «О качестве свободы Иосифа Бродского», «О жреческом деле Эдуарда Багрицкого», «Об отмененных приключениях Александра Грина» и т. п. А сами тексты подкупают тем, что в них чувствуется глубокий личный интерес и яркое, эмоциональное личное восприятие. «Иногда он напоминает мне младшего сына европейского феодала, которому не досталось места в отцовских землях, но достались конь и оружие, — пишет автор о Бродском. — И он отправляется в крестовый поход. А по возвращении сочиняет элегии, ноктюрны, письма...» Пронзительно звучат эссе о писателях-провинциалах: «Как некий местный

лейтмотив...» о поэте Вячеславе Тюрине и «Ветер удивления» о драматурге Владимире Гуркине. «Стеклянная звезда» — работа о Велимире Хлебникове, чей напряженный внутренний поиск безнадежно малопонятен массовому читателю. Впрочем, этот поиск, этот странный внутренний голод в том или ином виде и в той или иной мере присущ каждому из тех, о ком рассказывают эссе Светланы Михеевой.

Кирилин А. В. Под знаком творца. — Барнаул, Алтайский дом печати, 2017.

Роман барнаульского журналиста и прозаика Анатолия Кирилина, постоянного автора «Сибирских огней», написан в начале 2000-х и публикуется не впервые. Тема поиска человеком своего места в беспощадно изменяющемся обществе, тема потери и обретения внутренних опор не принадлежат какому-то определенному времени. И еще не раз будут предприниматься попытки осмыслить тот слом, который наша страна пережила в 1990-е, так что роману Кирилина суждена долгая жизнь. Образность и умение создавать яркие характеры сочетаются у автора с прекрасным знанием фактов, множеством точно подмеченных жизненных деталей: чувствуется опыт Кирилина-журналиста. Судьба испытывает героя романа — Найденова, то позволяя ему существовать вполне сносно, «как все», то опуская до уровня бомжа, превращая его то в бесправную прислугу «новых русских», то в наследника несметного состояния. И эти перемены не выглядят авторским произволом: то ли еще бывало в «лихие 90-е»! У каждого из людей, которых Найденов встречает на пути, своя жизненная философия, свои цели и дела на этой земле. Из этой пестрой мозаики складывается образ России того времени: во многом горький и абсурдный, но не лишенный надежды.

Лариса Подистова

Тамара БУСАРГИНА

ВСЕЛЕННАЯ ЛЬВА СЕРИКОВА

Лев Иванович Сериков родился в 1945 г. в городе Черемхово Иркутской области. В 1969 г. окончил декоративное отделение Иркутского училища искусств (педагог Г. Г. Леви). В 1970—1980 гг. занимался художественным проектированием, оформлял городскую среду. С 1981 по 1988 г. был главным художником города Иркутска.

Участник многих областных, зональных выставок, выставлялся в Москве, Париже, имеет звание заслуженного художника России. Живет в Иркутске.

На выставках современного искусства мы все чаще сталкиваемся с произведениями, при лицезрении которых, а тем более при попытке их осмысления, а еще, не дай бог, при их профессиональной оценке применять классические эстетические критерии противопоказано. Прекрасное, например, модно рассматривать не как коренное, изначальное качество произведения искусства, а лишь как одну из его возможностей. И отрадно встретить художника, который видит и передает мир целостным и гармоничным, прекрасным, т. е. старается раскрыть человеческое пусть даже и в нечеловеческом мире.

От бесструктурного и дисгармоничного мира мы все порядком подустали.

Экспозиция третьей персональной выставки (первая была в 1977 г., вторая — в 2005 г.) скульптора Льва Серикова, открывшейся в сибирском отделе Иркутского художественного музея, составлена так, что зритель с очевидностью определяет основные темы, интересующие скульптора, и даже может сориентироваться — в какие годы что его занимало: на выставке представлены произведения, созданные в период с 90-х гг. прошлого века до 2017 г.

Выставка Льва Серикова, на первый взгляд вполне комфортная и камерная, на самом деле выдает в нем такого человека и художника, который хочет принудить зрителя задуматься над вопросами, волнующими его самого. Диапазон времен, тем и образов обширен: художник решил протянуть нить между нами и вечностью — от ветхозаветных Адама и Евы до еще памятных нам Шагала и Дали, захватив по пути протопопу Аввакума, Гоголя и Шаламова. Вечный вопрошатель, как и положено художнику, он хочет найти ответы на сегодняшние вопросы в глубине веков. А поскольку эта задача в принципе не выполнима, в работах, особенно библейского и античного циклов, скульптор, на мой взгляд, взял верный тон: обошелся с большинством тем изящно и не без доли иронии. Ведь все равно, как писал великий Боратынский, «храм упал, а руин его потомок языка не разгадал».

В серии «Античный мир» Лев Сериков толкует миф как нечто вневременное. И действительно, отображенный поэтически, миф становится вполне современным. Нам интересно рассматривать и разгадывать авторское прочтение мифа

в композициях «Навзикая» (2011), «Сафо» (2013), «Диоген» (2014), и при этом не так уж и важно, совпадает ли твое восприятие, допустим, двух композиций с традиционным сюжетом «Леда и лебедь» (2006, 2014) с авторским замыслом. На мой взгляд, в трактовке Льва Серикова известный сюжет раскрывается как конфликт отнюдь не эротического, а пантеистического свойства. Это тема рождения новых смыслов от сопряжения двух стихий, человеческой и природной, предчувствие неведомого и невиданного.

Обращает на себя внимание цикл работ на библейскую тему: «Адам и Ева» (2000), «Саломея» (2007), «Волхвы» (2013), «Вход в Иерусалим» (2014).

Известно, что сделать из двух фигур нечто композиционно цельное — сложная задача. В композиции «Адам и Ева» скульптор с задачей достойно справился. Он использовал издревле известный прием: сохранил ощущение блока, из которого сделана скульптура, и тем самым объединил группу не просто сюжетно, но и пластически. Прочтение этой скульптуры может быть разным, но мне видится, что Адам и Ева уже не в раю. Они с детской непосредственностью созерцают открывшийся им мир и — в полном неведении своего будущего — ищут опоры друг у друга. Жесты стыдливости Адама и Евы говорят о том, что наши праотцы с изумлением обнаружили: они наги! Так закончилось детство человечества.

Скульптурная группа «Вход в Иерусалим» сразу обращает на себя внимание необычностью трактовки темы — сама природа (ослик) взволнованно и в то же время вполне обыденно оповещает о событии космического масштаба, а Христос, удобно расположившись на ослике, готовится въехать в вечный город как обычный крестьянин на базар. Поддача библейской темы вполне в духе русских вертепных действий — и в то же время современна. Воистину, все великое в немощи совершается.

К библейскому циклу очень тесно по смыслу примыкает тема семьи — «Мать и дитя» (2011), «Семья» (2008), «Двое» (2010). Эти работы настраивают зрителя именно на такой высокий, библейский уровень собеседования и переживания вместе с автором семейной темы.

Отношение Льва Серикова к собственному высказыванию не всегда однозначно: он предпочитает в большинстве случаев недоговорить, а не быть многословным, да и сама муза скульпторов, как известно, — дама молчаливая и скрытная. Для меня, зрителя, открывается полный простор истолкования и переживания увиденного, я могу найти (и нахожу) в одной теме, например библейской, множество интонаций.

Замечательный цикл «Большие художники» выдает в авторе современного мастера, а потому и некоторый поклон в сторону постмодернизма — с его стремлением опровергнуть пушкинское «служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво» — вполне уместен. Выполненные на одном дыхании в 2011 г. «Пабло Пикассо», «Сальвадор Дали» и «Марк Шагал» (почему-то с профилем Мейерхольда), эти сокрушители основ и сами большие мистификаторы, поданы с мягкой иронией, остроумно и выразительно. В эту компанию легко вписался автопортрет Льва Серикова (2015) с любимой корчажкой, в которой содержит скульптор, конечно, не только «сок Иппокрены». Вздохнем с грустью о том, что эта чудесная группа, возможно, будет «распродана поодиночке» и от этого пострадает каждая из скульптур.

Отдельная статья — «Павел Филонов» (2012), один из «космистов» в живописи XX в., перед бурями и жестокостями которого он оказался совершенно беспомощным. Художник широко раскрытыми глазами всматривается в нечто нам неведомое, бережно держит между ладонями хрупкий маленький шарик, нашу незащитную, как и человек на ней,

Землю. Мотив очень удачный и много значащий для понимания творчества Филонова.

Выставка разнообразна по мотивам, сюжетам и образам: философы и проповедники, курносые лопоухие дети, очеловеченные животные, фантазийные ложки, а с другой стороны — небольшие по размеру, отвлеченные от обыденности, поэтические и даже вполне монументальные образы — ведь монументальность определяется не размером работ, а их образно-духовной наполненностью. Как большинство современных художников, Лев Сериков не избежал увлечения гламуром, иногда балансируя на грани красоты и красивости, но в некоторых работах («Сон», 1992; «Предчувствие любви», 2001) можно усмотреть желание не просто «поиграть» с линией и силуэтом, но придать им мелодическое звучание, согласное с замыслом.

Творчество скульптора связано не только со зрением, но и с осязанием. Это знает художник, но не всегда знает зритель. У зрителя другие «пределы осязания», и все-таки, созерцая работы Льва Серикова, зрители, даже не очень искушенные в пластических искусствах, как бы примеривают на себя «тактильную память» автора. Скульптуры хочется ощупать, прикоснуться к поверхности, погладить. Они сохранили тепло рук художника, его творческое волнение.

О мастерстве обращения скульптора с деревом, в частности с кедром, можно сказать много хорошего: и как он чувствует его структуру, как досконально изучил пластические и фактурные, а главное — образные возможности кедра, как деликатно и в согласии с замыслом тонирует дерево. Но у меня создается

впечатление, что мастеру иногда хочется вырваться из объятий кедра, который уже никак ему не сопротивляется, и тогда Лев Сериков фактурно обрабатывает поверхность дерева так, что оно (во всяком случае, на неблизком расстоянии) «притворяется», допустим, бронзой. Таковы «Волхвы» (2013), таков «Гоголь» (2009). При близком же рассмотрении ты понимаешь, что способ моделировки поверхности портрета Гоголя продиктован образом — автор обнажает мятущуюся, беспокойную, болезненно-ранимую натуру писателя. Счастливым найденным мотивом (об этом почему-то ни один из авторов до обидного немногочисленных портретов Гоголя не догадался): скульптор, стремясь показать одиночество Гоголя и его желание отгородиться от мира и людей, упрятал его в шинель Акакия Акакиевича. Лев Сериков, на мой взгляд, создал скульптуру, достойную стать памятником нашему национальному гению.

Много хороших и разных ассоциаций и параллелей возникает в душе, когда смотришь на работы скульптора. Иногда они заставляют вспомнить Джакомо Манцу («Двое», 2010). В желании удержать энергию внутри объема в работах «Вселенная» (1996), «Счастливые» (2009) я уловила нечто от Генри Мура (выставки и того, и другого проходили в Иркутске в былые времена). Художник должен жить в культуре! Во многих работах, вариациях на тему «Двое», в одиночных «Спящих», в композиции «Клетка Шаламова» — явственно ощущаешь усилие порвать оболочку, вырвать душу человеческую из тесных телесных пут. Но необыкновенное напряжение, загнанное внутрь и готовое вырваться наружу, крепко удерживается тугой, как натянутый лук, напряженной линией поверхности.

АВТОРЫ НОМЕРА

Антонов Андрей родился в 1966 г. в Перми. Окончил семинарию при Троице-Сергиевой лавре. Преподавал в Вятском духовном училище богословские дисциплины и красноречие. С 2012 г. работает в Кировском театре кукол имени А. Н. Афанасьева в должности завлита. Автор нескольких книг прозы, сборника стихов и более трехсот статей на темы культуры и этики. Живет в Кирове.

Бусаргина Тамара Георгиевна родилась в Иркутске. Окончила Иркутский государственный университет и факультет теории и истории искусств Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Кандидат искусствоведения. Автор более сорока работ по истории искусства Сибири, детскому художественному творчеству. Живет в Иркутске.

Вегнер Александр Александрович родился в 1956 г. в Новосибирской области. Окончил заочное отделение экономического факультета Новосибирского сельскохозяйственного института. Работал в опытно-производственном хозяйстве «Кочковское». Пишет рассказы и повести. Публиковался в газете «Sibirische Zeitung plus». В 2014 г. при содействии Международного Союза немецкой культуры и Новосибирской областной организации российских немцев выпустил книгу «Картины минувшего века».

Владимиров Сергей Андреевич родился в 1977 г. в Новосибирске. Окончил Новосибирский государственный педагогический университет. Работал журналистом, специалистом по связям с общественностью, ведущим и редактором на телевидении. Живет в Новосибирске.

Газов Анатолий родился в 1953 г. в Устюжне. Служил на Черноморском флоте, работал забойщиком на шахтах Донбасса. Заочно окончил юридический факультет Ростовского государственного университета и Енакиевский политехнический техникум. Живет в Череповце.

Домрачева Ольга Николаевна родилась в 1971 г. в Куйбышеве Новосибирской области. По образованию бухгалтер, работает начальником страхового отдела ПАО СК «Росгосстрах». Победитель межрегионального конкурса на соискание премии им. И. Д. Рождественского (Красноярск, 2016), лауреат премии журнала «Сибирские огни» (2017). Живет в р. п. Большеречье Омской области.

Копнинов Валерий Павлович родился в 1963 г. в Барнауле. Окончил Алтайский институт культуры и ГИТИС. Автор книги рассказов «Суккины дети». Публиковался в журнале «Север». Работает режиссером телевидения. Член Союза театральных деятелей РФ. Живет в Барнауле.

Корниенко Игорь Николаевич родился в 1978 г. в Баку. Работал корреспондентом, ответственным секретарем, заместителем редактора в различных СМИ г. Ангарска. Руководитель молодежной секции ангарского литобъединения. Пу-

бликовался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Москва», «День и ночь» и др. Автор двух книг прозы. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии им. Астафьева (2006). Живет в Ангарске.

Короткова Наталья Сергеевна родилась в 1974 г. в Бердске Новосибирской области. Окончила факультет психологии Новосибирского гуманитарного института. Работала психологом в реабилитационных центрах для инвалидов. В настоящее время директор по персоналу торговой компании. Публиковалась в журналах «Дон», «Огни над Бией». Живет в Бердске.

Косарев Михаил Алексеевич родился в 1961 г. в Новосибирске. Окончил факультет журналистики Томского государственного университета. Литературно-критические статьи публиковались в журналах «Литературное обозрение», «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

Легеза Дмитрий Владимирович родился в 1966 г. в Ленинграде. Окончил медицинский институт, работал врачом. Печатался в журналах «Знамя», «Интерпоэзия», «Сибирские огни» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат конкурса им. Хармса (2013). Стихи переводились на английский, польский, французский и др. языки. Член Союза российских писателей. Живет в Санкт-Петербурге.

Назаров Игорь Владимирович родился в 1970 г. в Киселевске Кемеровской области. Окончил Кемеровский государственный университет по специальности «правоведение». Работает юристом. Публикуется впервые. Живет в Киселевске.

Павловская Анна Славомировна родилась в 1977 г. в Минске. Окончила Институт журналистики и литературного творчества. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия» и др., в ряде антологий, в том числе «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)», «Русская поэзия. XXI век», «Лучшие стихи 2013 года». Автор книг «Павел и Анна» (2002), «Торна Сорренто» (2008), «Станция Марс» (2018). Лауреат ряда литературных премий. Живет в Домодедове.

Фомичев Александр Анатольевич родился в 1992 г. Аспирант Алтайского государственного университета. Арахнолог, специалист по фауне и систематике пауков Центральной Азии. Автор более тридцати научных работ. Живет в Барнауле.

Яковлев Роман Викторович родился в 1974 г. в Барнауле. Окончил Алтайский государственный медицинский институт. Энтомолог, специалист по систематике и зоогеографии чешуекрылых. Доктор биологических наук, профессор кафедры экологии, биохимии и биотехнологии Алтайского государственного университета. Автор двенадцати монографий и более двухсот научных работ. Участник и организатор ряда экспедиций в Латинскую Америку, Африку, в азиатские регионы России. Живет в Барнауле.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 27.09.2018. Дата выхода № 11 за 2018 г. в свет 05.11.2018.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.